

Москва 2020

Рудольф Штайнер

Оригинал этой книги опубликован на
немецком языке под названием

Neues Christus-Erleben

Rudolf Steiner Verlag
Basel, Schweiz, 2015

GA 69c

Новое переживание Христа

Двенадцать открытых лекций с ответами на вопросы,
прочитанных в Кристиании (Осло), Штутгарте,
Кёльне, Гамбурге, Бремене, Пфорцхайме, Дрездене,
Страсбурге, Карлсруэ, Нюрнберге и Мюнхене между
13 июня 1910 г. и 8 марта 1914 г.

Согласно стенографическим записям и заметкам слушателей

ПСС 69c

Перевод с немецкого С.А. Гуменник

К публикациям лекционных работ Рудольфа Штайнера

Рудольф Штайнер всегда читал свои лекции свободно, то есть без заготовленных рукописей. Многие из своих предварительных мыслей он набрасывал исключительно в образе ключевых слов, иногда в коротких предложениях, схемах или эскизах в записных книжках, не разрабатывая их далее в письменном виде. Лишь в некоторых случаях имеются подготовленные письменно краткие обзоры, предназначенные для переводчиков. Тем не менее, он согласился на публикацию своих лекций, хотя самостоятельно смог подготовить к печати лишь отдельные из них.

Лекции, публикуемые в полном собрании (сочинений) Рудольфа Штайнера, как правило, базируются на стенографических записях, сделанных во время лекции слушателями или приглашёнными профессиональными стенографистами. В различных случаях – и это относится к первоначальным годам его лекционной деятельности, примерно до 1905 года – основой для текста служат также письменные материалы, подготовленные и выполненные слушателями. Для публикаций записи или заметки слушателей подвергаются обстоятельной проверке, в частности относительно смысла, построения предложения и точности воспроизведения цитат, собственных имён или специальных терминов. При возникновении затруднений, таких как не поддающиеся расшифровке предложения и слова или пробелы в тексте, если таковые имеются, в исходные стенограммы добавляют разъяснения.

Дальнейшие указания к форме текста и истории возникновения находятся в конце тома.

Содержание*

Лекция первая 13

Христос в двадцатом веке

Кристиания (Осло), 13 июня 1910 г.

Исследование фактов и духовные исследования по вопросу: «Существовал ли Иисус?» Откровение Христа в древние времена. Что означает для человечества явление Христа в физическом теле? Учение о реинкарнации духовно-душевного. Различное понимание мыслей о реинкарнации в буддизме и в духовном исследовании. Приобретение новых способностей познания и будущее духовное видение Христа.

Лекция вторая 34

Христос и двадцатый век

Штутгарт, 22 февраля 1912 г.

Вопрос Христа с точки зрения исторического исследования. Точка зрения духовной науки и идея гностиков о Христе. Понимание Христа средневековыми мыслителями и философия Аристотеля. Душевное развитие и познание Христа. Древние мистерии и Мистерия Голгофы. Исторический и внутренний Христос. Духовное пришествие Христа.

---

* Открытую лекцию, прочитанную в Карлсруэ 4 октября 1911 г., можно найти на русском языке в книге Р. Штайнера «От Иисуса ко Христу» (ПСС 131), поэтому в данном томе она не переведена. – прим. пер.

Лекция третья 44

Христос и двадцатый век

Кёльн, 6 мая 1912 г.

Вопрос Христа с религиозной и исторической точек зрения. Преобразование идеи Христа в ходе столетий: духовный принцип гностиков, принцип веры в Средневековье, современное желание исторического понимания Христа. Осознанное ученичество. Значение сострадания и совести. Будущее переживание Христа.

Лекция четвёртая 68

Христос в двадцатом веке

Гамбург, 16 ноября 1912 г.

Вопрос Христа в духовных течениях современности и в духовной науке. Метод духовно-научного исследования. Учение гностиков о развитии и современное естествознание. Главная идея гностиков. Средневековое понимание Христа. Развитие естествознания в новейшее время и его последствия: утрата Христа и возникновение «понимания Иисуса». Отрицание Иисуса на основании недостаточности исторических свидетельств. Христос как идея. Исторический и мистический Христос. Духовное пришествие Христа.

Лекция пятая 100

Христос двадцатого века

Бремен, 10 января 1914 г.

Значение импульса Христа для развития человечества. Понимание Христа гностиками и в средние века. Понимание Иисуса и Христа в новое время. Богословие об Иисусе. Иисус только в качестве идеального человека у Розеггера или только Бога у Бенджамина Смита. Познание Христа в духовной науке. Древнее ясновидение и его преображение благодаря событию Христа. Значение деяния Христа для Земли и человечества. Мистический и исторический Христос. Природный и моральный мировой порядок.

Лекция шестая 113

Христос в двадцатом веке

Пфорцхайм, 8 февраля 1914 г.

Ответы на вопросы. Что произошло с телом Христа после положения во гроб? Что означает «Вознесение Христа»? Для чего нужна духовная наука, если существует Библия? Что означает молитва в духе христианства? О различии между Буддой и Христом. Был ли Иисус Христом ещё до Крещения в Иордане?

Лекция седьмая 119

От Будды ко Христу

Дрезден, 18 ноября 1910 г.

Интерес к Будде в наше время. Теория наследственности и мысли о реинкарнации. Воспоминание и «Я»-представление. Буддистская притча. Будда и его учение. Отличие между буддизмом и христианством.

Лекция восьмая 128

Сущностное ядро христианства

Страсбург, 18 февраля 1911 г.

Чем может стать представление о повторяющихся земных жизнях для современного человека? Формирование идеи о развитии также для душевной и духовной жизни человека. Сравнение буддистских чувства и мышления с христианскими. Религия освобождения и религия Воскресения. Понятия Бодхисаттвы, Будды и Христа. Высшее «Я». Что означает Павел для христианства? Будущие воплощения и импульс Христа.

Лекция девятая. 161

От Иисуса ко Христу

Нюрнберг, 1 декабря 1911 г.

Проблема Христа Иисуса в настоящее время. О трудности понимания для современного человека основного вопроса христианства – Воскресения. Всеобщий спад понимания христианства. Что должна сказать теософия о Христе Иисусе? Преобразование внутренних сил души и переживание чуда. Центральное духовное ядро человека и повторяющиеся земные жизни. Путь ко Христу.

Лекция десятая. 181

От Иисуса ко Христу

Гамбург, 15 ноября 1913 г.

Духовная наука как продолжение естественно-научного образа мышления. Увеличение способности познания благодаря упражнению. О характере духовно-научных сообщений. Основной биогенетический закон Геккеля и эпохи развития человечества. Индивидуальное духовно-душевное развитие в первой и второй половинах жизни. Древние мистерии и силы молодости человечества. Двойкий путь посвящения и его объединение благодаря Христу Иисусу. Путь любви. Мистический и исторический Христос. Благодаря Христу находят Иисуса.

Лекция одиннадцатая. 219

Рафаэль в свете духовной науки

Мюнхен, 11 марта 1913 г.

Борьба Германа Гримма за представление жизни Рафаэля. Рафаэль и его внешнее окружение. Различие христианских импульсов у Рафаэля и Савонаролы. Рафаэль в Риме. Теория развития с точки зрения духовной науки; духовное происхождение человека. Христианские нюансы в работах Рафаэля и совершенно иного рода влияние греческого искусства. Рассмотрение Рафаэля с точки зрения духовной науки. Ответы на вопросы: публикация лекций. Ясновидение и цветовая слепота. О молитве. Христианство и вегетарианство.

Лекция двенадцатая. 253

Миссия Рафаэля в свете науки о духе

Штутгарт, 19 мая 1913 г.

Искусствовед Герман Гримм и его книга о Рафаэле. Рафаэль в Перудже в качестве ученика Перуджино. Флоренция и Савонарола. Особые христианско-космические импульсы Рафаэля. Направления развития человечества с точки зрения духовной науки; человек как духовно-душевное существо. Необходимость мыслей о перевоплощении для понимания работ Рафаэля.

Приложение 289

Об этом издании

История возникновения текста

Информация к тексту

Примечания к тексту 293

Примечания к первой лекции от 13 июня 1910 г.

Примечания ко второй лекции от 22 февраля 1912 г.

Примечания к третьей лекции от 6 мая 1912 г.

Примечания к четвёртой лекции от 16 ноября 1912 г.

Примечания к пятой лекции от 10 января 1914 г.

Примечания к шестой лекции (ответы на вопросы) от 8 марта 1914 г.

Примечания к седьмой лекции от 18 ноября 1910 г.

Примечания к восьмой лекции от 18 февраля 1911 г.

Примечания к девятой лекции от 1 декабря 1911 г.

Примечания к десятой лекции от 15 ноября 1913 г.

Примечания к одиннадцатой лекции от 11 марта 1913 г.

Примечания к ответам на вопросы в одиннадцатой лекции

Примечания к двенадцатой лекции от 19 мая 1913 г.

Лекция первая

Христос в двадцатом веке

Кристиания (Осло), 13 июня 1910 г.¹

Уважаемые слушатели! В этом году я снова хотел бы выразить большое сожаление, так как я не могу прочесть сегодняшнюю лекцию на Вашем языке. Но это невозможно, и поэтому примите мои извинения, что я поставлен перед неизбежностью говорить о теме, составляющей предмет сегодняшней лекции, на иностранном для Вас языке.

Об этой теме следует говорить с точки зрения духовной науки, духовного исследования. Этим уже указывается на то, что весь способ обсуждения, представления, которому должно подвергнуться рассмотрение Христа в двадцатом веке, относится к мало популярной сегодня области, потому что духовная наука или теософия не только не популярна в самых широких кругах сегодняшнего образованного мира, но даже ещё совершенно неизвестна. Но именно духовная наука таит в себе миссию говорить о наиважнейших вопросах, о самых внутренних фактах сердца человека в настоящем и будущем времени. Краткое рассмотрение следующего может ясно выразить это именно в отношении нашей сегодняшней темы.

С тех пор как я здесь в прошлом году смог говорить на подобную тему², в Германии произошло бурное обсуждение. Во всех больших городах Германии в течение последних месяцев на столбах афиш можно было прочесть слова: «Существовал ли Иисус?»³. Были прочитаны многочисленные лекции, на которых выступали за или

против этого вопроса, существовал ли Иисус вообще. Примечательно, что не существует никаких [внешних] доказательств того, что Иисус из Назарета действительно является исторической личностью, и миллионы людей рассматривали его как носителя величайших надежд, как исходный пункт утешения в глубочайших страданиях. Важным фактом является то, что наука нашего времени должна поднять вопрос, жил ли вообще когда-нибудь этот всеми любимый и святой человек, и что нет исторических доказательств, существовал ли он на самом деле.

Таким образом, как описывалось, что наука во внешнем исследовании фактов пришла к этой точке зрения, также описывалось, что в наше время, мало известным образом для нашего просвещенного времени, проявилось духовное направление, которое исходя только из фактов духовного исследования должно сказать: «Эти факты духовного исследования с уверенностью, которую не могут дать никакие внешние документы или внешние предания, свидетельствуют о реальности Иисуса. Там, где внешние исследования фактов теряют возможность доказать существование исторического Иисуса, выступает духовное исследование, которое всё больше становится способным с абсолютной уверенностью доказать факт исторического существования Христа Иисуса».

Наше время прошло через великие, мощные открытия в отношении внешнего, физического исследования фактов и по праву гордится этим. Но духовная наука обязана указать, что возможно создать ещё другие инструменты и орудия, которые нельзя воплотить в жизнь внешними руками и увидеть внешними глазами, но которые могут быть созданы человеком, если он развивает силы, уже присутствующие в его повседневной душевной жизни —

силы мышления, чувства и воли —, выходя за их обычные границы. Духовная наука должна указать, что силы мышления, чувства и воли, которыми человек первоначально обладает в нормальном развитии, можно увеличить, и что даже сегодня ещё, как это было с древнейших времён, существуют духовные исследователи, которые в своих исследованиях не только не используют внешние инструменты, внешние орудия, но также развивают те внутренние силы, которые дремлют в человеческой душе.

Человек, который таким образом становится исследователем, получает новые органы познания, которые раскрывают ему нечто, что иначе бы не открылось — органы, благодаря которым на более высоком уровне выступает то, что происходит на более низком уровне для рождённого слепым, если его прооперируют и [благодаря этому он начнёт видеть], и затем он сможет увидеть те цвета и формы, о которых ранее знал лишь из рассказов других людей. Так же происходит и с духовным миром: он является реальностью, но только если человек способен возвысить дремлющие в нём силы до уровня ясновидения — истинного, а не болезненного ясновидения —, тогда он станет для него самостоятельно познанным фактом.

При этом к духовной науке относится тоже самое, что и к любому другому исследованию: столь же мало как люди в повседневной жизни могут постоянно находиться в лаборатории и самостоятельно иметь возможность работать с ретортами и другими инструментами, чтобы отвоевать у природы её секреты, столь же мало, естественно, обычный человек может принимать участие во всём том, что выполняет духовный исследователь. Больше информации об этом Вы можете найти в моей книге *«Как достигнуть познания духовных миров?»*⁴.

Но всё же следует подчеркнуть, что это похоже на то, как химик проводит изыскания в своей лаборатории: познают, что он исследует с помощью своих инструментов, и затем благодаря естественной воле к истине может быть постигнут исследуемый объект. Также происходит в духовной науке или теософии: отдельные люди могут стать исследователями и развить свои силы к ясновидению, затем они могут сообщить о том, что можно увидеть в духовном мире, и потом это можно понять благодаря здравому смыслу, благодаря естественному [логическому] мышлению. Такой результат духовных исследований сегодня необходимо принять во внимание, и настолько, чтобы это принималось Вами – я прошу Вас – так, как если бы химик рассказывал Вам о том, что он изучил в своей лаборатории.

Мы находимся сегодня в отношении понимания Христа, в отношении всей нашей позиции к проблеме Христа в важной, значительной эпохе человеческого развития. Поверьте мне, человек, опирающийся на точку зрения духовной науки, не разбрасывается словами, говоря: «Мы находимся в переходной эпохе». – Он знает, что эти слова уже использовались для многих эпох. Он использует их лишь тогда, когда этого требуют духовные взаимосвязи фактов, когда в определённой эпохе есть нечто совершенно особенное. Мы живём в то время, когда духовное исследование можно сравнить только с ещё более значимым периодом последних столетий до появления христианства, когда ожидания людей были чрезвычайно напряжены по отношению к событию, которое должно было произойти, и выразилось в словах Иоанна Крестителя: «*Измените склад ваших душ*⁵, ибо Царство Божие – духовный мир – приблизилось». Сегодня

духовный исследователь живёт в подобном же ожидании, подобным образом можем мы обратиться к современному человечеству: «Мы находимся перед новым Откровением Христа». Однако, оно произойдёт совершенно иным образом, чем 1900 лет назад.

Итак, что же духовная наука понимает под Христом, когда говорит о новом Откровении Христа в двадцатом веке? Для духовной науки Христос является наивысшим импульсом, вступившим в развитие человечества. Все те, кто когда-либо с помощью ясновидения могли наблюдать духовную жизнь человечества, всегда говорили о Христе, только используя другие имена. Даже великие учителя в Древней Индии, которых обычно называют святыми риши, говорили о Христе. Но как они говорили о Нём? Они говорили так, что все люди, понимавшие их, могли узнать: когда они говорили о «Вишвакармане» – этим именем они называли Христа –, то они говорили о наивысшей духовной силе, к которой человек может вознестись, когда он погружается в свои собственные душевные силы – абстрагируясь от всего, что даёт внешнее, чувственное восприятие – и посмотреть вовне на великие факты мира или заглянуть в своё собственное внутреннее существо. Если человек смотрит вовне в мир и наблюдает то, что расстилается в пространстве и разыгрывается во времени как майя, как иллюзия, и видит за этой, словно расширяющейся завесой майи то, что лежит в основе чувственного мира, то это называют в ведическом учении «Брахман». Если человек смотрит в своё внутреннее существо, на своё собственное «Я», так сказать являющееся частью того, что ткёт и живёт в мире, то это называют «Атман». Так говорит древнее ведическое учение

о Вишвакармане: о ткущем сквозь время и пространство как о «Брахмане», и о являющем внутреннее откровение как об «Атмане». Но ведическое учение настойчиво внушало своим слушателям одну вещь: человек лишь тогда может обрести понимание сущности Вишвакармана, Брахмана и Атмана, когда он станет свободным от всех чувственных воззрений, когда он освободится от всего, что зримо во внешнем пространстве.

Затем пришло время, в которое другой великий водитель развития человечества указал на Христа. Человек, который может не обращать внимания на имена и названия, знает, что великий Зороастр или *Заратустра говорил об Откровении Христа*⁶. Что говорил Заратустра исходя из ясновидения, которым он овладел тем же образом, каким сегодня здесь говорилось о ясновидении, когда указывал слушателям на светящее во внешнем пространстве Солнце? Что он говорил о Солнце? [Он говорил:] «Когда вы поднимаете глаза к Солнцу и видите физический свет Солнца, то этот физический свет является только одеянием духовного Существа. Это тело духовного Существа относится к тому, что поистине живёт на Солнце, как внешняя человеческая телесность к тому, что духовным образом в качестве души пронизывает, ткёт и живёт сквозь человеческое тело». – Но он называл это – слово сейчас неважно – «Аура» или «Ахура Мазда». Для внутреннего глаза это воспринимается как внутренний свет по отношению к внешней телесности. Для глаз ясновидящего аура является тем, что люди переживают духовным образом. Так Заратустра указывал людям вверх к Солнцу: внешний свет Солнца является телесностью для солнечного Духа, которого он, в противоположность малому внутреннему свету в человеке, называл

«великой Аурой». Для Заратустры великая солнечная Аура была тем, что живёт и действует во всём развитии человечества. Для него это также было тем, к чему продвигается вперёд человек, когда охватывает внутреннюю силу души, когда погружается в себя самого. Так говорил Зороастр или Заратустра о великом солнечном Духе, но он говорил о Нём таким образом, что Он является реальным, настоящим духовным Существом, пронизывающим и переживающим мир.

Естествознание изучает материю, из которой состоит человек и которая также действует вовне во Вселенной. Оно рассматривает людей в отношении телесности как часть макрокосмоса. Но в человеке никогда не утихала тоска познать свою принадлежность к великой Вселенной не только с материально-чувственной стороны, но и найти пронизывающую его самого связь с жизнью, наполненную духовным, с духовной составляющей в мире. Сегодня во многих людях живёт тоска по тому, что Зороастр провозгласил как солнечную Ауру, как великую Ауру. Он говорил о Духе, устремляющемся к человеческому сердцу, как Солнце струит свет на Землю и пробуждает растения к жизни. Особенно величественно он выразил это в следующих словах:

*Я желаю говорить*⁷, теперь подойдите и послушайте меня, вы, которые несёте в себе стремление к этому, пришедшие из ближних и дальних мест. Я хочу говорить с тем, кто может здесь открыться для духа. И обманчивое чувство более не должно сбивать с толку людей, связанных с материальным и низшей природой. Я хочу сказать о том, что в мире самым первым и величайшим является то, что Он открыл мне, великий Дух Солнца, Ахура Мазда.

Таким образом, Заратустра хотел дать понять, что духовные факты возможно познать так же, как и материальные вещи, заполняющие пространство и развивающиеся во времени.

Сегодня человек чувствует стремление, тоску познать то, что он своей душой и духом рождён из мирового духа. Но для него не существует моста, ведущего на ту сторону над бездной [между чувственным и сверхчувственным мирами]. Однако духовная наука хочет возвести этот мост благодаря тому, что она развивает в человеческой душе высшие силы. Духовная наука показывает нам, как человечество развивается с течением времени. Целью этого развития является то, что духовный исследователь благодаря духовной науке достигает освобождения от всего, что связано с внешней природой, внешней телесностью. Человечество достигает этого в совершенно другой форме, медленно и постепенно. Именно духовная наука делает для нас столь наглядным то, что по отношению к внутренней человеческой природе присутствует настоящий прогресс, действительное развитие.

Давайте посмотрим на то, что умеет духовный исследователь: он способен взирать в духовный мир не с помощью обычного, повседневного восприятия, но только если он мощным внутренним волевым действием извлечёт своего высшего человека из низшего человека, если он освободится от привычного, повседневного восприятия; тогда он сможет увидеть то, что, например, является предметом рассмотрения подобного сегодняшнему. Духовному исследователю необходимо достичь совершенно особенных обстоятельств. То, что называют ясновидением и ясновыслушанием и наступает само по себе, является совершенно иным, чем то, что духовный

исследователь порождает благодаря мощному деянию воли и благодаря чему он, независимо от всего телесного, взирает в духовный мир. Но то, чего он достигает на более высокой ступени духовного исследования, постепенно станет способностью природных человеческих сил. Человек развивается от эпохи к эпохе, из века в век. Так всегда приобретаются всё более высокие силы познания. Поэтому духовный исследователь может говорить о медленно развивающейся способности познания в эволюции человечества. Необходимо сказать, что духовный исследователь может в определённом смысле однажды даже пророчески нечто предвидеть, когда он смотрит на природу душ в определённую эпоху, на силы, устремляющиеся к определённой цели. И сегодня эти силы стремятся к определённой цели.

Если мы оглянемся на способ, которым люди на протяжении различных эпох, на протяжении веков и тысячелетий говорили о Христе — но используя другие имена —, то найдём огромное отличие от того способа, которым должны говорить сегодня. Во все времена до начала нашего христианского летоисчисления действительно знающие люди говорили о Христе как о том, кто придёт сюда, как о том, кто откроет себя людям совершенно иным способом. Духовные исследователи в те времена говорили: «Сейчас Христа могут видеть только те, кто может вознестись в высшие миры; они видят Христа в сверхчувственном, в духовной сфере». — Таким образом ясновидящие в Индии созерцали Вишвакармана, так видел Ахура Мазду Заратустра.

Всё же они всегда указывали на то, что Христос однажды также явит себя совершенно другим способностям восприятия человека, не только повышенным, но

и обычным способностям восприятия, природным силам познания человека. Таким образом, все духовные исследователи говорят о Христе не только как о духовной силе, духовной власти, живущей в человечестве, однако они говорят о Христе, ясно понимая, что действительно однажды Христос – это Существо, о котором говорили во все времена и также будут говорить в области духовной науки в будущем – принял человеческий облик, по-настоящему жил однажды как исторический Иисус.

Для духовной науки Иисус из Назарета является совершенно особенным явлением. Мы можем сравнить его с тем, что однажды сказал *великий механик Архимед*⁸: «Дайте точку опоры моему рычагу, и я переверну всю Землю». – Ему требовался фиксированный пункт, с которым всё можно соотнести. Только благодаря этому можно в определённой мере понять в пространстве то, что обладают фиксированным пунктом, с которым можно соотносится. Так же для духовной науки благодаря этому становится понятным происходящее во времени, что в историческом развитии есть фиксированный пункт. И все посвящённые, все духовные исследователи до начала нашего летоисчисления указывали на этот фиксированный пункт как на нечто, что произойдёт в будущем. Но мы указываем на этот фиксированный пункт как на нечто, что произошло в прошлом, и мы соотносим все события, которые когда-нибудь наступят, с этим фиксированным пунктом, с этим *гипомохлионом*⁹ (точкой опоры). Поэтому в духовной науке мы говорим на основании фактов и событий этой духовной науки об историческом Иисусе как о реальности. Духовная наука также способна постичь Евангелия по-новому, когда она проливает свет на их глубину. Если Вы проникнете глубже в духовную

науку, то увидите, что именно духовная наука проливает новый свет на понимание Евангелий. Но духовная наука постигает знания о Христе Иисусе независимо от этих свидетельств. Всё, что она должна высказать, она говорит независимо от всех исторических преданий. И только когда она сравнивает свои результаты с Евангелиями, они также освещаются ещё глубже.

Итак, что означает тот факт, что Христос странствовал среди людей в физическом теле Иисуса, что он совершил то, что мы называем Мистерией Голгофы, которая может научить нас тому, что духовное всегда одерживает победу над физическим, жизнь всегда побеждает смерть? Что означает этот импульс в дальнейшем развитии человечества? Начиная с того времени, когда Христос жил в физическом теле Иисуса из Назарета, теперь человек может, погружаясь в свою душу, познать как духовную силу в себе самом то, что раньше было только космическим, что он мог достигнуть, если пребывал вне своего тела. Кто исходя из своего мировоззрения не может осознать, что сила из Космоса проникла в каждую человеческую душу, пронизала собой, чтобы быть в этих душах действующей в дальнейшем силой, тот никогда не сможет постичь импульс Христа.

Новый импульс вошёл в человеческие души не ранее, чем произошло событие в Палестине. С того времени в человеческих душах находится нечто, чего там раньше не было. Людям легко понять, что возникает нечто новое во внешних химических соединениях веществ, когда вносят новое вещество. Они легче понимают это, чем то, что когда Иисус странствовал по Земле, со всем человечеством произошло нечто благодаря тому, что из сверхчувственных областей в человеческие души вошло

нечто новое. Словно новое вещество, продолжающее действовать далее в соединении веществ, так с того момента работает в человеческих душах совершенно новая сила – сила, которая теперь всё больше овладевает человеческими душами. Духовная наука показывает нам, что человек на самом деле с момента явления Христа на Земле жаждет в отношении своего самого глубокого существа чего-то совершенно нового – чего-то, к чему он ранее не стремился. Духовная наука должна отметить это со всей прямотой, хотелось бы сказать, со всем идеализмом.

Но теперь духовное исследование показывает нам, что этот импульс, заложенный тогда в души людей, мог развиваться лишь очень медленно, что в первое время он был почти незаметен, и только постепенно – вплоть до самого отдалённого будущего – будет вести человечество всё выше и выше. Итак, чтобы понять, что происходит здесь в людях, нам необходимо обратить внимание на ещё один факт, исследованный духовной наукой. Однако в наше время о нём достаточно опасно говорить, потому что лишь некоторые люди современности склонны идти в ногу с тем, что здесь должно быть сказано исходя из духовной науки. Она показывает нам – а теперь мы сначала отклонимся от настоящей темы – следующее: она показывает нам глубину человеческой природы, она показывает нам нечто, что человечество, продолжающее развитие, достоверно осознает через сравнительно короткое время, но что многие стороны ещё считают нелепой фантазией, величайшей бессмыслицей. То, что показывает нам духовная наука на высоком уровне можно сравнить с тем, что человечество признало истиной на глубочайшем уровне, только начиная со сравнительно недавнего времени – это следует постоянно подчёркивать.

В семнадцатом веке не только обыватели, но и учёные-исследователи, уверенно стоявшие на почве естествознания, верили, что черви, насекомые и даже рыбы могут развиваться в речном иле без внесения в него соответствующих зародышей. И именно тогда, в семнадцатом веке, *великий естествоиспытатель Франческо Реди*¹⁰ высказал важное утверждение: «Живое может произойти лишь от живого». – Например, *в книге седьмого столетия нашей эры*¹¹ Вы найдете описание, как живое существо развивается без зародышей – с полной уверенностью, с которой такие вещи утверждались в естественно-научных книгах того времени. Там Вы найдёте изложение: если дать истлеть труп лошади, то возникнут пчёлы, а если истлеет труп осла, то возникнут осы. Это всё изображалось схематически, также, как сегодня это принято во многих отношениях. И когда в семнадцатом веке Реди высказал то, что только в девятнадцатом веке нашло естественно-научные доказательства – живое может произойти лишь от живого – тогда он был еретиком и *с трудом избежал судьбы Джордано Бруно*¹². В то время тех, кто утверждал нечто подобное, сжигали; сегодня – это больше не в моде. Но сегодня людей, которые распространяют и представляют подобную истину о высшей области, а именно об области духовного, что духовно-душевное может произойти лишь из духовно-душевного считают ужасными еретиками.

*Сегодня утверждают*¹³, что духовно-душевный элемент человеческой индивидуальности – то, что прорастает изо дня в день как качества и признаки души – возникает только из качеств отца и матери, бабушки и дедушки и так далее. Духовная наука сейчас показывает, что подобно тому, как зародыш должен быть помещён в речное

вещество и затем в нём развиться, также духовно-душевное существо из духовного прошлого проникает в то, что унаследовано от отца и матери, бабушки и бабушки и так далее, и что в том, что унаследовано, развивается самостоятельное, индивидуальное существо, происходящее из прошлого бытия духовно-душевного рода. Она показывает, что духовно-душевное нельзя объяснить тем, что заложено в физической линии наследования, но лишь духовно-душевно, не связанным с физическим. мода изменилась: сегодня тех, кто научился чему-либо таким образом, наказывают тем, что обзывают их глупцами. Сегодня уже считают авторитетами тех, кто говорит: «Живое может произойти лишь из живого». – Таким же образом другая истина, что духовно-душевное может произойти лишь от духовно-душевного, станет в не слишком отдалённом будущем всеобщим человеческим достоянием. Но тогда не будут понимать, как человечество могло некогда верить во что-либо иное.

Но теперь эта точка зрения, если проследить вплоть до её последних выводов, является ни чем иным как тем, что называют учением о реинкарнации, учением о повторяющихся земных жизнях: то, что живёт как духовно-душевное в сегодняшней земной жизни уже существовало в прежней земной жизни, и сегодняшняя земная жизнь является отправной точкой для будущей. Духовно-душевный элемент прошлого ищет для себя подходящую почву, в которую он может проникнуть, подходящую почву от отца и матери, бабушки и бабушки и так далее. Первое также необходимо как и второе. Для того, кто овладел ясновидением и яснослышанием, представление о повторяющихся земных жизнях является само собой разумеющимся.

Вы все знаете, что учение о повторяющихся земных жизнях является прадревним учением. некогда оно с особой силой распространялось на Востоке *Буддой*¹⁴ и основанным им религиозным сообществом и нашло путь в миллионы и миллионы душ людей. Но необходимо настоятельно подчеркнуть, что современное духовное исследование не перенимает учение буддизма. Фактическое положение дел понимают неправильно, если говорят, что теософия или духовная наука переняла учение о повторяющихся земных жизнях у буддизма. Для этого нет необходимости в древнем учении. Сколь мало нужно прибегать к *трусам Эвклида*¹⁵, чтобы доказать, что сумма углов треугольника составляет 180 градусов, также мало необходимо возвращаться к буддизму, чтобы доказать перевоплощение. Также и сегодня можно найти истину о повторяющихся земных жизнях.

Для человека, который по-настоящему осознаёт импульс Христа, истина о повторяющихся земных жизнях предстаёт иным образом, чем для последователя Будды. Будда снова и снова подчёркивал факт повторяющихся земных жизней. Он представил человечеству свои так называемые «четыре благородные истины»¹⁶: «Рождение есть страдание, болезнь есть страдание, смерть есть страдание, разлука с тем, кого любят и совместное бытие с тем, кого не любят, есть страдание». – Освобождение от кармы, необходимость нисходить из духовного мира в земное тело, чтобы как можно быстрее освободиться от жажды существования, освобождение от стремления к воплощению: это является импульсом учения Будды. У Будды учение о перевоплощении выступает перед нами односторонним образом. В учении Будды нет импульса понять в человеческих душах то, что продолжает

действовать благодаря следующим друг за другом перевоплощениям и постоянно пробуждает всё новые силы в отдельном человеке. Но духовная наука, современная теософия видит в импульсе Христа то, что проникает в человеческую душу, охватывает, воспитывает и развивает волю, действует в душе так, что если в одном воплощении она затронута импульсом Христа, то в следующем воплощении возрождается по-новому, чтобы импульс Христа действовал в следующем воплощении внутри. И поскольку он действует внутри, эта душа может развивать свои силы, которые увеличиваются силой импульса Христа, развиваются к ещё большим высотам.

Таким образом, в импульсе Христа мы видим то, что продолжает действовать в человеческой душе от воплощения к воплощению, что придаёт новый смысл и новое содержание следующим воплощениям. Поэтому мы говорим не о том, что нужно как можно скорее освободиться от колеса перевоплощений, но о том, что мы хотим всё больше и больше пронизывать себя животворящим импульсом Христа. Благодаря тому, что Христос спустился на физический план, стало возможным пронизать себя импульсом Христа как духовной субстанцией. Буддийскую религию по праву называют религией освобождения. Христианская религия является не религией освобождения, но религией Воскресения. То деяние, пример которого в своей жизни явил Христос в Мистерии Голгофы, преодолев смерть благодаря духу, постоянно по-новому повторяется, когда мы в новом воплощении возрождаемся, оплодотворённые импульсом Христа.

Разве мы не должны сказать себе: «Придут те времена, когда произведения искусства, восхищавшие тысячи и тысячи человеческих душ, рассыпятся в прах?»

Так будет как с великим, так и с малым, что люди могут создать в физическом мире: это рассыпется в прах». Но если мы рассмотрим эти вещи в духе перерождения, повторяющихся земных жизней, то скажем себе: «Художник привнёс в материал нечто из своей души; но поэтому также его душа стала несколько иной, его работа повлияла на материал, но она также воздействовала обратно на его душу». – Это происходит у каждого человека, но у художника это проявляется наиболее ясно. В новом воплощении мы продолжаем работать с силами, приобретёнными нами в прошлом воплощении. Эти силы возрождаются, они воскресают, они пробуждаются к новой жизни. Поэтому более не будет абсурдным сказать: «Однажды вся Земля рассыпется в прах». Как тело отдельного человека рассыпется в прах, так и вся Земля, тело нашего планетарного существования, рассыпется. Но тогда человеческие души достигнут перехода на новый уровень существования. Земное тело отпадёт, и человечество приобретёт новый облик. И импульс, который живёт в этом, есть импульс Христа.

Духовная наука видит глазами ясновидящего духовного исследователя эпоху, очень близкую по времени, когда определённые более ранние события принесут свои плоды. Все души, переработавшие в себе импульс Христа на протяжении Средневековья, пережившие глубокие христианские мистерии Средневековья, познают затем импульс Христа в духе Павла: «*Не я*¹⁷ живу, не я работаю, но Христос». – Они увидят своё внутреннее освещённым светом Христа. Это является важным фактом, на который следует указать. Духовная наука способна предвидеть этот факт с той же уверенностью, как астрономия – солнечное или лунное затмение. Те люди, воспринявшие

в то время импульс Христа в свои души, пронизавшие им свои волю, чувство и мышление в духе Павла, придут снова. И проявятся плоды их возрождения, когда то, что они пережили в то время, оживёт как сила в их душах. И каким образом это оживёт вновь?

Духовная наука показывает нам, что в относительно близком будущем и всё больше и больше в наступающем тысячелетии во внутреннем людей будет развиваться новая духовная сила, как всеобщее явление, которое не смогут назвать иначе, чем указанием на тот факт, который впервые проявился как природная способность у Павла. Павла не смогло убедить всё, что он слышал на физическом плане в рассказах о Христе Иисусе. Однако ему стало ясно, что Христос жил и воскрес, когда он через свои открытые сверхчувственным органы познания, через природное ясновидение увидел то, *что мы называем событием на пути в Дамаск*¹⁸. Там благодаря его переживанию Христос стал для него фактом – Христом, свершившим Мистерию Голгофы.

Те, кто утверждают, что событие на пути в Дамаск было простым видением, заодно с этим утверждают, что важнейший факт западноевропейской культуры, религия Христа, основан на бессодержательном видении. Павел говорит, что осознал Христа внутри и поэтому смог увидеть нечто совершенно новое, лежащее в основе мира – нечто, что ранее не мог видеть. Первоначально только отдельные люди будут развиты так, чтобы узреть подобно Павлу на пути в Дамаск. В двадцатом веке мы находимся перед новым Откровением Христа из духовного мира. Появятся люди, сначала немногие, а затем всё больше и больше, которые увидят вовне, в области духовного, которое также находится в них самих, жизнь

и тканье, так же как они видят вовне в области материи, которая также присутствует в их материальном теле, жизнь и тканье. И для них станет истиной то, чему учил Заратустра, когда событие на пути в Дамаск обнаружится ими как переживание, когда они посмотрят на пространство и источник существования, из которого возникло само наше душевное и материальное существо, когда они увидят это в духовном свете.

Таким образом, мы стоим перед воротами нового исторического развития, нового Откровения Христа. Импульс Христа действует в дальнейшем так, что, в конце концов, тайна существования Христа будет пережита душами как опыт. Как показывает нам духовная наука, Христос лишь один раз существовал физическим образом в мире, и неправильно понимают всё Существо Христа, когда желают поверить, что второй раз появится физическое существо, которое можно было бы назвать Христом. Это и есть отправная точка: импульс Христа постоянно позволяет возникнуть в человеческой душе новым способностям, и Христос всё больше и больше открывается новым пробуждённым способностям. Импульс Христа дан не для того, чтобы Он должен был снова и снова приходить в физическом облике, и чтобы оставить человечество в том пункте, где оно уже находилось. В человечестве пробуждается способность видеть Его духовным образом. Христос пришёл, чтобы Его постигли духовно и воспринимали всё более высоким образом.

Таким образом, мы находимся перед духовным Откровением Христа; оно направит людям духовный свет и даст им силу в большей мере понять Христа. В частности, импульс Христа даёт нам уверенность в том, что

в будущем наши воплощения больше не пробудят в нас желание освободиться от существования, но стремление всё больше пронизать его. Вероучение Христа является религией Воскресения, в отличие от буддизма – религии освобождения. Это является вестью, которую может дать духовная наука или теософия человечеству нашего времени: мы стоим перед новым Откровением Христа, постепенно в человеческие души проникают новые способности познания существования, и люди смогут смотреть в духовное и увидеть Христа и узнать: Он здесь! Будут развиваться новые способности познания, благодаря которым вечно живущий Христос вначале для некоторых, а затем для всё большего количества людей и, наконец, для всех, идущих соответствующими путями, откроет Себя.

Это – весть, которую духовная наука желает принести странам Западной Европы. И, по существу, духовная наука – не что иное, как желание привлечь внимание к великому факту, который нельзя упускать из виду. Люди должны понимать, что произойдёт. Современная теософия, духовная наука желает подготовить почву для этого нового Откровения в западной культуре для Христа двадцатого века. Она желает стать служительницей развивающегося человечества. Подобно тому, как предтеча Христа должен был сказать: «Измените склад вашей души, ибо приблизилось Царствие Божие» – именно в человеческой душе – так и духовная наука современности должна сказать: «Измените образ мыслей, обратите внимание на то, что возвещает себя в человеческой душе как новая возникшая сила, как сила нового видения. Обратите на это внимание, измените склад своей души». – Человек, который пронизет

себя импульсом Христа, сможет проникнуть в Царство Вечного и Непреходящего. И таким образом мы подведём итог нашего рассмотрения:

*Существо тянется к существу¹⁹ в даях пространства,
Существо следует за существом в ходе времени.
Если ты остаёшься в даях пространства и в ходе времени,
То ты, о человек, пребываешь в царстве преходящего.
Но твоя душа мощно вознесётся над ним,
Если она, смутно ощущая или осознавая, созерцает непреходящее
По ту сторону далей пространства, по ту сторону хода
времени.*

Лекция вторая

Христос и двадцатый век

Штутгарт, 22 февраля 1912 г.

Уважаемые слушатели! Вопрос о Христе вызывает сегодня интерес в самых широких кругах. В нашу столь просвещённую эпоху этому вопросу предстоит стать одним из самых важных. Если посмотреть на характер всей нашей культуры, то этот интерес становится понятным. Образ Христа был тем, что на протяжении многих столетий давало мощнейший импульс западноевропейской культуре. В настоящее время этот образ в определённых рассматриваниях кажется исчезающим, потерянным из виду. В глазах исторического исследования образ Христа словно расплывается. На противоположной стороне находится тенденция лишь ещё глубже искать понимания существа Иисуса из Назарета. Но люди даже сомневаются в историческом существовании этой личности. «*Существовал ли Иисус?*»¹ – Такой вопрос очень часто задают сегодня. Этот вопрос глубоко охватывает все души. Как и в отношении всех исторических явлений можно задать вопрос, был ли Христос Иисус историческим существом. Но Евангелия не являются такими же свидетельствами, как и другие обычные свидетельства. С точки зрения современного исследования вера в образ Христа у тех, кто ищет историческую опору, по праву должна поколебаться. Это одна из причин, почему в прошлом импульс так глубоко проник в людей, и почему сегодня это исследование должно вызывать такой большой интерес: именно из страха человека потерять обоснованную веру в образ Христа.

Теперь следует немного, хоть и несколько эскизно, сказать об этой только что обозначенной проблеме с точки зрения духовной науки. [*Но то, что должна сказать эта духовная наука*², является всё же тем, что проистекает из её обоснованной надежды: Христа, бесповоротно отнятого внешним образом у людей, можно снова вернуть им]. Образ Христа, каким он проявляется в духовной науке, до некоторой степени «неприятен» всеобщим верованиям и мнениям, прямо-таки противен им. То, что следует сказать сегодня вечером, не только натолкнётся на возражения, но также будет принято за мечты и нелепые фантазии. В рамках отдельной лекции невозможно собрать всё по этому вопросу, но благодаря информации, найденной духовной наукой, также, возможно, позднее ещё будет обнаружено нечто другое. На самом деле вопрос лишь тогда становится ясен, когда мы оглядываемся назад на различное понимание Христа людьми на протяжении столетий.

Следует признать, что в понимании Христа первых веков было нечто странное для [нас] сегодняшних [людей]; [так было уже в то время] и позднее [с течением времени достичь понимания] становилось всё менее возможным. Таким образом, развилась сегодняшняя точка зрения: духовная наука приходит в отношении Христа к тому же, к чему [некогда] пришла наука гностиков³ первых веков. Гностиков охотно называют сектой, [однако] они вознеслись к высочайшим вершинам человеческой мысли и чувства, к которым сегодняшний человек не имеет особого интереса. Исповедующие гнозис были далеки от принятия монистического понимания – возвышенной формулировки для «материального». Гностик находит прачеловека не в царстве животных, но [он для

него] всё ещё духовное, спиритуальное существо. Оно не внешним образом приняло физическое тело в животном царстве, но как духовное человеческое существо всё больше и больше соединялось с законами физического тела. Погружение в тело привело человека в то состояние, в котором он сейчас находится.

[И таким образом гностики спрашивали]: «Каким образом мы находим [пра]человека? Каждый в себе самом? С одной стороны, мы находим то, что мы также находимся в связи с душевной жизнью, а с другой – стремление, веру в высшую человеческую природу. Благодаря этому, человек может дать волю определённым силам в своём внутреннем, для того чтобы он сам мог себя возвысить. Он раскрывает [свою] высшую природу. Таким образом, в высшей природе человека таится совокупность сил». Такова точка зрения гностиков: человек предназначен для жизни в высших сферах; его жизнь на Земле является приземлённой, находится ниже того, чем он мог бы быть по своему духу. [Телесная] жизнь человека не согласуется с его высшей природой; но она (высшая природа) не утрачивается; лишь она важна для физического развития [на Земле]. Высшее сохранялось в духовном мире. Наконец, это сверхчеловеческое смогло спуститься и действовать в человеческой природе; так сказать, в определённый момент времени прачеловеческое существо смогло спуститься и действовать в человеческой природе, до этого оно хранилось в духовном мире. Гностики представляли себе это Существо – Христом. Он несёт в Себе импульс к тому высшему, что может достичь человек. Этот момент времени [нисхождение] – образно говоря – совпадает с Крещением Иоанном.

[С точки зрения гнозиса] люди частью меньше, частью больше продвинулись вперёд. Гнозис почитал Иисуса из Назарета как самого высшего, самого выдающегося человека в земном развитии. Мы можем, не шокируя людей, охарактеризовать то, что произошло с ним на тридцатом году жизни, таким образом: человек взрослеет, проявляет то или иное развитие вплоть до определённого времени в жизни, когда наступает перелом, нечто совершенно новое в душе, кажущееся совершенно неподготовленным. Некоторые изображают это как нечто невозможное, но в человеческой жизни существует преобразование, радикальный перелом. Представьте себе такое преобразование в высшей степени усиленным. Даже если преобразование произошло лишь в малом, человек чувствует себя словно новым существом, которым он не был ранее. [*Гностики предполагают подобное преобразование*⁴, когда говорят о том, что произошло с Иисусом из Назарета в возрасте тридцати лет].

Прачеловек проник в душу Иисуса из Назарета. Он (Иисус) был словно внешним сосудом; в духе гностиков он рассматривается как носитель Христа. То есть таким образом нельзя сказать, что Христос идентичен Иисусу из Назарета. Но это было не новой эпохой развития в жизни Иисуса из Назарета: то, что всегда находилось в небесных высях, что изначально сохранялось, низошло на Землю и жило три года в теле Иисуса. Это является бесконечно глубокой мыслью: человеческое развитие было поднято Богом до наивысших высот, было как бы насыщено этой силой наивысшего. Небольшой круг гностиков смог постичь [великое значение происшедшего], что человечеству было возвращено то, что хранилось в духовном мире.

Мы не можем [рассмотреть] все частные этапы понимания Христа, но назовём отдельные из них, например, глубоких мыслителей Средневековья. В них господствовала очень сильная вера, но они не смогли возвыситься к представлениям гностиков. В Средневековье невозможно было задуматься о христианском гнозисе. Такие мысли казались бы нелепой фантазией. В Средневековье взгляд ограничивался тем, что находится ниже сферы гностиков. У Аристотеля, [из тех] четырёхсот лет до Рождества Христова, черпали они [сотворённый мир мысли]; в то время Аристотель был «задающим тон». Спиритуальный полёт приписывали области веры. *Аристотель сказал*⁵: «Всё, что лежит в основе царства природы, является духовным»; он лишь не признавал реинкарнацию душевного ядра человека. Его интересовало то, что закономерно следует познать, его интересовало только единый Бог. [По его мнению], человеческое душевное существо при любом рождении отделяется от единой божественной субстанции. Но после смерти душа не возвращается в божественное, но остаётся как отдельный человек в духовном мире. Для Аристотеля весь сверхчувственный мир является теоретически познаваемым. [После своей смерти] человек оглядывается назад на свою земную жизнь и затем находит свою награду или мучение, вечное наказание или вознаграждение. Это связано с наукой Аристотеля – *Франц Brentano*, [большой знаток Аристотеля⁶, исчерпывающе выразил это в своих работах]. Хотя средневековые учёные указывали на знания о духовном мире, но для них был невозможен [познавательный доступ к духовному] – это область гнозиса, к которой можно получить [доступ благодаря] познанию.

[И таким образом можно спросить]: чего не хватает вере человека Средневековья? То, чего ему не хватает, это осознания, [сознательного познания], *что человек [также интеллектуальным образом] совершил грехопадение*⁷. Духовная наука желает поднять его из этой [бессознательности]; тогда это будет новым осознанием Христа, помимо всего мифологического и легендарного. Пронизание [Иисуса из Назарета] мощным Духом было лишь верой, но не познанием. Таким образом, человечество пришло к невозможности более представить себе, что означает то, что Христос воплотился в Иисуса; для материалистического мышления нового времени является бессмыслицей то, что [Существо Христа] из духовных высот низошло к человеку [как] нечто реальное. Тогда Иисус из Назарета остаётся только лишь выдающимся человеком.

Итак, с лёгкостью возникали противоречия, когда человек искал разъяснения в четырёх свидетельствах, [Евангелиях], и находил различия. На самом деле легко доказать, что они [во многом] не совпадают. [И спрашивают себя]: «Разве раньше этого не замечали?» Предков с лёгкостью считают способными на любую глупость, [притворяясь], будто они никогда не читали Евангелия. Таким образом, Иисус из Назарета растекается, [для многих в современное время], он является всего лишь исключительно хорошим человеком. Это лестно для современного человека; [для него] Иисус из Назарета такой же человек как другие, лишь стоящий немного выше: [как] Платон или Сократ. *Таким образом, Иисус стал «простым человеком из Назарета»*⁸. Чем проще, чем всё более обобщённым [становится его образ], тем лучше, тем больше верили в то, что он соответствует исторической правде.

Это называют «беспристрастным исследованием». Здесь объективным становится лишь то, что признают [кажущимся] объективным. Величайшие богословы считали, что нужно подходить беспристрастно, ничего не принимать на веру, но [что они делают?] Они берут и просто вычёркивают то, [что они не понимают в Евангелиях]. *И потому [затем возникает вопрос]: «Существовал ли Иисус?»*⁹ При таком способе мышления был бы невозможен иной результат. Внешним, историческим образом существование Иисуса не доказуемо. [Профессор] Древисо своими единомышленниками¹⁰ совершенно прав в том виде, как он это высказал. [Так как он¹¹ последователен в своём мышлении]. Всё остальное было бы подобно беспомощному барахтанью вокруг чего-то, что невозможно доказать.

Духовная наука привносит себя в культуру; [благодаря определённым методам она приходит¹² к познаниям о духовном ходе человеческого развития], как было изложено в книге «Христианство как мистический факт»¹³. Это название выбрано не произвольно; [имеется в виду] не христианская мистика, но [речь идёт о том, что] импульс Христа следует понимать как движущую силу того, что находится во внешней, физической реальности. Импульс Христа является наиважнейшим импульсом земного развития; он является сутью всего этого исторического развития. *Духовная наука снова связана*¹⁴ [с тем, чего желал] гнозис; но [она делает это исходя из себя самой, совершенно независимо] от него. Человеческая душа в дохристианские времена действовала совершенно иначе, чем сегодня. Это – скверная привычка, что человек не желает признавать, что человеческая душа была другой. [...] *Ранее существовавшее ясновидческое ясновидение*¹⁵

было третьим состоянием между сном и бодрствованием. Тогда человек знал, что существуют духовные существа, также как он сегодня знает, что существуют растения и животные. Древние саги и мифы являются образами того, что видел человек. Мифы – преобразованные древние ясновидческие переживания. [Но это ясновидение¹⁶ нужно было потерять, потому что это было началом формирования «Я» в человеческом развитии, для подготовки в полном объёме «Я» человека в физическом мире, бытия человека, возведённого на себе самом].

Путь развития человечества таков: оно должно прийти от смутного ясновидения к ясному, осознанному ясновидению, которое в будущем станет чётко обоснованным. В древние времена не существовало знания об основах существования, приобретенных не через ясновидение. [Хотя] Дойссен [утверждает обратное, следует сказать]¹⁷: только начиная с греческого периода, выступило [рассудочное] знание о внешнем мире, на самом деле только у Фалеса; Фалес был самым первым. То, что исходит из атавистического ясновидения, не является [философией]¹⁸. Места, в которых человек выходил за пределы обычного состояния, в древности были местами мистерий, [с сегодняшней точки зрения чем-то между высшим учебным заведением и храмом. В этих мистериальных местах люди могли достичь посвящения]¹⁹. Посвящённые узнавали: дух открывается только в «Я», а не в силах души; «Я» является центральной точкой душевного существа. Но вначале дух раскрывался только как бог, живший во всём народе, так же как у древних иудеев. Глубочайшее существо человека является непосредственно божественным; тело и душа являются такими лишь опосредованно. Благодаря определённым условиям

и упражнениям жизнь души может стать независимой от тела. Божественное существует в обычном человеке так, как он находится в жизни, оно раскрывается из своего сущностного ядра, «Я». *Существовали различные условия посвящения*²⁰, по сути, их было четыре. Мистерии становятся историческим фактом в Мистерии Голгофы – это был импульс Христа! Христос является Духом, пронизывающим всю Вселенную. Его жизнь, происходившая на виду у всего человечества на физическом плане, прожита не в малом, как бы незначительно, перед отдельными людьми, апостолами и другими, но показательно перед всем человечеством. Таким образом, благодаря Ему произошло замещение древних мистерий. В «Я», в самом внутреннем существе души, находится наивысшая сила человечества. Таким образом, мы снова можем возвыситься из грехопадения.

То время, начиная с которого «Я» обращается к самому себе, находится лишь на шестьсот лет ранее импульса Христа. Начиная с этого времени, человек полностью проникает в мир, воспринимаемый лишь внешними чувствами. *В природном развитии мы везде имеем дело со скачками*²¹, и это также относится к человеческому развитию. Таким образом, каждый период времени является переходным и наш в особенности.

Некоторые старые формы исчезают, как моральные, так и интеллектуальные. Человек помещён на вершину собственной личности. До сих пор шло время подготовки, *[человек мог обращать или нет на это внимание]*²²; но теперь в человеческой природе должны проявиться возвышенные силы. Душа переживает возвышение своих сил. Последний раз это произошло *в греческий [период]*²³, за шестьсот лет до появления Христа; тогда

в человеческое развитие вступил [этот импульс как начало самостоятельного мышления]. Сегодня мы находимся в таком же моменте времени как за шестьсот лет до Рождества Христа. Но в то время человеческую душу направляли вовне в физический мир, теперь её опорой является только «Я»; и Существо Христа должно проникнуть в это «Я» человека. Это [некоего рода] повторение, но теперь углубляющее внутрь.

В этом «Я» находится центр мира. При нашем углублении внутрь возникнут самые высокие импульсы, которые только [могут] жить в человеке – [это будет] духовным пришествием Христа во внутреннем; [будут развиты] душевные силы, которые смогут постичь Христа в новом облике; он станет [доступен] для духовного восприятия, не в физическом мире. *[Это переживание не тождественно]*²⁴ переживанию внутреннего, мистического Христа, то есть тому, что уже присутствовало там]. Духовная наука показывает нам внутреннего, мистического Христа и исторического Христа. Кто хочет верить лишь во внутреннего, мистического Христа, а не в исторического, тот идёт по ложному пути. Человеку также нужен исторический Христос, потому что без исторического Христа не было бы внутреннего, мистического Христа. Чувство Христа в нас зависит от духовного солнца, как глаз от света: оно зависит от исторического Христа. Без этого нет возможности сохранить внутреннего Христа – *этим является исторический Христос*²⁵, создавший орган для узнавания Христа в сердцах людей.

Лекция третья

Христос и двадцатый век

Кёльн, 6 мая 1912 г.

Уважаемые слушатели! Человек, который в нынешнее время говорит о Христе, встречает различные воззрения, представляемые [*тем или иным способом*]¹. Главным образом их можно классифицировать по двум точкам зрения, с которыми, в частности, должен считаться человек, говорящий о вопросе Христа в том смысле, как это должно произойти сегодня вечером, говорящий исходя из той точки зрения, которую я часто мог здесь представлять в связи с другими вопросами, другими проблемами жизни. Я имею в виду духовно-научную или теософскую точку зрения.

Вначале сталкиваются с той точкой зрения, которая по-своему абсолютно неукоснительно основывается на восприятии Христа, а именно на той точке зрения, для которой Христос является настоящей, реальной силой жизни. Это – религиозная точка зрения различных религиозных вероучений. Если мы внимательно посмотрим на неё, то обнаружим, что чаще всего, даже если она ведёт себя ещё достаточно толерантно и либерально в определённом направлении, но, по сути, не желает признавать, что о Христе можно говорить иным способом, чем говорит она сама. С точки зрения различных религиозных направлений просто не признаётся, что возможен прогресс в отношении мыслей о Христе.

Другая встречающаяся точка зрения представлена также истинно серьёзными искателями правды в настоящее

время. Эта точка зрения, исходящая из мнения определённого научного направления, *гласит*²: «Если исследовать событие Христа, исследовать то, что произошло в начале нашей эры в Палестине, теми же средствами строго исторического исследования, что и другие события, то невозможно сохранить смысл события Христа таким, как он представлен». – Известно, что эта точка зрения подготавливалась достаточно долгое время. Известно, что в течение последнего столетия люди всё больше занимались сравнением Евангелий. Они полагали, что необходимо сделать следующий вывод из противоречий [между различными Евангелиями]: они не могли быть историческими документами.

И на протяжении долгого времени пытались извлечь из Евангелий нечто, что могло проявиться как образ Христа Иисуса. Не только в Германии, но также и в других странах сегодня уже существует множество людей, откровенно верящих, пусть это будет на их научной совести, признающих, что на самом деле нельзя говорить об историческом Иисусе, о событии Христа в историческом смысле. Если мы внимательно рассмотрим высказывания сегодняшнего времени о вопросе Христа, то мы имеем дело с очищением исторического осадка в Евангелиях, вплоть до полного отрицания исторической личности Христа Иисуса.

Таким образом смогло возникнуть [*мнение*]³, что Христа сегодня можно найти только у религиозных людей, полагающих что благодаря вере они возвысятся ко Христу, но что идея Христа, мысли о Христе могут исчезнуть из-за интенсивно развивающейся науки. И сегодня уже многие грезят о том, что, наверняка, то что является силой Христа, в будущем не будет играть никакой роли.

Однако они совершенно не думают, что когда-нибудь религия для человечества вообще может быть потеряна.

Тем не менее, похоже эта вера в отношении определённых фактов настоящего времени не смогла прижиться. Собственно говоря, мы отмечаем своеобразное явление, что в наше время не только верующие, не только те, кто исходя из своей души воспринял Евангелия как средство наставления и воспитания, говорят о чём-то, что всё же соответствует идее Христа, но что самые серьёзные, образованные, [*стремящиеся к истине*]⁴ люди со всем своим душевным ощущением указывают на нечто, что можно доказать лишь именем Христа. Всё же характерным остаётся то, что современный свободный мыслитель, являющийся представителем многих, *американец Фергюсон*⁵, может сказать:

Христос снова стал пионером нового времени, который в будущем соединит Америку и Европу, который может заглянуть глубже всего в душу каждого человека. Он совершенно такой же современный человек, как и любой другой.

Человек, обычно распространяющий свободные мысли и идеи, говорит о Христе так, как если бы Он сегодня ходил от человека к человеку, как если бы Христос странствовал среди нас. То есть даже свободомыслящие люди начинают ощущать Существо Христа как нечто, что имеет непосредственное отношение к людям. Даже если сегодня этому уделяют всё меньше внимания: такая склонность к силе, такой поиск силы, которую можно назвать только именем Христа, пробьёт себе дорогу. Человек, который внёс наибольший вклад во внедрение учения Дарвина в Америке, *Джон Фиске*, сказал⁶:

Все религии утверждают две истины. Первая истина заключается в том, что все вещи взаимосвязаны – все религии провозглашают эту истину, несомненную при любом размышлении. Вторая истина гласит, что то, что мы называем хорошим или плохим, находится в каком-либо отношении к силе находящейся вне человеческого духа.

Я специально цитирую высказывания личностей, которые своим мышлением и чувством полностью основываются на почве современности, но которые пробились от внешнего воззрения к более глубоким силам существования. Эти силы являются не только физическими и химическими силами, но также и силами духовного рода. Тот, кто опирается на теософское мировоззрение, рассматривает идею Христа, охарактеризованную только что, только как проблески, как некоего рода подготовку к чему-то совершенно иному. Я хочу быть правильно понятым, когда говорю об идее Христа, как она, по-видимому, формируется в двадцатом веке. Духовная наука должна как можно дальше отойти от всего сектантского, от всего, что не принадлежит нашему времени. И духовный исследователь не чувствует ничего иного, когда говорит о том, что здесь должно прийти в человеческое развитие, как тоже самое, что чувствует естествоиспытатель, предсказывающий солнечное затмение или транзит Венеры. Духовный исследователь не присваивает себе качества пророка. Именно в жизни проявляются силы, которые можно духовно исследовать, так же как в физическом мире можно исследовать силы природы.

Конечно, следует в некоторой мере рассмотреть судьбу идеи Христа в прошлом. На самом деле эта идея сильно изменилась в ходе веков. Если мы мысленно

проследим вплоть до возникновения идеи Христа, то в первых веках обнаружим удивительный факт. Мы обнаружим как, с одной стороны, популярность христианства распространяется по Римской империи, и можно сказать: «В то время римская культура развивалась в высших кругах населения, а затем наступил своего рода упадок, мы видим, как медленно и постепенно популярность христианства растёт именно у тех, кого жизнь испытывает, кто должен терпеть страдания, и как всё больше и больше проявляется идеализация Иисуса из Назарета. Этот образ возвышают до божественных высот». Популяризация христианства содержит в своём вероучении больше ощущений и чувств, чем понятий и идей. Но наряду с этой популяризацией христианства, теперь, с другой стороны, мы видим, как самые просвещённые умы того времени, интересующиеся христианством, используют свои самые высокие идеи и свои важнейшие понятия, чтобы ответить на вопрос: «Кто же на самом деле этот Христос?» – И из множества ответов, данных этими просвещёнными умами, следует отметить лишь некоторые.

Таким образом, мы видим в гностицизме, к которому теософия абсолютно не желает возвращаться, но который она изучает как явление прошлого, проявление различных вариаций мыслей наивысшего рода об идее Христа. Самое главное можно было бы охарактеризовать следующим образом: этот гностицизм, это стремление сформировать идею Христа исходя из самых высоких понятий, является духовным развитием самого удивительного рода. Однако для человека, сформировавшего, исходя из современности, идею о том, что всё в человеке постепенно развилось исключительно из низших созданий, из

животных, из самых низших животных, вплоть до самых малых, – для такого человека гностическое учение является иллюзией, пустой фантазией.

Также и гностик прослеживает развитие в обратном направлении, но намного дальше, чем нынешний естествоиспытатель. Он говорит так: «В древние времена мы находим такую эпоху, когда формы животных уже присутствовали на Земле таким образом, что если бы в то время существовал человек, то он мог бы увидеть эти животные формы, вплоть до самых высших». Таким образом, гностик характеризует эпоху развития, в которой человеческого царства ещё вообще не существовало. Но из этого следует, что человеческое царство развилось не из животного, но, что оно низошло из духовного. Также животные, растения, минералы некогда низошли из духовного, сгустились из духовного, поэтому нам необходимо предположить, что [для гностика] животные, растения и минералы берут своё начало в духовном.

[И гностик говорит далее]: «Но было такое время, когда человек ещё не принял физический облик, а когда он в духовном мире ожидал того момента, когда на Земле появятся иные условия жизни». Не говорится так, будто бы человека не было в то время: «Человек существовал, но не как зримое, а как духовное существо». Он жил в духовном окружении Земли; он не снизошёл на неё, потому что условия в древние времена были такими, что они бы ещё не дали возможности для человеческого развития. Таким образом, гностик считает самым важным тот момент времени, когда человек – позднее, чем другие царства – низошёл на Землю.

Но теперь гностик говорит себе: «Если бы человек прошёл своё физическое воплощение так же как

остальные царства природы, тогда не смогло бы развиться то, что должно было развиться, а именно самостоятельное, свободное мышление человека – в общем всё то, что мы называем подлинным, внутренним «Я» человека, действующим изнутри, переживающим развитие между рождением и смертью. Развитие животного происходит внутри определённых границ. Человек благодаря воспитанию и переживаниям может продвигаться вперёд совершенно иным способом, чем животное». – И теперь гностик говорит: «Благодаря этому человек смог вступить в более тесную связь с материальным, чем должен был бы сделать это, если бы ему следовало остаться несвободным, зависимым от [задатков своего рождения]⁷, как другие существа, окружающие его. Человек глубже погрузился в материю, чтобы стать независимым от своих задатков».

И гностики верили, что это более глубокое погружение [в материю] имело место в глубочайшей древности, в прадревние времена, и что оно было тем моментом, который в Библии описывается в образе грехопадения. Гностик считал, что под этим образом подразумевается именно это погружение [в материю]. Но в то время не всё, что связано импульсами с человеческим существом, низошло на Землю, но нечто сверхчеловеческого рода сохранилось в духовном мире. И пока человечество переживало свою историю [на Земле], наверху в духовном мире оставалось нечто, что хотя и относилось собственно к человеку, но что было оставлено, так как человек глубже спустился в физическое. Таким образом, наверху в духовном мире существовало нечто от человека, который некогда в духовном мире был единым целым человеком.

Итак, гностик направлял свой взгляд на явление Христа исходя из этих предпосылок, и для него особенно важен момент, описываемый в Библии как Крещение Иоанном. Гностик говорит, что хотя вплоть до этого момента в Иисусе развивался исключительный человек, но только лишь человек. Но когда свершилось Иоанново Крещение, то наступило нечто, что трудно понять в настоящее время. Но гностики представляют себе следующее: для некоторых людей существует момент, когда человек должен сказать себе: «Здесь в мою душу вступило нечто, благодаря чему я пережил полное изменение моей жизни». – Некоторые люди вообще могут сказать себе: «[Когда я просматриваю свою жизнь⁸ от рождения до определённого момента], то я обнаруживаю, что в этот момент в мою душу вступило нечто, благодаря чему я духовно возродился». – Когда представят себе то, что может случиться у каждого человека, в высочайшей степени увеличенным, как нечто уникальное, тогда поймут то, что гностики думали о Крещении Иоанном в Иордане.

Именно то, что осталось в состоянии ожидания в духовном мире, но что принадлежало человеку изначально, низошло из духовного мира как поток, спустилось в особенного человека – Иисуса из Назарета. И теперь на протяжении трёх лет этот Иисус из Назарета является не преображённым человеком, но человеком, несущим в себе то, что было изначально оставлено всем человечеством, и что теперь спустилось в этого Иисуса, чтобы оплодотворяющим образом пронизать человечество: Иисус из Назарета на три года стал носителем сверхчеловеческого Христа. И теперь гностик говорит: «То, что находилось до сих пор в духовном мире, однажды

спустилось в человеческое тело, также как мы опускаем в землю семя. И как семя погибает, так произошло и с этим духовным импульсом; он должен был погрузиться в землю, он должен был погибнуть в ней, чтобы снова взойти, как семя во всём земном процессе всходит сотни и тысячи раз. Это духовное Существо должно было пройти через смерть, как семя должно пройти через смерть. Но оно не остаётся бесплодным, а изливается в духовные потоки развития Земли. Оно теперь находится здесь, оно продолжает жить в многочисленных плодах».

Таким образом, в духе гнозиса следует описать историю человечества до появления Христа и историю после события Голгофы – человеческую историю, в которой животворящим образом действует импульс Христа, благодаря тому, что Христос вступил в души людей. Для гностиков импульс Христа стал содержанием истории, исторического становления! Даже если это может прозвучать поразительно для современных людей, то следует сказать, что на самом деле именно естественно-научные идеи нынешнего времени, которые приобрели материалистический характер лишь в своём отправном пункте, всё больше и больше будут подталкивать к пониманию таких идей гностиков и затем также к постижению их в реальности. Чтобы показать, что именно исходя из современности приближаются к тому, что некогда представлял гнозис, упомяну лишь следующее.

Однако следует сказать, что это выглядит лишь как самое простое, как первый шаг. Как долго естествознание верило, что стоит на прочной основе, не правда ли? Как долго оно полагало, основываясь на дарвинизме, который действительно можно описать как великое явление, что может заявлять, что у людей всё развилось из животных

задатков, и что по-настоящему движущей силой было нечто вроде, например, борьбы за существование? Таким образом, говорили, что всевозможные существа одинаковым образом были приведены к жизни, но возникла борьба за существование и совершенно неудивительно, что через определённое время более совершенное существо одержало бы верх над менее совершенным. Таким образом, существа якобы всё больше совершенствовались, пока, наконец, не достигли уровня человека. Выражение «борьба за существование» стало лозунгом. *Но сегодня существует другая идея*⁹, которую определённые исследователи, применяя к себе, вынуждены увидеть из чистого, честного чувства истины. Они говорят: «Если мы сегодня рассмотрим человека и сравним его с высшими животными, то мы не можем признать, что люди развились из этих животных по прямой линии. Скорее нам следует предположить, что человек отступает к праформе, которую сегодня больше не обнаруживают». – И теперь эти исследователи предполагают, что существовала такая праформа, из которой, с одной стороны, развился человек, а, с другой стороны – животные. И эти видные исследователи добавляют ещё один факт. Они спрашивают: «Как человек смог развиваться этим совершенно иным способом, в то время как животные развивались тоже?» – И тогда, как ни странно, они вообще не приходят к борьбе за существование. Они утверждают, что человек в своей форме находился в особом защищённом месте, где он смог сохранить состояние праформы, в то время как другие существа пришли в упадок. Таким образом, сегодня мы имеем уже приведение человека обратно к более не видимой праформе, которую смогли развить только потому, что она сохранялась в месте, где человеку

не нужно было вступать в борьбу за существование. Эти исследователи позволяют втиснуть себя только в один вымысел, а именно что они ищут это защищённое место в области реально-чувственного бытия. Также и гностицизм признавал праформу, но помещал её не в чувственный мир, а туда, где она, на самом деле, наилучшим образом сохранялась: в духовный мир.

И если уже пришли к идее, что человек вступил в жизнь позднее, тогда можно также прийти к другому, можно ведь также сказать: «Если мы рассмотрим ход истории, то увидим, как всё человечество некоторым образом разделено на отдельные нации и расы. Мы увидим, что существует множество религиозных вероучений, сформировавшихся у различных этносов». Раньше происходило так, что человечество могло развивать только то, что было заложено в некоем этносе, что было заложено в человеке благодаря его принадлежности к этносу. Но та духовная сила и существо, которые изначально делают вообще человека человеком, они порождают то, что человек находит в человеке – человека, а не признаки этноса, которые относятся к нему благодаря передаче по наследству – эту силу следовало снова предоставить человеку. Человечество смогло принять этот импульс только тогда, когда созрело для этого. Итак, в первые века христианства мы встречаем идеи развития особого, высшего рода, и поэтому должны сказать: «То, что мы сегодня видим в естествознании, так сказать, в начале, должно сперва сбросить оболочку куколки, это было уже предвосхищено в гнозисе в грандиозных мыслительных концепциях». Это смогло произойти лишь потому, что эволюция, развитие [фактически] присутствует в человеческой истории.

Если мы вернёмся к тем временам, тем эпохам, когда человек спустился в бытие, то мы придём к совершенно иной душевной жизни. Если мы захотим сравнить её с сегодняшней душевной жизнью, то должны сказать: «Она указывает на то, что воспринимают с помощью чувств; [*её можно пережить только с помощью чувств*]¹⁰, испытать только то, что связано с мозгом». Из древних времён нам передаются удивительные познания в образах. Внешне это также образ того, что духовная наука познаёт своими средствами, а именно что душа человека не всегда воспринимала своё окружение таким, как сегодня, но обладала ясновидением. Человек ещё не чувствовал себя настолько внутри своего «Я»; он ещё ощущал единство с вещами, сновидческие состояния сознания вели его к подосновам вещей. Сновидческое ясновидение было тем способом познания, благодаря которому тайны вещей раскрывались прачеловеку. Это переживание было подобно тому, что происходит сегодня, когда человек переживает состояние сна. Таким образом, прачеловек, спустившийся с духовных высот, переживал тайны духовного мира как ясновидческие сны. Но произошёл прогресс развития, люди глубже погружались в физическое бытие и всё больше теряли древнее ясновидение. Не нужно описывать это как нечто печальное, потому что если бы человек не потерял древнее ясновидение, то он никогда не пришёл бы к свободному самосознанию. Лишь потому, что это было возможным, человек смог осознавать свою собственную жизнь. Медленно и постепенно происходила эта потеря древнего ясновидческого сознания, с помощью которого человек проникал в тайны духовного мира.

В те времена, когда человечество фактически уже было полностью связано с внешним миром, эти ясновидческие знания ещё сохранялись в местах, происходивших из древних мистериальных школ. Они хранили это древнее достояние мудрости, которое существовало как предание. И после того, как событие Христа вступило в развитие Земли, гностики всё ещё хранили то древнее передаваемое из ясновидческого познания человечества достояние мудрости и из древних познаний сформировали идею Христа. Таким образом, она является отзвуком древних времён – знанием, благодаря которому не приобрели бы свободное самосознание. *Гностики применили знания праотцов о явлении Христа*¹¹ и благодаря этому объяснили его. То время, в которое существовал гнозис, было сумерками древнего ясновидческого познания. Таким образом, произошло то, что в последующие времена, в Средневековье, люди больше не могли продолжать работать с древним достоянием мудрости гнозиса и благодаря этому постигать Христа. Затем на место гнозиса пришло ещё нечто другое.

Теперь мы видим, как в следующие столетия, после того как гнозис был утерян, люди также хотели постичь явление Христа, но исходя на самом деле из [внешнего] человеческого знания и познания, исходящего из человеческой науки. Здесь мы видим, как самые просвещённые умы Средневековья использовали *учение древнего философа Аристотеля*¹² вместо гнозиса, чтобы постичь Христа. Они пришли к тому, что должны были сказать себе: «Когда мы берём строение мира по Аристотелю, то приходим только к определённом пункту; истинно духовное познание Христа лежит сверх того, что может познать человек». – Но в одном пункте мировоззрение

людей Средневековья опирается на главную идею Аристотеля. Аристотелю не приходило на ум доходить до воззрений современного материализма. Если мы исследуем точку зрения Аристотеля на взаимодействие души с телом, то он весьма далёк от веры, что ощущаемое человеком как своя внутренняя жизнь является только результатом наследственности, погружается в человека через родителей, бабушек и дедушек и так далее. *Скорее он приходит к идее*¹³, что каждый человек, вступивший в бытие посредством рождения, словно капля отрывается от всеобщей духовной субстанции, от божественного и соединяется со своей телесностью. Таким образом, духовно-душевное ядро подступает к [телесному] человеку каждый раз при рождении из всеобщего-духовного.

Но Аристотель развил мысль дальше. Он обладает качеством, которое на самом деле редко встречаются в настоящее время: он доходит до реальных выводов в своих исследованиях и размышлениях. Он говорит себе: «Теперь, когда душа проходит через врата смерти, тогда она всё же является реально существующим для себя существом; тогда она поднимается в духовный мир. Во времена до рождения она не была отдельным существом, после смерти она остаётся в духовном мире как индивидуальное, самостоятельное существо. Что она теперь после смерти может испытать? Она больше ничего не может там испытать, потому что тогда она должна была бы облачиться в тело; в качестве своего содержания она владеет только обратным обзором своей земной жизни. Человеческая душа живёт в вечности; она оглядывается на свою земную жизнь, на добро и зло, которое она творила, она живёт в образах своей собственной духовной жизни». – Здесь мы фактически благодаря

Аристотелю обосновали учение о вечном наказании в аду; исходя из этой части, оно приживается в католическом учении Средневековья. Здесь следует сказать, что у Аристотеля не получилось ничего другого, кроме как оставить душу столь однообразной – на протяжении всей вечности в будущем обозреть то, что она совершила в земной жизни.

Современная духовная наука или теософия теперь обнаруживает, что душа после смерти обладает в себе возможностью оглядываться на земную жизнь – как в воспоминаниях памяти –, но ей нет нужды оставаться в этом состоянии. Напротив, человек берёт из этой жизни в качестве самого прекрасного плода возможность развить или преобразовать с помощью духовного мира совершённые им здесь добрые или злые поступки. Таким образом, ему не нужно навечно оставаться в духовном мире, но он может, когда вступит в новую жизнь, когда снова вступит в бытие посредством рождения, преодолеть благодаря кармическому выравниванию именно то, что он ранее сделал или упустил в прежней жизни. Следовательно, душа проходит через врата смерти и берёт с собой импульсы, чтобы снова вступить в бытие, чтобы создать выравнивание в следующей жизни.

Аристотель не смог принять такую идею, потому что он с самого начала сказал, что душа каждый раз перед рождением отделяется от духовной субстанции. Духовная наука напротив должна сказать: «Нынешняя жизнь имеет в качестве предпосылки иную жизнь. Аристотель сам, так сказать, перекрыл горло своему познанию». – Таким образом, у Аристотеля, которого средневековые мудрецы называли *«предтечей Бога в отношении познания природы»*¹⁴ (*«praecursor domini in rebus naturalibus»*),

не было этой идеи о перевоплощении. То есть мы видим, как далеко зашёл Аристотель в вопросе бессмертия, и как он перенёс плоды жизни в вечный покой души. Благодаря этому словно сама по себе проявилась невозможность поднять взор в духовный мир и познать природу Христа. Материалистическим мышлением Христа отодвигают в область веры, где не может выступить познание. Древняя традиция гнозиса уже была утеряна; Аристотель не достиг познания Христа. Поэтому была проведена черта между тем, что можно постичь, и тем, во что нужно лишь верить. Осталось следствие из идеи Аристотеля: церковь подчёркивала вечное наказание в аду.

Новое время осуществило третий шаг. Постепенно преданность вере утрачивается людьми. Они всё больше и больше предавались лишь материально-чувственному. Теперь мы видим: результатом идеи Христа было то, что Христа всё больше отодвигали на задний план, и понимание Христа стало весьма материалистическим. На место духовного принципа гностиков, на место средневекового Христа, которого могли переживать в самом чистом чувстве веры, современное время в отправную точку нашего летоисчисления ставило не человека, душевно пронизанного чем-то космическим, но всё чаще и чаще *«простого человека из Назарета»*¹⁵ – человека, подобного другим людям. Уже больше не было известно то, что постигли гностики. Христа желали понять материалистическим образом, как любое другое обыкновенное историческое явление. И когда его восприняли лишь как человека, также были вынуждены исследовать Его явление с помощью средств обыкновенной истории. При этом всё же могли бы подумать: «Восприятие всех вещей историческим образом является как раз самым лёгким, так как, что может быть

проще, чем взять Евангелия и указать, что в них существуют противоречия». Суть этого исследования – самое элементарное, что только может быть. Всё же также должны были в действительности предположить, что все, жившие ранее, были такими огромными простофилями, что они никогда не видели столь кричащих противоречий.

Евангелия не воспринимали как воспитание души, благодаря которому она может подняться к духовному пониманию Христа. Поэтому не удивительно, что человек накладывал на Евангелия масштаб истории, неудивительно, что возникло движение, которое в Германии связано с именем *Древса*¹⁶ и которое пришло к полному отрицанию Христа. Это происходит сейчас, в то же самое время, в той же современности, в которой выступает духовная наука! И как раз духовная наука указывает на то, что уже было охарактеризовано, а именно, что человек с тем, что он несёт в себе, не просто живёт в одной жизни, но что он принёс это с собой из других прошедших жизней. Когда-то человек жил в духовном мире. Затем он спустился из духовного мира, но существовал не только лишь один раз в физическом теле, а спускался снова в физическое бытие, после переработки плодов отдельной жизни в духовном состоянии. Этот закон уже часто упоминали здесь. Он показывает нам, как человек живёт в общем историческом становлении мира. Но затем жизнь только тогда открывает смысл, когда мы принимаем, что мы все жили на Земле, чтобы овладеть тем, что смогли дать нам древние времена, чтобы продолжить своё развитие в более поздние, более совершенные эпохи. Если это рассмотреть более подробно, то проявится нечто совершенно особенное, а именно проявится то, что можно назвать миссией человека на Земле.

Также и сегодня, как это уже часто происходило ранее, я должен указать, что обнаруживаемое сегодня [повседневное] сознание человека, не является чем-то, что может быть единственным сознанием. Человек может по-настоящему развиваться, он может благодаря регулярному духовному обучению подняться к ясному видению. Он сможет это, если в своей душе применит [метод] медитаций. Таким же образом как мы, благодаря наблюдению за блестящим предметом, можем прийти в состояние, изолирующее всю остальную жизнь, что говорится не в расчете на подражание, также мы приводим себя в состояние, конечно, не столь несвободно, когда мы по своей собственной воле в центральный пункт нашего сознания ставим лишь духовно-душевное, которое мы приобрели, и, в основном, не обращаем внимание на всё прочее. Тогда в нашу душу излучаются силы, благодаря которым для нас становится реальным то, что можно примерно выразить в словах: «Человек становится свободным от своего тела». Человек по-настоящему переживает то, что может позволить себе высказать так: «Я больше не воспринимаю глазами, больше не думаю мозгом, но познаю как духовное существо, независимое от своего тела; я воспринимаю то, что живёт и ткёт в духовном мире». Этого возвышения к духовному можно достигнуть благодаря обучению, и его строгие законы можно найти описанными в некоторых из моих работ.

В духовный мир легче всего вознести свою душу тому, кто пережил в своём чувстве то, что можно описать примерно таким образом: «Тот, кто легко приходит в волнение, кто во многом предаётся своим чувствам и ощущениям, тому не легко будет подняться в духовный мир. Но тот, кто противостоит внешнему миру с определённым

равновесием спокойствия и внутренней невозмутимостью, в ком живёт, так сказать, сбережённое, сосуд для чувств и ощущений, то именно туда светит духовный свет, который мы разжигаем в себе посредством медитации». Человек, который много занимается самим собой, не может легко стать обученным ясновидящим. Но кому легко удаётся опереживать другим, кто может развить бескорыстную любовь, кто живёт не только своими ощущениями, такой человек владеет полнотой души, которую он может пронизать с помощью сил, которых он достиг посредством духовного обучения. Сила ясновидения человека загорается из чувства, которое не изживает себя в эгоизме.

Когда теперь человек зашёл так далеко, что он имеет возможность жить в духовном мире, тогда постепенно он способен то, что там переживает спустить вниз в привычные понятия и затем может сообщить это так, чтобы оно могло быть понято посредством здравого человеческого рассудка. Точно также как все люди не обязаны идти в лабораторию, чтобы самостоятельно убедиться в том, о чём говорит внешняя наука, также и нет необходимости всем людям становиться ясновидящими. Тот, кто делится выводами своих ясновидческих исследований, не боится здравого человеческого рассудка. Кто достаточно здрав в этом смысле, тот признаёт правоту духовного исследователя; не признаёт его правоты тот, кто подходит к духовным истинам с предубеждением. Так обстоит дело с духовной наукой [и её выводами], полученными благодаря ясновидческим исследованиям, и таким образом человек может подняться в мир духовного опыта.

То, что сегодня достигает духовный исследователь в сверхсознании, в будущем станет возможным достичь

в определённой степени всем людям. А двадцатому веку предстоит именно это: понять, что душа развивается, проходит в ходе земного существования от жизни к жизни, и это позволяет воздействовать на нас тому, что должно действовать на нас из культуры времени.

Если теперь охватить взглядом людей на всей Земле, то в них бросаются в глаза два качества, которых в древние времена у них не было. Нужно лишь проверить, чтобы увидеть, что их не было. Этими двумя качествами являются сострадание и совесть. Оба этих качества будут постепенно всё больше развиваться, когда человек проходит обучение душевной жизни. Сострадание и совесть проявляются только в процессе развития. Однако многое из того, что слышат о сострадании просто пустые слова. В действительности, сострадание – это нечто, что человек чувствует тогда, когда он освобождается от самого себя, когда он переносится в другое существо, когда он чьи-то страдания воспринимает его чувствами. В сострадании человек забывает о своём собственном «Я», живёт внутри другого человека. Лишь представьте себе однажды, будто природой устроено так, что человек в тот момент, когда он отделяет себя моральным образом от своей собственной, узкой самости, переживал бы тоже самое, что он переживает каждый день во сне: то есть когда человек больше не может управлять своими конечностями, когда мозг больше не может оставаться орудием души, когда человек засыпает, он теряет своё сознание. Да, человек также может на самом деле потерять своё сознание в чувствах – тогда он упадёт в обморок: в таком случае он не может отдать своё «Я» чувствам другого существа. Это является наивысшей степенью эгоизма, это является моральным недостатком!

Сострадание является одной из двух вещей, благодаря которым человек выходит из себя, не теряя при этом сознания; а совесть – второй. Она говорит в нас. Человек подчиняется голосу, звучащему в его «Я»; тогда он подчиняет свою самость другому, простирающемуся дальше, чем его самость. Сострадание и совесть являются двумя силами, развиваемыми человеком. И на основании форм, которые приняли сострадание и совесть, сознание разовьёт то, что обычно было возможным лишь в отклоняющемся от нормы сознании: ясновидение. Это – не пророчество, это нечто, что следует из строгой научности.

В двадцатом веке благодаря познанию того, что порождают сострадание и совесть в человеческой душе, человек сможет уже в своём обыкновённом сознании прийти к непосредственному [духовному] переживанию. Он сможет понять нечто, о чём скажет себе: «С одной стороны, мы видим, как человек, когда вступает в бытие посредством рождения, наследует нечто от своих предков; в качестве духовного существа он должен войти в семью, он облачается унаследованными качествами. Люди знали об этом наследовании задолго до нашего естествознания, они лишь дали ему иное имя, а именно «первородный грех». Кто знает [значение] этого первородного греха в Ветхом Завете, тот знает, что его следует понимать гораздо глубже, чем это делает сегодняшнее естествознание, а именно, что его нужно применять также к моральным качествам. Но те, кому сострадание и совесть принесли свои плоды, скажут себе: «Так же как я связан с задатками, от которых я не могу уйти, так же во мне присутствует нечто, благодаря чему я не связан с материей, благодаря чему я могу

подняться над самим собой, выйти в духовный мир». – Ясновидение будет дано непосредственно в этой области: в области собственной души. Человек скажет себе: «Как нечто приковывает меня к внешней материи, так, с другой стороны, в душе для меня раскрывается исполненный света помощник, который может возвысить меня над самим собой».

Это чувство можно было бы сравнить примерно со следующим: если кто-то не верит, что воздух, находящийся снаружи, может проникнуть в пустое пространство, то ему просто нужно сделать пространство пустым: тогда воздух сможет туда проникнуть, после чего он сможет прекрасно узнать об этом. Но благодаря состраданию и совести, оба которых отделяют наше «Я» от нас самих, в душе создаётся пустое пространство, и теперь туда устремляется духовное, то, что мы называем Существом Христа. Тогда благодаря личному опыту человек узнаёт, что он может принять в себя Христа, который находится там в духовной атмосфере, как воздух находится в физической атмосфере и проникает во все найденные им пустые пространства.

То есть в этой высшей области обычное сознание уже может стать ясновидящим. И тогда человек признаёт это переживание не просто как субъективное, но он осознаёт, что оно должно стать там реальным. Он поймёт, что этого когда-то не было здесь, что оно когда-то было поглощено человечеством, это значит, он узнает, что то, что он переживает, когда-то низошло на Землю и связало себя с ней в качестве импульса Христа. Этот импульс Христа должен стать для людей двадцатого века чем-то, что некогда вступило в развитие Земли как реальное, историческое событие. Тогда наступит время, когда не будет смысла

говорить, что Христос является просто идеей, но когда будут говорить: «Можно было же предположить, что этот опыт переживается только в душе отдельного человека, подобно тому, как определённые философы утверждали: без глаз – нет цвета. Но внешний цвет не возникает потому, что есть глаза, но глаза созданы из мира света». Итак, человек мог бы сказать: «Как без света нет глаз, так и без исторического Христа нет внутреннего Христа, нет внутренней силы Христа в людях!» – Поэтому человек познает Христа как духовное Существо; он узнает, что тоже самое Существо некогда существовало на Земле и посредством своей жертвы связало себя с ней. В целом, человек сможет проникать в духовный мир и тогда также откроет и Христа.

Так как Гёте часто высказывал правильные слова о вещах, то можно сейчас опереться на его слова, когда то, что хотят выразить возьмут как подобие для того, что мы сегодня желаем сказать – слова, которые могут стать для нас указанием. Гёте сказал: «*Глаза были сформированы с помощью света для света*». – Свет как по волшебству создал глаза из первоначально невосприимчивых органов. И теперь Гёте иными словами указывает на внутренний импульс, чтобы увидеть в себе Бога:

*Если бы глаз не был солнцеподобным¹⁷,
Он никогда не смог бы увидеть солнце;
Не будь в нас присущей Богу силы,
Как могло бы восхитить нас божественное?*
(Перевод А. В. Михайлова)

Подобно тому, как свет словно по волшебству создал глаза, также и в человеке сила видеть Бога, была создана

самим ткущим и живущим Богом. Кто сможет пережить Христа в своём внутреннем христианском элементе исходя из наипрекраснейших ощущений, чувств и познаний, тот узнает, что это возможно лишь потому, что Христос однажды низошёл на Землю, потому что однажды существовал исторический Христос. Подобно тому, как солнце своим светом создало в человеческом теле глаза, также исторический Христос создал в человеческих душах [внутреннюю] жизнь Христа. Если бы душа не была «христианской», как бы она смогла переживать Христа! Если бы Христа исторически не существовало, как бы душа могла обладать этим самым прекрасным ощущением, ощущением Христа! – Так будет говорить человек в двадцатом столетии. В то время, когда внешняя наука пришла к тому, чтобы отрицать исторического Христа, духовная наука без письменных подтверждений пришла к тому, чтобы сказать: «Так как человек может пережить Христа, он знает, что он исторически существовал как животворящая сила, как Солнце в духовном царстве человеческого развития».

Лекция четвёртая

Христос в двадцатом веке

Гамбург, 16 ноября 1912 г.

Уважаемые слушатели! Тема сегодняшнего вечера без сомнения является тем, что находится во многих отношениях в центральном пункте духовных интересов современности. Таким образом, может легко показаться, будто бы она выбрана с учётом различных партийных мнений и духовных течений, действующих сегодня в отношении этой темы. Только те из уважаемых слушателей, которым я уже часто говорил о духовно-научных вещах, возможно, увидят из всего содержания и образа мыслей этого рассмотрения, что представленное сегодня [в этой лекции] мировоззрение не вмешивается непосредственно во все за и против, возникающие в наши дни именно по отношению к таким вопросам. Однако, при всём этом, конечно, остаётся небезынтересным также услышать мнение на тему «Христос в двадцатом веке» с той стороны, которая взяла на себя задачу рассмотреть духовный ход развития человечества и всю культурную жизнь с точки зрения объективной духовной науки.

Вероятно, можно было бы подумать, что с точки зрения объективной духовной науки мнение о «Христе в двадцатом веке» на самом деле спорно, потому что человеческие сердце и душа под именем «Христос» представляют себе нечто, что не может подвергаться изменяющимся воззрениям столетий. Однако если обратить взгляд на прошлое христианства, то, представляя различную духовную деятельность человечества,

можно будет всё же убедиться, как в течение столетий фактически происходило явное изменение в воззрениях на Христа. И если мы в наше время можем говорить в определённом отношении о своего рода пересмотре всех духовных вопросов, тогда то, что связано с задачами настоящего времени в отношении духовных вопросов сможет, вероятно, также пролить свет и на проблему Христа. И, как показывают, прежде всего, довольно оживлённые дискуссии в настоящее время, что ни в каком другом месте, а в сердцах современных людей присутствует потребность разобраться с этой проблемой, находящейся не только в центральном пункте духовного настоящего, но и вообще всей человеческой истории развития.

Если сегодня говорят о развитии во всех областях знаний, то в свете развития должно сдвинуться также всё то, что существует в представлениях, ощущениях и чувствах в связи с проблемой Христа. Духовная наука хочет быть исследованием всего того, что находится на заднем плане чувственного бытия, позади того, что может постичь рассудок, связанный с мозгом. Я часто описывал, какие существуют источники, и какой способ исследований имеется в этой области. В духовной науке исследуют и рассматривают не так, как исследуют во внешней науке, не так как рассматривают мир во внешней жизни. Сегодня вечером на эти вещи можно лишь намекнуть. *Более подробное описание можно найти в моей книге «Как достигнуть познания высших миров»¹*. Духовная наука исходит из того, что человек может пробудить в своей душе определённые дремлющие силы познания. Она предоставляет методы, посредством которых можно пробудить эти силы. Те души, которые используют эти

методы в себе, на самом деле достигают управления внутренней жизнью, не зависящей от чувств и всех телесных функций, а также независимой от рассудка, связанного с мозгом. Возможна внутренняя жизнь, благодаря которой человек взирает в духовный мир и наблюдает сверхчувственное, которое пребывает на заднем плане событий, происходивших в ходе человеческого развития. Как человек может наблюдать без физических органов? Это является методологическим вопросом духовной науки. Затем результатами этого метода является то, что сообщается в качестве духовной науки.

Эта духовная наука обращается к публике таким же образом, как и другие науки, исследующие в [лабораториях] и обсерваториях [явления² мира благодаря проведению экспериментов и наблюдению с помощью приборов, а затем приходят современники и проверяют эти вещи с помощью здравого человеческого рассудка]. Духовная наука также проводит эксперименты, духовные эксперименты, и применяет инструменты, душевные инструменты. Подобно сообщениям о результатах астрономии и биологических исследований, душа сообщает именно то, что может сотворить из себя самой, если отделилась от внешней телесности и ведёт внутреннюю жизнь в себе самой, которую она затем может изучить в духовном бытии. Затем здравый человеческий рассудок может судить об этом, только если он желает связать себя с этим, несмотря на то, что в наше время он не ощущает сильной склонности к этому. Само собой разумеется, что в одной отдельно взятой лекции невозможно указать все пути, приводящие таким образом освобождённую от тела душу ко Христу, но сейчас ещё можно предоставить все подтверждения для этого пути. Сегодня вечером моей

задачей должно быть лишь описание точки зрения духовного исследователя на это Существо Христа и выражение представлений о том, как это духовно-научное понимание проблемы Христа может проникнуть в то, что наша остальная духовная культура должна говорить о Христе.

Прежде, чем это станет возможным, нам необходимо взглянуть на развитие вопроса Христа в ходе столетий с начала основания христианства. Никким образом не следует развивать всё, что люди приводят в теологических и иных религиозных спорах, но нужно лишь указать на главные линии и направления.

Уильям Бенджамин Смит, *очень либеральный исследователь*³, указал на весьма странный факт, который подходит для того, чтобы исправить некоторые суждения современности о тех временах, когда было основано христианство. Если не посмотреть на то, что в первые столетия называлось гностическим христианством, то невозможно понять представления о Христе, постепенно распространившиеся в первые века. Духовная наука не является обновлённым гнозисом, но нам приходится иметь дело с гнозисом, потому что мы хотим ориентироваться на представления, порождённые в прошлом о Христе. *Смит, в частности, указывает на следующий факт*⁴. Он говорит: «Примерно за пятьдесят лет до основания христианства и до ста пятидесяти лет после этого жили великие теософские гении, люди, прилагавшие множество усилий, чтобы посредством своих мудрости и науки проникнуть в суть того, что Христос, на самом деле, находится во взаимосвязи со всем человеческим развитием». Это говорит даже не духовный исследователь или ортодоксальный богослов, но либеральный исследователь!

В настоящее время не многие склонны слушать такие слова; им нравится слышать только то, что Существо Христа – это такое Существо, о котором даже самая простая душа может достичь полного понимания. А значит, зачем призывать всеобъемлющие мудрость и знания, чтобы приблизиться ко Христу, который должен же быть доступен самой невежественной душе? Нельзя сказать, что тот, кто приводит такое возражение, был бы неправ в любых обстоятельствах; на самом деле, мощь импульса Христа заложена в том, что он доступен самой невежественной душе. Но такое возражение также следует рассматривать в ином свете. Вполне можно сказать: «Ещё совершенно неразумный ребёнок может радоваться цветку и поймёт этот цветок своей душой, но можно также продолжить: мудрый человек осознает, что его наивысшей мудрости недостаточно, чтобы по-настоящему понять этот цветок». – Таким образом, также нужна самая высшая мудрость, чтобы на самом деле приблизиться к Существо Христу. По словам Смита, теософские гностики были теми гениями, которые по-настоящему пытались понять Христа в начале появления христианства исходя из отважного мужества своих душ. От гностиков сегодня ещё действительно применимо для непредвзятой души то, что должно хоть один раз предстать перед нашей душой.

Импульс Христа для гнозиса определённо был импульсом, который как необходимость вливается во всё развитие земного человечества и Земли. *Основными предшественниками этого главного развития мыслей гнозиса были прежде всего Василид, Маркион и Валентин*⁵. Конечно, то, что сегодня называют монистическим учением о развитии, возможно, будет неистово отвергать духовное учение о развитии гнозиса, но это так называемое монистическое

учение о развитии отличается от гностического, так как оно, оглядываясь на ранние состояния, желает признавать лишь материальное, в то время как гностическое учение о развитии восходит к тем временам, когда источником бытия считали лишь духовное, из которого затем развилось не только человечески-душевное, но и материальное, зависящее от духовного.

Я уже часто указывал на чисто логическое возражение материалистического учения о развитии. Оно гласит: «Мы возвращаемся всё дальше и дальше в последовательности времён, приходим к временам, когда господствовали примитивные человеческие порядки, затем предполагаем, что человек развился из животного, и, наконец, приходим к временам, когда на Земле жили лишь животные. И мы идём ещё дальше назад, когда вообще ещё не было жизни на Земле». Мы можем сказать, что это материалистическое учение восходит к таким гипотетическим состояниям, *когда Земля в солнечной системе была частью мировой туманности*⁶, из которой затем выделилось Солнце со своими планетами. Во всём этом материалистическом учении можно увидеть, какая логическая ошибка находится в часто приводимом сравнении, когда это учение желают разъяснить ученику. *Наглядным образом это показывают*⁷, когда берут каплю масла, плавающую в воде. Затем вырезают круг из бумаги, нанизывают на булавку, опускают в каплю масла, и потом крутят. Затем, когда отделятся небольшие капельки, могут показать ученику возникновение планетной системы. И говорят, что тоже самое произошло с огромной мировой туманностью. В этом видят главный макет монистического учения о развитии. Но при этом делают огромную ошибку; господин учитель при этом кое-что забывает.

Он забывает, что всё крутится только тогда, когда он сам это делает. Поэтому это сравнение имеет силу, только если в мировом пространстве представят огромного профессора, который всё закручивает. Естественно, люди не собираются предполагать это, если занимают точку зрения монизма.

Но духовная наука исходит из того, что если мы вернёмся обратно во временном развитии от эпохи к эпохе, то не придём вообще ни к чему материальному, но к тому, что источник Земли и планетной системы находится в совокупности духовных существ. Духовное является источником бытия; как раз это считалось основной мыслью гностиков. И этот дух, являющийся источником всего бытия, можно познать сегодня, если душа освобождена от тела. Если человек желает отрицать дух, находящийся на заднем плане всего бытия, то такое отрицание можно сравнить с тем, что мог бы сказать некто, глядящий в сосуд с водой, в которой плавают кусочки льда, а он хотел бы сказать нам: «Это – только лёд». – Таким образом, также тот, у кого глаза открылись лишь для материальных вещей, видит только материю, а не дух. Но материальное бытие покоится в духе; оно закономерно развивается исходя из духа; оно является сгущением духовного, и все материальные существа произошли из духа. *Кто желает признавать лишь материю*⁸, тот не замечает духовное только потому, что он не раскрыл, как говорил Гёте, духовные глаза. В древние времена, согласно воззрениям гностиков, всего материального ещё не существовало. Оно развилось из сгущения духовного; оно является следствием духовного, сгущением духовного: все материальные существа от камней и, поднимаясь до человека, являются продуктами духовного.

Можно проследить, как из духовного постепенно возникли планетарное и природное царство, и как затем в определённый момент развития Земли, на Землю, исходя из духа, вступает человек. Это и была мысль гностиков, которая по сей день представляется верной настоящей духовной науке – гностиков, пытавшихся с отважной человеческой мудростью проникнуть в суть Существа Христа. Они считают, что в определённый момент времени развития Земли человек возник таким образом, чтобы на самом деле определённая совокупность того, что ранее было предопределено для людей в духовном мире – определённая совокупность человечески-духовного, существовавшая в духе и предназначавшаяся для физических людей – нашла вход в земного человека, вследствие чего он, начиная с определённого момента земного развития, был наделён духовно-душевым, ставшим человеческим. Но они также полагают, что при вступлении в человеческое развитие от духовно-человеческого в духовном мире нечто было оставлено, поэтому только часть всеобщего человеческого продолжала поколение за поколением жить на Земле. Люди развивались здесь внизу на Земле, но не всё духовно-душевное находилось в них, а часть была оставлена в духовном мире и развивалась далее там наверху – над человеком.

То есть, если мы примем развитие Земли в духе гнозиса, то можем сказать: «Начиная с того времени, когда человек ступил на Землю, у нас есть двойной поток развития. Во-первых, души в людях на Земле развиваются из поколения в поколение, но не полностью [духовно] развивается то, что человечество должно было бы получить исходя из духовного мира. И второй поток развития продвигается вперёд сверх материального бытия,

продолжается в Космосе, в духовном царстве. Затем, согласно воззрениям гностиков, в человеческое развитие вступило нечто, что смогло вступить только в позднейший момент времени, [но не ранее]».

Почему человечество должно было некоторое время развиваться без своего наивысшего духовного элемента? Это должно было произойти потому, что человеку следовало завершить своего рода спуск в материальное в своём развитии, следовало полностью вступить в материальное. Оно должно было осознать себя самого в материальном, чтобы, когда однажды к нему приблизится это оставленное прежде духовное, оно смогло почувствовать и принять его свободно и независимо. Человек должен был погрузиться в материальное, чтобы потом он смог почувствовать, благодаря отличию духовного от материального, это духовное в его истинном значении, когда оно низойдёт вниз.

Когда же на самом деле снизошло духовное? Гнозис говорил об этом: «Нисхождение этого духовного, которое развивалось далее в Космосе, обозначено благодаря тому, что в Евангелиях символически показано как Крещение Иоанном в Иордане». – Если захотят это понять, то можно сказать: «Возможно, каждый человек знает, что отдельный человек развивается не только последовательно, но что может быть для многих душ в их существовании наступает момент, когда они чувствуют себя так, как будто в них вступило нечто совершенно новое, как будто нечто в них пробудилось». Например, это легко можно отметить в *развитии Гёте*⁹, если смогут углубиться в девятые годы, когда в душу Гёте вступило нечто абсолютно новое. Существует множество душ, узнающих здесь, что они не только постепенно продвигаются дальше, но что

у души есть мощные моменты преобразования и развития, в которые она чувствует, как будто в неё вливается мир, когда она воспринимает совершенно новое.

Для отдельной души в малом происходит то, что гнозис видел в великом в событии Крещения Иоанном в Иордане. Тогда к человеческой личности Иисуса из Назарета подступило это духовное. До этого момента развитие Иисуса проходило таким образом, чтобы он посредством своего развития был подготовлен испытать в высшей степени величайшее преобразование при этом Крещении. Тогда в этой душе произошло не только великое преобразование, но в неё вошло то, что было оставлено в начале человеческого развития в духовно-космической области; то, что отделилось и развивалось самостоятельно в области сверхчувственного, вошло в душу Иисуса из Назарета. Оно вступило в него и оставалось в его душе на протяжении трёх лет, вплоть до Мистерии Голгофы.

Кто желает применить к таким вещам привычную историческую последовательность причины и следствия, тот не сможет осознать это, но кто немного считается с факторами, приведенными в *моей книге «Христианство как мистический факт»*¹⁰, тот обнаружит, что внутри становления истории разыгрываются факторы, имеющие сверхчувственную природу, и признаваемое гнозисом нельзя отвергать как нечто чрезмерно мистическое.

О чём же говорил гнозис? Он признавал, что существуют два потока развития, приводящих человека так далеко, что он посредством первого потока охватывается материальным; сверх этого материального потока идёт сверхчувственно-духовный. Второй поток приближается к личности Иисуса из Назарета в момент Крещения Иоанном таким образом, чтобы благодаря этому событию

оплодотворить человечество той частью общечеловечески-космического, которую оно ещё не смогло воспринять в начале земного развития. Происходит духовное оплодотворение – оплодотворение человечества тем импульсом, который должен был остаться позади, чтобы развиваться далее, пока человечество не созрело достаточно в материальном для того, чтобы суметь воспринять его. Сколь мало противоречия в том, что любой зачаток в природе сначала должен развиваться, а затем должен быть оплодотворён, чтобы достичь полного развития, также мало противоречия в том, что человечество вначале развивалось материальным образом, а затем, исходя из духа, в определённый момент должно быть оплодотворено.

Это – одна [из идей], и даже основная идея мышления гностиков. Сегодня каждый человек полагает, что может перейти к делу, минуя гностиков и отмахнуться от них как от фантазёров и восторженных мистиков, несмотря на то, что теологи, например, Гарнак в своей «Истории догм»¹¹, говорят, что необходимо было бы обернуться назад, потому что в гнозисе заложена истинная исходная точка для всех позднейших религиозных и теологических рассматриваний; а Смит полагал¹², что именно эти гностики были величайшими теософскими гениями! И если мы хотим охарактеризовать, каков теперь основной характер, личная позиция этих гностиков по отношению к проблеме Христа, то мы обнаружим, что гностики имели смелость говорить: «Благодаря своим собственным усилиям, благодаря формированию того, что дремлет в человеческой душе, она действительно способна развить такие силы познания, что она сможет обозревать духовные импульсы развития человечества». – Если мы желаем сказать более тривиально, то можно сказать: «Эти гностики

осмеливались, исходя из своих душ, достигать познания о сверхчувственном ходе развития человечества». Таким образом, такая идея Христа, которой обладали гностики, выступает нам навстречу в начале христианской эпохи. Если мы продолжим наблюдать далее развитие вопроса Христа в человеческом развитии, то поймём неизбежный курс, который можно осознать в двадцатом столетии относительно проблемы Христа.

Мы можем совершить небольшой переход от гностиков к Средневековью. Присутствует ли ещё там подобный факт? В малой степени для отдельных людей ещё присутствует, но во всеобщей духовной жизни уже нет такой смелой уверенности, [такой веры] в силы познания сверхчувственного. Средневековое рассмотрение гласит: «Человеку было открыто в Писании то, что относится к Существованию Христа и сверхчувственному в целом». Таким образом, это Откровение принимается из Писания. Суть средневекового воззрения в следующем: «Человек проходит благодаря своим собственным силам познания только до определённой границы; но затем все человеческие знания должны остановиться и ждать того, что теперь даёт традиция и Откровение как дополнение к тому, что человек может изучить самостоятельно. Человек, с помощью сил познания, может познать только природу и то, что возникает из неё, но в отношении глубины сверхчувственного он должен полагаться на то, что передано ему в Писании. Человек не может проникнуть [с помощью своих сил познания] в то, что открывается человечеству». – Смелость и уверенность гнозиса иссякли. Человек больше не признаёт и не осознаёт, что он может благодаря своим духовным силам проникнуть в сверхчувственные миры. Таким образом продолжалось развитие.

В новое время наступает эпоха, которая принесла то, что всегда признаёт духовный исследователь: а именно великие достижения естествознания, познание материального бытия и его законов, великие достижения промышленной, коммерческой и социальной жизни. Но в отношении духовного неизбежно возникло последствие этого материального прогресса. Его смогли достичь лишь потому, что человек склонился к чувственному, к материальному. Тогда в его привычное мышление проникло нечто, из-за чего он лишился склонности к сверхчувственному: в то время как в Средневековье ещё воспринимали божественное Откровение, в новую временную эпоху соглашались лишь с тем, что человек не достигает сверхчувственного. Но затем человек преобразовал это мнение и сказал: «Итак, мы полностью оставляем в покое это сверхчувственное и придерживаемся только внешне-материального». Так происходило [от Средневековья] вплоть до девятнадцатого века.

Таким образом был [сформирован] взгляд на религиозные вещи, особенно на проблему Христа. Каковы же были последствия? Человек теперь больше не желал знать о таком Существо, которое развилось бы сверхчувственным образом и затем вступило бы в человеческое бытие. Новое время больше не хотело идти к такому сверхчувственному – к Христу как сверхчувственному, космическому Существо, занявшему место в душе Иисуса из Назарета, к сверхчувственному Христу в физически-чувственном человеке Иисусе. Последствия этого были такими: это время потеряло Христа и остановилось только на Иисусе. И весь поток развития сформировался таким, каким мы видим его теперь в завершающемся девятнадцатом

веке и начинающемся двадцатом веке *как так называемое «понимание Иисуса»*¹³.

Поистине, это понимание породило некоторые красивые и удивительные вещи. Я хотел бы обратить внимание на нечто из этого, относящееся к недавнему времени, на книгу *нюрнбергского теолога Риттельмейера*¹⁴; она называется «Jesus». И когда читают эту книгу, создаётся впечатление, что автор приобрёл в понимании Иисуса нечто, соответствующее идеальной личности, которая даёт ему пищу для души и духа, которой он посвящает себя, которая даёт ему уверенность в том, что всё человеческое величие действительно поистине важно, что все великие человеческие импульсы – не мечты, а реальность. Риттельмейер в своей душе владеет тем, что можно было бы пожелать каждой душе; в отношении Иисуса он обладает уверенностью, что у него есть надёжный советчик. Его описание настолько живо, как будто он смог взглянуть на живого Иисуса как на брата, который для него в тоже время является надеждой и спасением. Такое явление породило понимание Иисуса, но оно породило ещё и другое, что привело к значительным дискуссиям.

Возникло чисто материалистическое исследование, и почему бы ему не обратиться к этой проблеме? Я вкратце обрисую то, что имею в виду. Исследователи истории привыкли указывать только на то, что действительно может быть подтверждено, доказано исходя из исторических источников, о чём можно предоставить исторические документы. В этом отношении культура западноевропейских стран весьма причудлива. Я хотел бы показать это на одном примере. *О Ранке, великом историографе, рассказывают*¹⁵, что когда он постарел, то сказал одному другу: «Всё же нельзя запросто исключать личность

Иисуса из истории», – а между тем если мы посмотрим на рассмотрение истории самим Ранке, то он оставляет импульс Иисуса без внимания. Затем сам Ранке опешил и сказал: «Только проверьте, если мы рассмотрим исторические факты, то импульс Иисуса повсюду в истории играет большую роль». – Это пришло к нему не из исторических источников, но из инстинктивного сознания, он чувствовал, что Иисуса нельзя просто убрать из истории.

Но теперь возникает вопрос: «Существует ли Иисус из Назарета?» – Этот вопрос был бы совершенно невозможен для гностиков. Они знали, что человек может развиваться к познанию сверхчувственного, и что, если он рассматривает сверхчувственное в ходе человеческого развития, тогда ему навстречу выступает Христос. Даже можно было бы сказать: «Между апостолом Павлом и гностицизмом существует изначальное родство». Павел, хотя и был современником Христа Иисуса, не позволял убедить себя благодаря тому, что произошло в Иерусалиме. Конечно, ему всё было открыто, но это не смогло убедить его; он остался неверующим. Благодаря чему он не только уверовал, но и стал самым значимым представителем и основателем христианства? Благодаря сверхчувственному переживанию! *Исходя из сверхчувственного ему была явлена*¹⁶ истина о Христе в так называемом «событии на пути в Дамаск». И когда он увидел событие Христа исходя из сверхчувственного, тогда он узнал, что это не что-то неопределённое. Тогда он также узнал, что то Существо, которое сейчас снова живёт в сверхчувственном – Христос – однажды жило в человеческом теле на Земле. Он обрёл уверенность в историческом Иисусе, исходя из сверхчувственного. Таким образом, также и для гностиков было абсолютно само собой

разумеющимся, что Христос жил в Иисусе. Это воззрение продолжалось в Средневековье. Поэтому в то время вопрос об историческом Иисусе был ещё не важен.

Он стал важен только тогда, когда люди утратили Христа и начали придерживаться лишь материального – Иисуса. Тогда вперёд выступил историк и потребовал документы, а затем пришла исторически радикальная критика и указала, что в смысле того, что сегодня называют историческими документами, Евангелия не являются ими. Других документов нет. Они вправе не понимать этого. Духовное исследование полностью признаёт Евангелия, но в ином смысле, чем просто в историческом. Благодаря духовному исследованию человек снова переживает то, что переживали авторы Евангелий, он не принимает Евангелия как свидетельства существования исторического Иисуса. Гарнак говорил: «*Все исторические записи*¹⁷ об Иисусе можно с лёгкостью уместить на одной четверти страницы». – Всё можно оспорить, и когда чисто внешний исторический способ исследования приближается к Евангелиям, то может произойти лишь то, что произошло, а именно, *что Древис глубокомысленным образом показал*¹⁸, что исторических свидетельств о существовании Иисуса нет. Это движение появилось в последнее время. Древис не единственный, кто занимает такую точку зрения; Смит основывается на том же. Все люди сделали открытие, которое было для них самым ошеломляющим. Сначала они ясно представили себе, что существование исторического Иисуса никак нельзя обосновать. Они сказали: «У нас нет никаких документов, и поэтому с таким же успехом Иисуса можно отрицать». – Но они открыли для себя следующее: они пришли к тому, что существует некий Христос, что Иисус

был Богом. Древис, Смит и другие признают, что Иисус в рассматриваемое время был не просто человеком, а Богом, что всё описанное в Евангелиях является описанием сверхчувственно-божественного. И что же они сделали? Они направляют взгляд к идее Христа; они снова приходят обратно ко Христу. И это возникает из того, что *Вы можете найти у Древиса или у Смита в книге «Ессе Deus»*¹⁹, опубликованной Дидерихом в Йене.

[Эти люди говорят]: «То, во что верили гностики, во что верили в Средневековье, во что верил Ориген, это не применимо к человеку. И это доказывает нам, что под Христом подразумевают сверхчеловеческое, божественное Существо. Таким образом, в том Существо, которое находится у истока христианства, перед нами предстаёт не человек, а Бог – Существо, к которому должны относиться только духовно-сверхчувственные признаки, которое имеет сверхчувственное значение для человечества. Но такого Существа нет – так говорят эти люди –, и поэтому нельзя говорить о таком Существо; оно не присутствовало в Иисусе!» – Таким образом, это новейшее духовное течение обнаружило Христа, познало, что Он является Богом, и поэтому отказалось от понятия Иисуса; потому что, теперь, если он является Богом, он тем более не мог существовать. Смит говорит: «Если Христос был Богом, то было бы по-детски наивным вообще ещё верить в существование Иисуса». – Таким способом к началу двадцатого века [снова] был открыт Христос, но в то же время именно поэтому всё Существо Христа было объявлено недействительным. Таковы сейчас эти вещи!

Посмотрите, что же даёт нам, например, Древис взамен живого Христа, взамен оживляющего импульса, вступившего в ход человеческого развития в качестве

духовно-живого? *Древис не является материалистом*, не является монистом, он – достаточно верующий, но он воспринимает развитие человечества в общем; *он полагает*²⁰: «Каждый человек может пережить внутреннее развитие, каждый человек может прийти в своей душе к определённом внутреннему возвышению и религиозному переживанию, вследствие чего каждый человек найдёт нечто в себе самом, нечто вроде высшей самости, высшего человека. Он страдает в обычном человеке и хочет освободиться от него». – И затем он говорит: «Итак, в то время, в которое было основано христианство, эта потребность развития высшего человека была особенно деятельна, и тогда в первоначальной христианской общине сформировалась всеобщая идея такого сверхчеловеческого Существа Христа. Эта идея людей является подлинным импульсом Христа. Так как Христос является Богом, то он не мог существовать в качестве человека, а только в качестве идеи». – В определённом смысле Древис – духовный идеалист. Он не отрицает Христа, но он для него – просто идея. Не существовало человека Иисуса, в которого бы вошло особенное космическое существо, но некогда человеческая община приняла идею, что в человеке жило высшее, человеческий бог, и что это был страдающий бог, желающий освободиться в человечестве.*

---

* Все аргументы против историчности Иисуса философ суммировал в книге «Миф о Христе». Суть этой доктрины заключается в том, что Божество как Душа Вселенной ищет в лице человека выход из круга страданий и несовершенства. «Прямой целью религии, – писал Древис, – является освобождение человека от подчинённости миру, а также от зависимости и условности временного бытия». – прим. пер

Таким образом, из всего этого следует, что, прежде всего, развитие духовной жизни нашего времени смогло достичь лишь идеи вместо живого Христа. Вероятно, подобно тому, как в новейшее время говорят об «идеях истории» исходя из восприятия этого времени, также полагают, что существуют только обычные люди, а не духовные силы, вмешивающиеся в историю, точно также сам Христос должен быть только идеей. Эта идея Дрекса – весьма глубока, но если пойти ещё глубже, то можно сказать: «Хотя человек может найти идею в качестве характеризующего закона мирового развития, но идея творит нечто столь же мало, как подрисовывающий художник творит картину. Постигнутое в качестве всеобщей идеи какой-то общины относится к тому, чем на самом деле является Христос, также как примитивный художник – к подлинному мастеру, творящему картины. [Просто] идея Христа никогда не смогла бы привести такой импульс, который событие Христа принесло человеку».

Но то настоящее, реальное Существо, которое низошло в момент Крещения Иоанном, которое пережил Павел в момент события на пути в Дамаск – это именно то, что необходимо настоящему времени, потому что его нельзя отнести к абстрактной идее. И это именно то, что делает рассмотрение Иисуса настолько приемлемым для множества людей; потому что как должен тот, кто измучен в душе, кто страдает и горюет, когда-нибудь иметь возможность обрести огромную надежду, найти утешение и уверенность и иметь возможность поверить в спасение человечества, глядя на холодную идею? Это главное, что делает восприятие Иисуса столь приемлемым, так как здесь человек имеет дело с Существом, как с любым обычным человеком. Однако, если человек внимательно

посмотрит на Христа, как на реальное, живое Существо, то он имеет дело со сверхчувственным Существом. И таким образом его рассматривает духовная наука. Она желает не восстанавливать древнее учение гностиков, но подойти ко Христу как к другим фактам материального и духовного мира. И когда сегодня духовное исследование приближается ко Христу, тогда оно также обнаруживает развитие человечества таким, как его можно воспринять в духе древнего гнозиса. И оно считает, что то, что человек может найти как путь ко Христу, на самом деле должно взять за отправную точку внутреннее человека. Всё духовное исследование начинается с внутреннего человека; оно гласит: «Душа может развиваться, она может привести дремлющие в себе силы к раскрытию, чтобы заглянуть в духовный мир».

Но теперь эта наука на основе своих исследований к нынешним воззрениям добавляет то, что лишь постепенно снова входит в наше сегодняшнее время, но что ранее было довольно широко распространено. *Вначале мы находим это у Лессинга*²¹ в его «Воспитании человеческого рода»; он говорит о факте повторных земных жизней. Так образом как мы живём сейчас между рождением и смертью, так мы живём здесь не первый раз; наша душа уже часто воплощалась в физических телах и ещё часто будет воплощаться. В чём смысл всего этого перевоплощения? Его смысл в том, что наша душа, шагая от жизни к жизни, постоянно развивает другие силы, другие нюансы существа, другие качества. Не происходит так, что мы возвращаемся всегда только одним и тем же способом. Все души, воплощённые сегодня, были, по моему мнению, воплощены во времена древних персов или древних египтян, и в душах происходит продвижение [развития]

благодаря этим повторяющимся земным жизням. Только когда обращают внимание на это продвижение, тогда то, что говорили гностики, обретает смысл: «Наше время предваряет то время, когда человек должен был вначале повзреть, чтобы затем иметь возможность воспринять импульс Христа». – От жизни к жизни там в дохристианские времена присутствовала каждая душа, и от жизни к жизни она всё больше и больше проникала в телесное бытие таким образом, чтобы становиться всё более зрелой в каждом новом существовании. Затем вступил импульс Христа, и души продолжили развиваться далее.

Сегодня нам следует сказать: «Мы можем понять самих себя в качестве людей, только если оглянемся назад в древние времена». Наше сегодняшнее состояние сознания – как мы сегодня мыслим и смотрим на мир – развилось только в ходе времени; в прежние времена земного развития сознание было более сновидческим, но зато люди были ясновидящими. В мифах и сагах находится изложение того, что видели ясновидящие души; они не просто выдуманы. В то время у человека ещё не было свободы и ясности сознания, но вместо этого в нём самом было ещё нечто инстинктивно-божественное. Тогда человек ещё не мог бы прийти к выводам исходя из рациональности мира о божественной основе, но душа всё ещё находилась во взаимосвязи с божественным Духом. В ясновидении у человека ещё была связь со своим Богом. В определённых промежуточных состояниях душа, так сказать, поднималась из своего тела, а затем ей раскрывалось божественно-духовное.

Но смыслом дальнейшего развития было всё большее погружение человека в материальное. Благодаря этому он ознакомился с физической природой, но потерял

своё божественно-внутреннее сознание. Внутренний Бог, переживаемый человеком в себе, был затемнён; но для человека стало ясным то, что он может увидеть физическими глазами, узнать благодаря человеческому рассудку. Также поэтому наука началась не в древние времена, а только тогда, когда люди направили взгляд на своё физическое окружение, между тем как у нас остались мифы и саги древних времён, в которых человек постигал божественно-духовное в состоянии сновидческого ясновидения. Таким было нисхождение человеческой души.

Если мы обдумаем это, то слова Крестителя предстанут перед нами в своей совершенно особой глубине. Он обратил внимание на характерный признак своего времени. Ранее душа находилась во взаимосвязи со своим Богом, но сейчас этой взаимосвязи больше нет. Креститель мог сказать: «Сознание людей изменилось, люди потеряли связь со своим Богом». – Но также он мог сказать: «Человеческое развитие – это не только нисхождение, но и восхождение». – Для этого в определённый момент времени был воспринят импульс Христа; то, что человечество оставило в духовном, низошло на Иисуса в качестве Христа и благодаря ему оплодотворило человечество. Затем тело Иисуса должно было пройти через смерть. Кто желает понять то, что смерть была необходима для всего импульса Христа, что, следовательно, жертвенная смерть является чем-то в наивысшей степени реальным, тот может подумать о том, что также и семя должно вначале погибнуть, прежде чем сможет породить новое растение и принести плод. Изначальное божественно-духовное, предшествующее двум потокам развития, [о которых говорит гнозис, оставленное в духовном и направившееся в материальное], низошло вниз, прошло через смерть

и стало на земле семенем, чтобы теперь впредь оплодотворять душу, чтобы она снова смогла подняться из материального и найти дорогу назад в духовное.

Человек, находящий это отталкивающим и мистическим, может сделать это, он должен также находить мистическим то, что бесконечные химические и физические влияния концентрируются на Солнце и распространяются по всему Космосу и нашей Земле. Также как материальная жизнь концентрируется на Солнце, так и вся духовная жизнь нашей Земли концентрируется на том Существо, которое в качестве Существа Христа влилось в Иисуса, в котором жило три года, благодаря тому, что описывается посредством Крещения Иоанном, и затем должно было пойти на смерть, чтобы начиная с того времени, излучать и оказывать своё влияние на всё развитие человечества, вследствие чего импульс, пришедший в развитие человечества благодаря Мистерии Голгофы, связан с Существом Христа. Благодаря ему Земля стала другой. Если мы сегодня оглянемся назад на воплощения человека до Мистерии Голгофы, то следует сказать: «Тогда для людей было бы невозможно, чтобы с их душами сроднилось то, что пришло в духовное развитие Земли благодаря Мистерии Голгофы».

Духовная наука указывает на то, что на заднем плане того, что человек переживает в своей повседневной жизни, находятся глубины души – подсознательные глубины души. В том, что человек осознаёт, в том, что живёт на поверхности его души, у многих там до сих пор Христос ещё не живёт непосредственно. Только в виде исключения человек раскрывает свою душу примерно так, как это сделал апостол Павел. Он смог воспринять истину о Христе посредством того, что жило в глубинах его

души. Но насколько верно, что душа опустилась вниз, столь же верно, что она снова поднимается вверх. И кто понимает и видит это – не только духовный исследователь, который может проникнуть к истине поверх этих вещей —, тот может сказать себе: «Сейчас мы находимся в важном исходном пункте человеческого душевного развития». Если человек сможет взглянуть в настоящее время, то увидит, что присутствуют все признаки того, что дела обстоят следующим образом.

В настоящее время, когда человек в наибольшей степени пришёл к потере Христа, к полному отрицанию исторического Христа, когда человек потерял связь с Мистерией Голгофы, когда мы видим, как души воспитываются посредством естественно-научного способа мышления новейшего времени, но здесь мы также видим, как этот способ мышления при правильном использовании делает души созревшими к новому познанию Христа, которое является познанием Христа в духовной науке. Потому что человек должен исходить из внутреннего своей души относительно пути ко Христу. Когда это делает духовный исследователь, тогда он приходит к тому, что действительно находит нечто, находящееся не в нормальном сознании личности, но в том, что живёт в бессознательном его души, и что он может воспринимать, как нечто, что не всегда было на Земле, но вступило в земное развитие во время Мистерии Голгофы. Если сегодня исследователь души сможет заглянуть в себя и извлечь из себя более глубокие силы своего познания, то он увидит нечто иное, чем в дохристианские времена. Он увидит в духовном мире Христа, которого он не мог видеть в дохристианские времена. Мы можем найти Его в нас, но в дохристианские времена люди не могли найти

Его в себе. Исторический Христос является основой для мистического Христа, которого мы можем найти в нас, это так же истинно, как и то, что внешнее физическое Солнце является первопричиной для наших глаз. Если бы Солнце никогда не изливало свой свет, то глаза не смогли бы развиваться. Это правда, что сегодняшняя человеческая душа, если применяет к себе методы духовного исследования, находит во внутреннем Христе, потому что Христос находится в подосновах души. Христос находится в подосновах души и являет нам Себя таким образом, чтобы благодаря этому внутреннему Христу нам стало ясно: Он пребывает в нас только потому, что Он однажды существовал на историческом плане и посредством Мистерии Голгофы вступил в земное развитие.

Этот Христос является не просто идеей высшей самости, но Он является высшей самостью; Он является тем, с чем мы связаны в самой глубине нашего сознания. Это – то сокровенное отношение, которое мы можем получить к Существо, низошедшему сюда в человеческое тело, и претерпевшему всё человеческое; но так как Он выстрадал это божественным образом, то Он смог стать помощником для всех людей, потому что в то же время стал самым близким для души. Сегодня человек может сказать: «То, что я нахожу в себе, что во мне является самым общечеловеческим, жило в качестве Христа в Иисусе из Назарета. Он стал мне братом, он – наиболее близок человеческому во мне». – Человек только тогда сможет понять близость Бога-Христа, когда он разъяснит сам себе Его деятельность в человеческой душе следующими словами Христа: «Если двое или трое соберутся во имя Моё²², то Я пребуду меж них». Человек находится близко ко Христу только тогда, [когда Христос как] то

духовное Существо, принимавшее участие как Божество во всём человеческом, способствует отношению между ним и другим человеком, когда человеческая душа говорит себе: «Во мне живёт Христос, и в тебе Он также живёт; когда Существо Христа в одной душе в любви может найти Существо Христа в другой душе». Так говорит о Христе духовная наука. И одновременно она полагает, что человеческая душа не бессмысленно шагает от воплощения к воплощению, от жизни к жизни, но что она продолжает развиваться далее.

Если, например, сравнить души людей сегодняшнего времени с душами восьмого века, то мы обнаружим, что силы человеческой души были совершенно иными, чем сегодня. Если примут во внимание тот факт, [каковы] сегодняшние души по сравнению с прежними, то увидят, что человеческие души находятся на пути поиска внутри себя; и чем больше они ищут, тем больше находят в себе Христа. Поэтому духовная наука может сказать: «Человеческие души находятся на пути ко Христу». – В то время, когда Христа в качестве Бога потеряли, в то время, когда всё больше и больше теряют исторического Иисуса из-за радикальной критики, человек – так говорит духовная наука – благодаря развитию человеческой души всё больше устремляется в своё внутреннее. В нынешнее время это всё ещё маскируется, скрывается, но дальнейшее развитие души происходит благодаря тому, что одно превращается в свою противоположность, и тем самым порождает другое.

Когда люди воспримут материализм абсолютно серьёзно, когда он достигнет своей вершины, то он сам приведёт к своей противоположности. Если человек закроется от сверхчувственного, то пробудятся противосилы,

и в двадцатом веке мы находимся в период пробуждения этих противосил. Когда они пробудятся, эти самые глубокие душевные силы людей, то в душах выступит Христос, и эти души переживут событие Павла на пути в Дамаск. В наше время каждая душа находится на пути к этому, и как это событие убедило Павла в существовании исторического Иисуса, так оно всё больше и больше будет порождать в человечестве живое убеждение в том, что однажды Христос жил в Иисусе. Это – не смелая фантазия, как скажут некоторые, но я не могу умалчивать об этом, даже если это прозвучит дерзко: «Это является истиной!». Такие вещи время воспринимает не сразу; на пути будет много препятствий, прежде чем люди проникнутся таким убеждением, но это всё ещё можно дать как побуждение. Кто пришёл к ясному пониманию, тот [совершенно] убеждён в этом. Кто беспристрастно взирает на души нашего времени, тот, [безусловно], может говорить, что эти души находятся на пути к обозначенному познанию Христа.

Души будут становиться всё более зрелыми, для того чтобы самостоятельно увидеть Христа в духе. И это видение в духе является *реальным Вторым пришествием Христа*²³, это – то, что можно назвать «возвращением» Христа. То, что произошло благодаря Мистерии Голгофы, станет обозримым не в физическом смысле, но благодаря тому, что в ходе человеческого развития души будут становиться всё более зрелыми, также [всё больше будут становиться способными] видеть сверхчувственное. Непосредственная причастность к Существо Х Христа, сопереживание Существо Х Христа, сокровенное совместное бытие с Христом Иисусом – это то, что предстоит человечеству. В то время как духовная наука говорит об

этом, она непосредственно проникает в сердца людей; она несёт не мёртвую теорию, но ведёт к жизни во многих областях повседневности, но также к жизни там, где речь идёт о важных вещах для человечества.

Если Христа рассматривают верным образом, если Его рассматривают как задачу человечества, а не просто как личную задачу, тогда также можно через Него найти путь к историческому Иисусу. Но признание повторяющихся земных жизней является основным условием для истинного постижения принципа Христа. Если спрашивают: было ли справедливо для людей в дохристианское время, что они не могли иметь связь с Христом? – тогда не понимают повторные земные жизни. Но мы отвечаем: «В дохристианские времена люди ещё недостаточно созрели для переживания Христа, они умирали, а затем снова возвращались на Землю, и созревали для того, чтобы принять в себя Христа». – Таким образом, Христос вступил во всё человеческое развитие – постепенно входя в каждую душу –, таким образом, Христос становится важным импульсом человеческого развития, тем самым он становится важным импульсом для каждого отдельно человека. Но кто откажет здесь душе хотя бы раз в этом, тот сможет возвыситься в душе в лучшем случае только к идее Христа. Поэтому верно то, что философы-теоретики настоящего времени могут прийти только к идее Христа. Именно живая человеческая душа, переходящая от жизни к жизни, обретает связь с живым Христом.

И сегодня ещё мало осознают, насколько эта идея Христа, становящаяся переживанием Христа в двадцатом веке, разовьётся в нечто удивительно прекрасное! Если эта идея Христа в двадцатом веке станет возможной, если она приживётся в душах, тогда придёт ещё

нечто иное. Эта идея станет столь же живой, как и человек из плоти и крови. В ней запечатлено, что Христос действительно исторически существовал, как в то время это познал Павел. Но с этой идеей Христа связано ещё нечто иное.

Эта идея Христа вообще невысказана иначе, чем в расширении человеческого взгляда от отдельной человеческой души ко всем человеческим душам. Таким образом, с одной стороны, человек смотрит на Христа, к которому он может обратиться в самые интимные моменты как к Тому, Кто является в наивысшей мере родственным человеческой душе; это является непосредственной силой в человеке, которую люди переживут, но они также переживут, что Он является импульсом, излившимся на всю Землю и на всё человечество, и последнее станет чем-то необыкновенно прекрасным, если люди по-настоящему поймут это. Однако это будет понято лишь постепенно! Но если однажды это поймут, то люди скажут: «Христос является реальностью, и поскольку Он является реальностью, Он является таковым не только для тех, кто признаёт Его, но и для всего человечества». – Тогда мы сможем пойти навстречу каждому верующему, будь он теперь индусом или китайцем, будь он той или иной веры, и мы сможем считать его христианином, потому что он является человеком. Если христиане поймут, что в действительности все люди являются христианами, если на самом деле поймут проблему Христа, то больше не нужно будет становиться зависимым от вероисповеданий, чтобы называть или не называть человека христианином. Не имеет значения, знает человек об этом или нет – Христос является всеобъемлющим, охватывающим всё человечество!

И это правильное понимание Христа подкрепляют слова, сказанные Им: «*Если двое или трое соберутся во имя Моё*²⁴, то Я пребуду меж ними».

Некоторые высказывания, приписываемые Христу, могут быть поняты неправильно, например: «*Кто не оставит отца и мать ради Меня*²⁵, тот не сможет быть Моим последователем». Однако не следовало нарушать старый закон, не следовало разбивать кровные узы, которые ранее были единственным обоснованием любви, но следовало присоединить общечеловеческое к сокровенно человеческому. И быть последователем Христа означает найти в себе то, что касается всего человечества, то, что на Земле и в человечестве является всеобъемлющим и сокровенным в каждой человеческой душе. Насколько легко это может быть высказано, настолько же мало это ещё понимается сегодня. Но когда проблему Христа поймут духовным образом, тогда Христос воссияет и вольётся в души и сердца людей. Сегодня это заложено в человеческом развитии подобно семени. Например, *в настоящее время существуют глубокомыслящие исследователи*²⁶, работающие с глубочайшей научной серьезностью, такие как Смит, которого я привожу в качестве типичного примера. Они сделали открытие, что повествуемое в Евангелиях, касается не человека, а Бога. Теперь говорят они – их нельзя в этом упрекать – было бы по-детски наивно верить в существование этого Бога на Земле. То есть, Христос является лишь символическим вымыслом, и уже благодаря этому доказывают, что Христос не мог бы воплотиться физически.

Конечно, образованные естествоиспытатели сегодня могут называть духовную науку по-детски наивной, потому что она открыла, что Христос был не просто

Богом, духовным Существом, но что Он на самом деле вступил в человеческую жизнь. И для этого одного человека Он стал тем, кем Он всегда был для бесчисленного количества людей, и ещё будет всё больше становиться. И духовная наука точно знает, что то, чем является Христос должно быть найдено во внутреннем души, также как только благодаря глазам можно увидеть солнце. Духовная наука говорит вместе с Гёте:

*Если бы глаз не был солнцеподобным²⁷,
Он никогда не смог бы увидеть солнце;
Не будь в нас присущей Богу силы,
Как могло бы восхитить нас божественное?
(Перевод А. В. Михайлова)*

Но она говорит не только о том, что у нас должны быть глаза, чтобы увидеть солнце, но она также говорит: «Если бы мы жили только во тьме, то у нас вообще не было бы глаз». Солнце призвало глаза из первоначального состояния человека; благодаря солнцу, благодаря свету человек получил глаза. Истинно то, что человек не сможет найти Христа, если он не находит Его в своём внутреннем. Но также истинно и то, что Христа можно найти в нашем внутреннем только потому, что Он однажды существовал и жил на Земле. Исторически верно то, что Христос является Солнцем духовного земного развития, и что от Него исходит излучение, которое погрузилось в нас.

Когда духовная наука утверждает то, что было потеряно, то она возвращает обратно двадцатому веку Христа как живое Существо, когда она признаёт как исторического, так и [живого] Христа, то человек может найти Его

как духовное солнце, если углубится в самого себя. Если верно то, что Гёте сказал о единстве внешнего и внутреннего, благодаря солнцу и божественному, то также истинно и иное, с чем Гёте согласился бы без вопросов. Таким образом, мы хотим подвести итог высказыванию Гёте в духе нашего сегодняшнего рассмотрения и излить его в слова, которые могут стать продолжением его высказывания:

*Если бы мир не был одарён солнцем²⁸,
Как бы смогли раскрыться глаза существ?
Если бы бытие не было божьим откровением,
Как люди пришли бы к наполненности Богом?*

Лекция пятая

Христос двадцатого века

Бремен, 10 января 1914 г.

Уважаемые слушатели! Поскольку мне часто разрешали здесь говорить о духовной науке и её результатах, сегодня вечером позвольте мне сказать об особой главе, несомненно близкой для многих душ: о вопросе Христа – не только потому, что в наше время в широких кругах присутствует всё более возрастающая потребность вникнуть в этот вопрос, но также потому, что именно духовная наука должна высказать по этому вопросу нечто о том, как этот вопрос Христа должен быть включён в нашу культуру. Духовная наука хочет быть не зачатком новой религии, но желает показать путь, как можно проникнуть в области, недоступные обычным чувствам и современным наукам. Невозможно говорить о том, что нам следует обсудить, не сославшись абсолютно вкратце на многочисленные изменения, пережитые человеческими сердцами в отношении этого вопроса. Для этого необходимо кратко оглянуться назад.

Если мы просто представим себе вступление христианства в мир, то изначально можем сказать: «В начале нашего летоисчисления произошло нечто, что придало всему человеческому развитию новый стимул, поворот вверх». Уже, исходя из исторических обоснований, даже неверующий должен согласиться, что импульс, пришедший благодаря христианству, был весьма мощным. К тому времени, когда импульс Христа вступил в мир, у человеческой души был совершенно другой склад, чем

сегодня, и поэтому в будущем опять должно было наступить изменение этого склада, чтобы в человеческой душе пробудились новые силы познания. Это исторически знаменательно выступает нам навстречу: самые просвещённые умы западноевропейских стран, вооружённые глубочайшими знаниями, должны были признать – под сильным нажимом сил познания, благодаря величайшему, что они смогли поместить на вершину духа – , что нечто мощное проникло в жизнь человечества благодаря импульсу Христа.

Сначала давайте рассмотрим понимание гностиков, которых *самые авторитетные, самые выдающиеся учёные современности*¹ называют «религиозными гениями». Мы не желаем вообще говорить о ценности познания гнозиса, но хотим спросить: «Что думали гностики о Христе?» – Мы хотим попытаться охарактеризовать настрой гностиков по отношению ко Христу. Гнозис является теорией развития, которая сегодня должна казаться людям фантастической. Если сегодня говорят о [человеческом] развитии, то задают вопрос: «Как развивалось человеческое тело на различных стадиях?» – *Гностик напротив говорил*²: «При непредвзятом мышлении возвращаются не к материальному, но к духовному истоку; если обратить внимание на момент, когда человек низошёл из духовного в материю, то обнаруживают, что в чисто духовных высях нечто осталось, чтобы проникнуть в человеческое развитие позднее. Только поэтому человек [изначально] смог продвигаться вперёд, чтобы всё больше проникнуть в материю. Если бы он не сделал это, то никогда бы не пришёл к развитию свободы – он должен был отделиться от духовного, чтобы в материи найти свою возможность свободы. Затем в момент, когда

человек наиболее глубоко погрузился в материю, то, что ранее было оставлено в духовном мире у истоков человечества, должно было излиться себя в земное развитие, чтобы уберечь людей от полного погружения в материальность. То, что тогда излилось из духовных миров с тех пор связано с Землей, и Христос с тех пор продолжает далее жить в человеческом развитии».

Если мы с помощью средств духовной науки зададим вопрос, как гностики пришли к таким идеям, то при добросовестной проверке увидим: эти идеи извлечённые гностиками с напряжением духовных сил, родом из эпохи, когда ещё присутствовало непосредственное видение, потому что в предшествующие времена человеческая душа была настроена совершенно по-иному. Из этого изначального знания развились такие идеи как у гностиков. Гнозис действует как перешедшее по наследству древнее знание. Здесь выступает высокое представление Христа, что должно быть признано даже теми, кто считает гнозис фантастическим: идея гностиков является смелой и грандиозной. Мы можем вкратце упомянуть первых отцов церкви, занимавшихся упрочением христианских догм. Люди позднее полностью отказались от того, что эти отцы сформировали в то время. Люди полностью отказались от этой точки зрения в Средневековье. Тогда говорили: «Человеческих знаний недостаточно для достижения высей³, в которых возможно раскрыть вступление Христа в земную сферу». На место реального познания поставили веру. Таким образом, мы видим, как меняется понятие Христа в ходе столетий, так же, как изменяется характер времени вместе с культурой.

В шестнадцатом веке мы [вступаем] в эпоху огромного прогресса в области естествознания. Для этого должны

были появиться [новые] знания – [новый] способ познания, который, прежде всего, стремился к познанию материального мира и его законов. Он выступил как важный фактор развития, преобразивший всю [внешнюю] коммерческую и индустриальную жизнь. Средневековое человечество ещё полностью предавалось вере; человек Средневековья верил в то, что некогда познали гностики. Внешний мир, являющийся нашим физическим окружением, придал свой отпечаток новому времени. Таким образом, всё понятие Христа было преобразовано: если гностики говорили о божественном Существо, лишь нашедшем себе обитель в человеке, то в новейшее время всё больше становится невозможным представить себе облачённого плотью Бога. Интересно было бы показать, как в отдельные фазы прежнее понимание всё больше отступает в пользу [внешне] реального Христа. Из-за своего внутреннего склада души люди были вынуждены отказаться от низошедшего в плоть Бога и вместо этого всё больше видеть в нём человека, пусть даже самого выдающегося человека. Сегодня ищут отправную точку христианства в человеческой душе, в человеке из Назарета, вместо того, чтобы увидеть в этом человеке только врата, через которые Христос вступил [в земную сферу].

Именно просвещённые умы, помимо богословов, пытались дать ответ на вопрос: «Как современный человек может относиться к событию Христа?» – Всё-таки интересно, что *три личности, родившиеся в один год немногим более ста лет назад*⁴, пытались разобраться с событием Христа. Отто Людвиг бился над этим материалом, чтобы создать из него драму; Фридрих Геббель набросал план драмы о Христе. Из того, что они оба описывают, видно: они не смогли справиться с этой

проблемой, она была слишком велика для них. Также о Рихарде Вагнере мы знаем, что он работал над этой задачей и не смог её завершить.

Что касается теперь этой материалистической точки зрения на простого человека Иисуса, следует сказать: «Она не осталась бесплодной; богословие также сотворило прекрасные произведения об Иисусе». Следует лишь упомянуть *небольшую книгу Риттельмейера «Jesus»*⁵: она является чем-то, что может глубоко охватить сердца и души людей. Современное богословие породило много вещей такого рода. *Один по праву популярный писатель*⁶, по имени Петер Розеггер, создал своего Иисуса. Если представить себе самого Розеггера со всеми его прекрасными, приятными качествами в высшей степени идеализированным, то получают его представление об Иисусе из Назарета.

Несмотря на все мощные произведения, созданные в последнее время богословием, люди сделали странное открытие: если рассмотреть Евангелия беспристрастно, то Христос Иисус [на самом деле] вообще не мог быть человеком. *Затем Бенджамин Смит утверждает*⁷, что все истолкования Христа, как простого человека из Назарета дают пощёчину любой науке, что это невозможно, несовместимо ни с одним преданием, если в Христе хотят видеть только человека, пусть даже самого идеального; следовательно сознают, что Христос Иисус должен быть Богом. Это осознание происходит в середине того времени, в которое человечество больше вообще не может представить, что такое Бог. И теперь приходят к выводу: «Поскольку на Земле могут существовать только люди, а Христос должен быть Богом, то Он вообще не мог существовать на Земле». При таких

обстоятельствах, исходя из таких условий, произошло то, что в течение нескольких лет будоражит умы: отрицание личности Иисуса из Назарета.

Таким образом, вкратце обрисован ход понимания Христа сквозь столетия. Как сегодня духовная наука относится к событию Христа? Как она может относиться к самой важной проблеме человеческого развития? Духовная наука исходит из предположения, что человек обладает не только теми познаниями, которые основываются на рассмотрении внешнего мира, но что он благодаря развитию дремлющих сил также может подняться к более высокому познанию.

Как химик, разделяя водород и кислород, превращает воду в нечто новое, выявляет из неё вещество с абсолютно другими свойствами, так и из человека благодаря соответствующим методам может получиться нечто совершенно новое. Подобно тому, как мы не видим в воде то, что в ней находится, так мы не видим в человеке силы, которыми он в себе владеет. Благодаря своего рода духовной химии при помощи упражнений, подробно описанных в моих книгах, в человеке можно развить нечто новое; душа может действовать вне тела и осознавать [саму себя] в духовном мире. Это ещё совершенно чуждо многим кругам и только постепенно будет внедряться. Сейчас, в исходном пункте той эпохи, в которую это знание постепенно станет всеобщим достоянием, познание духовного мира становится возможным, [подобно тому, как это некогда случилось⁸ с] коперниканским мировоззрением, которое вначале также высмеивали, но которое всё же прижилось. Сегодня больше не сжигают еретиков, говорящих о восприятии души свободном от тела, но их высмеивают, насмеваются над ними.

Когда с этой точки зрения приближаются к гнозису, то проявляется нечто, что не является только дальнейшим развитием и восстановлением гнозиса, так как обнаруживают, что человеческая душа переносит в позднейшие [жизни] то, что было достигнуто в более ранние эпохи. Когда овладеют учением о повторяющихся земных жизнях, то придут к более точной характеристике самой земной эпохи. Исторический прогресс нужно рассматривать с помощью средств духовной науки. Тогда обнаружится, что человек подобно тому, как он [природным образом] испытывает голод или жажду, в древние времена достигал познания внутренних тайн бытия в образах и видениях, исходя из своей организации. Затем человеческая душа утратила эту способность; человек должен был развивать себя, чтобы самостоятельно создавать понятия. Эта способность возникла лишь [позднее] – на основании представлений [образно]-ясновидческого рода. Только близорукий человек может отрицать то, что также сперва должны были развиться логические понятия.

Эпоха, в которую человеческая душа пережила это преобразование, является периодом времени, когда Христос вступает в развитие. Благодаря этому человеческая душа стала абсолютно иной, чем была до события Христа. В древние времена люди воспринимали в образах то, что скрывалось на заднем плане чувственного бытия. Характерным для древнего мировоззрения является то, что человек достигал в форме образных представлений знаний о том, как он связан с космосом и богами. Это воззрение оставалось ещё в древнееврейский период, когда благодаря пророкам и провидцам, так сказать, осуществлялась связь между духовным и чувственным миром. Однако, чем больше приближался момент Мистерии

Голгофы, тем всё слабее ощущалась эта связь. Если бы в то время в земное развитие не вступил особый импульс, то человеческая душа всё более чувствовала бы себя изолированной, потому что опиралась на саму себя, но в то же время человек, начиная с того момента, также становится обособленным. Это не пустые слова, когда говорят о том, что мы идём навстречу эпохе индивидуализма. Но вместе с тем появилась возможность найти нечто новое, что души ещё не могли найти в дохристианское время – Существо Христа. С момента появления Христа человек мог найти в духе то, что ранее находил в природе. [Перед событием Христа] человек не мог больше находить связь с божественными силами, которыми обладал в древние времена. Препрежее развитие христианства является только подготовкой [для христианства будущих времён]; уже через [сравнительно] короткий период времени человек увидит, что мировые способности изменятся.

Возможно, существует много людей, довольных тем, что передаётся посредством Библии и традиций; это – эгоистическая точка зрения. Души станут развиваться с такой стремительной скоростью, что более не смогут приближаться ко Христу старым способом. Люди всё больше будут оставаться наедине лишь с [традиционными] понятиями и идеями. Человек прежде ощущал себя духом среди духов; современный человек может чувствовать себя лишь как тело среди других тел. Однако души, стремящиеся к этому, в самих себе придут к необъяснимому, они зададут вопрос: как связан я, как связано моё «Я» с духовным миром? Если мы рассмотрим эти процессы проникновенно и с пониманием, то напрашивается сравнение: когда определённые животные готовятся к чему-то особенному, то они имеют обыкновение

голодать. Вследствие этого в их внутреннем происходят такие процессы, которые устремляют [*освобождающиеся посредством этого*⁹] силы в другую сторону. [И если мы посмотрим] на людей, [то увидим, что они] овладевают всё большим количеством понятий о материи и её законах, но духовно они испытывают голод по знаниям души. В то же время в духовном мире было подготовлено непосредственное восприятие Христа. Человеческая душа на протяжении столетий лишала себя духовной пищи и таким образом благодаря голоданию сформировала те органы, которые разовьются в будущем.

Люди пойдут навстречу цели развития, тогда они будут находить Христа, как [сегодня] находят законы природы. Однако они найдут его не как мёртвый закон, но как [живое] Существо, и они узнают: «С момента Мистерии Голгофы в земное развитие [вступило] Существо, которого раньше здесь не было». – Законы не могут утешить, не могут помочь преодолеть страдания, но может помочь связь с Христом, которую человек будет чувствовать как силу в душе. Он не сможет найти Христа на догматических путях, Христа можно будет найти совершенно иным способом; совершенно иным образом будет найдена истина в словах: «*Я пребуду с вами до конца земных дней*¹⁰». Придёт время, когда естественно-научным способом будет невозможно придерживаться того, что Дух Христа с момента Мистерии Голгофы жил на Земле, в земном человеческом развитии. До сих пор человек познаёт о Христе лишь то, что знает о Христе одно или другое. В будущем узнают, что Христос пришёл в земную жизнь не только, чтобы принести учение, но чтобы совершить деяние. Тогда также [у нехристиан]: индусов, японцев, мусульман можно будет найти зачаток Христа.

Я полностью осознаю, что говорю не со средневековой точки зрения, но с той, что признаёт всё, чего достигла наука. Но также, как человек познаёт законы электричества, радиоактивности и так далее, он познает, что Мистерия Голгофы является сверхфизическим явлением. Чтобы люди могли найти Христа, Он должен был пройти через рождение, крещение, смерть, и благодаря тому, что Он преодолел смерть, Он излился в земное развитие.

Мы пережили подготовительное время, когда христианство воспринималось [просто] как учение. Придёт время, когда Христа смогут найти те души, которые ищут Его, потому что Он находится на Земле. Он [всё больше] воздействовал посредством Своего бытия, и человек обнаружит Его бытие как нечто, что снова сможет объединить человечество, потому что Он будет Богом [для всех людей], для каждого [отдельного] человека, поскольку люди всё больше индивидуализируются. Это является *идеей Христа [в то время]*¹¹, когда человек движется навстречу будущему, которое ещё более лишено Бога, чем об этом может мечтать монизм.

Подобно тому, как мы связаны с внешними веществами посредством физического питания, также мы связаны с Духом Христа посредством нашей душевной жизни. Один великий ум, *исключительный мыслитель настоящего времени по имени Элиот*¹² сказал, что древняя религия – грустна и болезненна; в будущем возникнет религия, приносящая радость. Нельзя отрицать, что в мире есть боль и смерть, и так как они подступают к человеку, необходим сильный импульс, чтобы преодолеть боль и смерть – [импульс Христа]. Современная философия страдает от того, что не может найти уравновешивания

для боли и смерти. Но человечество продвинется вперёд от учения Христа, от Христа как мирового Учителя, к видимому Христу. Со стороны духовной науки человеку не нужно бояться, что *его будут называть [глупым]*¹³; монистом является не тот, кто отрицает дух, но тот, кто познаёт дух как исток бытия, кто находит в духе [*единое начало (Μονον)*]¹⁴.

Духовно-душевно человек является бессмертным. В дохристианское время душа ещё могла иметь связь с богами природы. Только в двадцатом веке духовная связь души с духовным миром, с Христом станет осознанной. Совершенно верно сказанное Ангелом Силезским:

Если даже тысячу раз Христос¹⁵ будет рождён в Вифлееме, но ни разу в твоей душе, то ты навеки потерян.

Но мистический Христос, [о котором говорит Ангел Силезский], стал возможен только благодаря историческому Христу. [Как говорит Гёте]: «*Если бы глаз не был*¹⁶ солнцеподобным, как бы мы тогда смогли увидеть свет?» –, [так можно сказать]: «Если бы Христа не было там ради нашей души, как бы мы могли возвыситься к Нему, как в нашей душе могло бы возникнуть чувство для Христа?» – Исторический Христос Иисус так же реален, как и Солнце в Космосе. Не пренебрегая [библейскими] преданиями, не следует упускать из виду, что Христос является Богом. Согласно учению о развитии дарвинистов мы, [напротив], являемся просто звеном в цепи развития живых существ. Однако у дарвинистов есть великий противник в лице самого Дарвина, который пишет: это очевидно, что изначально Бог излил в жизнь существ. Он пишет:

Я считаю¹⁷, что все органические существа, когда-либо жившие на Земле, произошли от некой праформы, в которую вдохнул жизнь Творец.

Это – то, что современный дарвинист не хотел бы признавать, на самом деле эта фраза отсутствует в немецких переводах. Но это утверждал, никто иной, как Чарльз Дарвин.

Если обратят внимание на эти вещи, то могут прийти к удивительному результату: монистическая натурфилософия должна была отрицать дух, так как [по её мнению] всё зависит от законов природы. Однако тогда, по сути, разница между добром и злом стирается. На самом деле это следовало бы принять как следствие, просто этого не делают. Однако, что теперь можно подумать о великом символизме [сцены искушения] в Книге Бытия, когда Люцифер говорит человеку: «*Вы будете как боги*¹⁸ и узнаете, что есть добро и зло», в этих словах выражено нечто многозначительное. Важно не просто назвать наше время переходным, а важно понять, благодаря чему оно является переходным. Если бы человечество не пришло к познанию, что Христос является самой важной силой земного развития, то оно бы пришло к вере в то, что переживания человеческой души – просто чрезвычайно увеличенные силы животной души. Таким образом, для души появилась бы возможность стереть различие между добром и злом, если бы были последовательны в этом вопросе. В наше время говорит ещё один искуситель, но у человека нет смелости услышать его шёпот: «*Вы будете родом от животных и больше не будете различать добро и зло*».

Лекция шестая

Христос в двадцатом веке

Пфорцхайм, 8 марта 1914 г.

[Только ответы на вопросы]

Вопрос: Когда в Библии говорится о «Вознесении»¹ и о «Сошествии Христа в ад»²: что же происходит с телом Христа?

Рудольф Штайнер: Существует четыре важнейших точки зрения относительно Библии: первая – это точка зрения верующей души. Здесь просто говорят: «Разве нам недостаточно Библии?» – Во-вторых, мы имеем дело с точкой зрения свободного ума: здесь становятся больше рассудительными, чем верующими. В-третьих, мы видим движение к более высокой точке зрения: здесь повествуемое Библией больше не рассматривается только по-детски, но всё имеет «символическое значение» и является мифологией. Любой человек может истолковать Библию так, как он хочет – более или менее одухотворённо. В-четвёртых, существует воззрение, указывающее на духовные факты.

[Если мы примем эту точку зрения, то можем сказать:] *произошло землетрясение*³; открылся разлом, в который упало тело, и затем снова закрылся. Одежду разметало ветром и затем расположило так, как это находят описанным у Иоанна. Это соответствие между духовным созерцанием и библейским повествованием выглядит совершенно потрясающим. Под «Сошествием в ад»

Но есть импульс Христа, существующий, чтобы показать нам, что мы родом из духовного мира и связаны с духовными существами, что наш нравственный порядок мира тесно связан с Христом потому, что вместе с ним на Землю пришёл принцип любви. И Его голос говорит: «Вы произошли не от животных, вы будете пребывать вместе со Мной, вместе со Мной будете различать добро и зло».

Человек будет деятельным образом ощущать Сына Божьего. Научно обосновано, что сын приходит от отца. *Но отцу [не нужно обязательно] иметь сына*¹⁹. Моральный мир относится к [природному мировому порядку], как сын к отцу. Подобно тому, как отец не обязан иметь сына, так [и господство природных законов само по себе не ведёт к моральности]. Именно с представлением о Сыне чудесным образом [станет ясно превращение природного устройства мира в моральное благодаря Христу].

Духовная наука чувствует себя в созвучии с тем, чем были преисполнены лучшие, ведущие духи человечества. Шиллер, которого сегодня уже не любят так сильно как раньше, но которого полюбят снова, однажды сказал:

Теперь онъ свергъ съ себя ярмо животной злости²⁰,
Мракъ чловѣчностью разсѣявъ на челѣ -
И думы выпрєнные гости,
Въ его блєснули головѣ.
(Из стихотворения «Художники», перевод – Д. Минь.)

Мысль найдёт путь к тому, что [здесь] имеется в виду: к Христу двадцатого века.

подразумевается «преображение» жизни между смертью и новым рождением благодаря Христу.

Вопрос: Может ли сама работа уже быть религией?

Рудольф Штайнер: Мне кажется, что этот вопрос звучит так, будто спрашивают: может ли человек накормить всех яблоками? Что же такое работа? Всё, что мы делаем – это работа; самая тяжёлая физическая деятельность и самая тонкая духовная деятельность – обе являются работой. Религия, напротив, имеет отношение к божественному и бессмертному. Не многое следует начинать с такого вопроса.

Вопрос: Что подразумевается под «Вознесением Христа»?

Рудольф Штайнер: Здесь пришедшие первыми ко Христу наблюдали то, что Христос совершил переход в атмосферу Земли. Это предстало ясновидящим душам Его ближайших последователей как Его Вознесение.

Вопрос: Для чего нам нужна духовная наука? Разве Библии недостаточно?

Рудольф Штайнер: Человек, говорящий таким образом, исходит из предпочтений. Исходя из фактов, следует прийти к тому, что является долгом по отношению к человечеству. Только поверхностные люди сегодня будут верить, что у них «будто бы есть» Библия. Можно также сказать: она является пищей для самых простодушных, но никогда не будет целиком понята

самыми мудрыми, потому что таит в себе огромную глубину.

Вопрос: Что означает молитва в духе христианства?

Рудольф Штайнер: Соединение себя с Христом. Молитва сомнительна, если происходит только в эгоистическом смысле. Один может попросить о дожде, а другой – о солнечном свете, но оба молятся одному и тому же Богу. Тоже самое происходит, когда две армии противостоят друг другу, намереваются стрелять друг в друга, и обе молят о победе. При этом даже не нужно освящать пули, что уже делалось однажды. «*Да будет воля Твоя, а не моя*»⁴ – это правильный тон, который присущ любому молитвенному настроению.

Вопрос: Будда и Христос – подобные явления?

Рудольф Штайнер: Будда стоит в конце эпохи, а Христос – в начале эпохи. *Речи Будды больше обращались к сердцу*⁵: например, та притча о колеснице, в которой мудрец спрашивает царя, приехавшего на колеснице, что же такое эта колесница: дышло, колёса? И мудрец наставляет его: колесница есть лишь имя и форма. Можно ли ездить только с помощью дышла и колёс? – спрашивает Будда. Может ли человек ездить лишь при помощи имени и формы? [Подобно тому, как имя или форма объединяет отдельные части – колёса, дышло, кузов колесницы и основание – так и отдельные способности, чувства, мысли и ощущения души человека не соединяет нечто, что можно обозначить как нечто особенно реальное, но, что также является только именем и формой]. – Здесь можно процитировать слова Гёте:

Живой предмет желая изучить⁶,
Чтоб ясное о нём понятие получить,-
Учёный прежде душу изгоняет,
Затем предмет на части расчлняет,
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась!
(из поэмы «Фауст», перевод – Н. Холодковского)

Христианский способ мышления придаёт эту духовную связь всему. *За шестьсот лет до пришествия Христа Будда сказал*⁷: болезнь есть страдание, смерть есть страдание; через шестьсот лет после этого произошло распятие, мёртвый Христос на кресте стал символом жизни; таким образом времена изменились.

Вопрос: Может ли музыка передавать духовную жизнь?

Рудольф Штайнер: Она может быть вспомогательным средством, но нельзя сказать, что она сегодня способствует возвышению души.

Вопрос: [Прав ли Дреус, когда описывает греческий логос как «непонятный»?]⁸

Рудольф Штайнер: Мы, несомненно, не желаем согласиться с Дреусом, [когда он называет] греческий логос непонятным. Он не является непонятным, но [спорить об этом сейчас] было бы неуместно. Только не следует забывать о развитии во времени. Возьмём, к примеру, сегодняшнюю астрономию со всеми её знаниями: [по сравнению с ними] можно было бы назвать Коперника

непонятным, может быть и так, но он был – именно для сегодняшней астрономии – исходным пунктом.

Вопрос: Если судить по Вашей лекции, Иисус считается Христом, только начиная с тридцатого года жизни: разве существо Иисуса ещё до Крещения Иоанном не несло в себе божественного?

Рудольф Штайнер: Этим оно как раз не обладало; сначала [Христос] должен был низойти из духовных миров⁹. Сегодня [часто] думают, что Христос и Адонис – одно и то же¹⁰. Это всё равно, как если бы спутали человека, носившего десять лет назад определённую одежду, с человеком, [который одет в ту же одежду, что и первый человек десять лет назад]. Один известный теолог в Берлине¹¹ сказал: мне показывают одно слово в Новом Завете, которое нигде в Библии ещё не встречалось ранее. [Всё зависит от того, кто говорит это слово и в каком контексте], потому что если школьник говорит те же слова, что и учитель, то это не является одним и тем же. В изречениях Христа всё ранее сказанное становится чем-то совершенно иным, совершенно новым. Робертсон Смит полагает¹², что нашёл молитву «Отче наш» в более ранние, [дохристианские] времена, потому что слова звучат приблизительно похоже. Давайте предположим, что у ребёнка есть стихотворение Гёте – он не может его понять, потому что слишком мал, несмотря на это он, вероятно, уже когда-то слышал все слова из этого стихотворения. Больно, когда такие [поверхностные] суждения высказываются снова и снова, так как из-за этого задерживают прогресс культуры. [То, что такие суждения воспринимают серьёзно], основывается только на вере людей в авторитет: наука это доказала.

Вопрос: Происходит ли развитие человечества по нисходящей линии после Мистерии Голгофы?

Рудольф Штайнер: До [Мистерии Голгофы] оно развивалось по нисходящей линии, а затем, [после Мистерии Голгофы,] развитие снова идёт вверх.

Лекция седьмая

От Будды ко Христу¹

Дрезден, 18 ноября 1910 г.

В нашей европейской духовной культуре сегодня уже позволено произносить имя Будды с совершенно другими чувствами, чем пятьдесят лет назад; необходимо учитывать, что величайший дух нашей культуры, Гёте, ничего не знал о Будде. Именно сейчас мы можем увидеть, как меняются чувства. Сегодня к Будде возник огромный интерес. Откуда приходит этот интерес, присутствующий во многих слоях общества, откуда он приходит, чтобы распространить имя Будды не только в исследованиях? Он связан с развитием человечества, с проникновением духовных элементов в это развитие, которое в позднейшие времена станет всеобщим достоянием. Я хочу обратить внимание на то, что связано с интересом, проявляемым к Будде, что обещает стать вопросом сердца, стать вопросом души. Вопрос души человек изначально оценивает не очень правильно, когда он [*проникает в развитие*]². Итак, сегодня происходит нечто, что [аналогичным образом] происходило в области, находящейся в стороне от этого огромного интереса, когда древние учёные, введённые в заблуждение неверным наблюдением, не желали воспринять *высказывание Франческо Реди*³, что «живое происходит только от живого». Мы видим в этом аналогию с нашим временем, точно также отказываются верить, что «духовно-душевное происходит только от духовно-душевного» – именно на основании неверного наблюдения.

Полагают, что внутренние способности человека наследуются только от отца и матери. Конечно, кто не верит в действительность духовного существования, не может двигаться далее, но кто познал реальность духовного мира, тот находит естественным, что духовно-душевное человека происходит от более раннего духовно-душевного, что это духовно-душевное притягивает способности предков, и, следовательно, является здесь сущностным ядром. И это является учением о перевоплощении. Подобно тому, как животное является повторением своего вида, так и человек является повторением своей индивидуальности. То, что мы видим здесь в распутившихся в нас внутренних дарах, это ни что иное, как то, что мы приобрели в прежних земных жизнях. Подобно тому, как растение может расти только в подходящей ему почве, как, например, эдельвейс может пустить корни только на высокогорье, так каждый человек ищет для себя окружение, формирующее основу для его судьбы, поскольку окружение, способствующее и подходящее ему, оказывает на него притягивающее воздействие. Таким образом, этот человек рождается в этой стране, в этой области распространения языка и в этой семье, каждый человек в каждой стране и семье – потому что это обусловлено его индивидуальным характером. Это – закон кармы: мы сами строим свою судьбу. Многим это кажется фантастическим и с лёгкостью оспаривается исходя из выводов науки. Но как естественно-научные факты подтолкнули Франческо Реди сказать: «живое может произойти только от живого», так это побуждает нас сказать: «душевно-духовное может произойти только от душевно-духовного». Подобно тому, как Франческо Реди не был понят, также и наши слова поймут

неправильно. Однако каждая новая истина порождает сопротивление – и нам необходимо почерпнуть мужество исходя из опыта прошлых времён.

Теперь задают вопрос: «Почему человек не помнит себя в своих прежних жизнях?» Этой способности воспоминания, хотя и с трудом можно достичь, но для этого необходимо протянуть нить к прежней жизни на Земле. Но сегодняшний человек в большинстве случаев не видит её; сегодняшний европеец не в состоянии даже вспомнить себя вплоть до рождения, и первые годы жизни для него затемнены. Мы узнали, что воспоминание начинается, когда в душе возникает «Я»-представление. Кроме того мы знаем, что «Я»-представление стоит словно стена перед прошлым, и что поэтому мы не можем взирать в духовный мир. Если мы это понимаем, то также можем понять, что необходимо потрудиться, чтобы проникнуть в прошлые земные жизни. Для этого требуются строгие душевные упражнения: я должен это вынести, «Я» должно быть объективным; всё, что может прийти, необходимо встретить в полном спокойствии. Достичь и осуществить это трудно, не только теоретически, но и практически во внутренней жизни, но благодаря этому человек достигает [*независимого положения по отношению к «Я»*]⁴. Таким образом, мы живём в важный период времени. Человеческий мозг будет мыслить по-другому, когда должен будет сказать себе, что все причины и следствия находятся [в прошедшей жизни]. Это является чем-то, что глубоко воздействует на каждого человека. Человек должен созреть для этого.

Мы поймём, почему человек может заинтересоваться учением Будды: в буддизме, в этом религиозном вероучении, содержится учение о перевоплощении – даже если

не совсем в том виде, как оно воспринимается в теософии. Таким образом, интерес к буддизму связан с чем-то, что действует сегодня в человечестве. Сейчас нас должно интересовать следующее: как эта истина проникает в то, что предполагает европейская культура? Как она относится к христианству? Ведь наша культура целиком основана на христианстве, и все противники христианства взяли свои понятия из арсенала христианства. Для того, кто мыслит таким образом [в духе учения о реинкарнации], встаёт вопрос: как христианский импульс может ужиться с этим тезисом? Учение о реинкарнации должно было бы выкристаллизоваться из европейской культуры даже без буддизма.

Если Вы сегодня прочитаете книгу о буддизме, то найдёте много [особенных] понятий: [к примеру,] «нирвана» является великой целью для буддиста; «нирвана» – это место, связанное с освобождённым существованием, существованием, уничтожающим бытие, – его нельзя выразить словами, так как для небытия нет слов. Можно было бы вести жаркие дискуссии о том, что Будда под этим имел в виду. Однако мы лишь хотим попытаться определить содержание настроения, хотим сопоставить буддизм и христианство, хотим поставить ощущение буддиста наряду с ощущением христианина. *Тогда для начала приведу рассказ буддиста*⁵: мудрый царь Милинда приезжает к посвящённому и желает услышать нечто о тайнах бытия. Разговор происходит следующим образом. Посвящённый спрашивает: «Как ты сюда добрался?» – Царь отвечает: «На колеснице». – Мудрец смотрит на колесницу; он смотрит на колёса: «Эти колёса являются колесницей?» – «Нет, не являются». – «Основание является колесницей?» – «Нет, не является.

Они всего лишь части колесницы, но все части ещё не являются колесницей. Так что же ещё есть кроме этого?» – «Имя и форма. В действительности здесь присутствуют все части, но вместе они являются лишь именем и формой. Но имя и форма не являются чем-то нереальным, как и плод манго на дереве, которого с тем фруктом, из которого выросло дерево, объединяет лишь имя и форма». – Что мудрец хочет этим сказать? Понятие перевоплощения было для него само собой разумеющимся. Таким образом, он выражает, что человек в сегодняшней жизни имеет общее с прежней жизнью лишь имя и форму. Буддист не признаёт непрерывное «Я», проходящее через воплощения – он признаёт лишь имя и форму. Он видит отдельные части колесницы и соединяет их посредством имени и формы в единое целое. Это не согласуется полностью с учением Будды, но важно то, к каким ощущениям приходит приверженец буддизма.

Теперь давайте подумаем об этой притче в христианском изложении: представим себе христианского мудреца, говорящего с христианским королём. Предположим, что идёт разговор подобный описанному выше, но в конце мудрец должен был бы сказать исходя из духа христианства: «Ты не можешь приехать сюда, используя только имя и форму». Это – слова, на заднем плане которых должно находиться нечто реальное, нечто духовное. Этот плод манго на вершине дерева стал таким же плодом, как тот, который был истоком всего дерева, хотя физически они друг с другом не связаны. Однако здесь должно быть нечто, что он сформировал как нечто подобное: «Здесь должно быть нечто духовное». – Таким образом, даже христианское ощущение должно принять проходящее при реинкарнации от воплощения к воплощению «Я».

В отличие от этого, буддист видит путь от воплощения к воплощению, не познавая связи общего «Я», и поэтому ощущает чувство бессмысленности.

Будда, сын царя, выросший не познав страданий, был глубоко тронут, когда в первый раз увидел больного человека – тогда в него излилось представление о страдании. Когда он в первый раз увидел мёртвое тело, то он познал: смерть есть страдание. И теперь в нём возникло: жизнь есть страдание, рождение есть страдание, болезнь есть страдание, разлука с тем, кого мы любим, есть страдание – всё является страданием. Почему всё обречено на страдание?

Теперь представим себе человека подобного Будде, каким образом он стоит перед этой загадкой жизни. Множество жизней до этого, множество жизней после – и постоянно лишь страдания и страдания! У него возник порыв исследовать это, и последовали длительные усилия. Когда к нему пришло просветление, то что мы называем «сидением под деревом Бодхи», тогда он познал: желание, жажда бытия приходят из прежних воплощений, и это связано с жизнью. Поэтому страдание связано с жаждой бытия, поэтому, если нужно прекратить страдание, необходимо погасить жажду бытия. *Он выразил это в Бенаресской проповеди*⁶. Человек благодаря собственным усилиям может прийти к тому, что он станет равнодушен к бытию, и поэтому сможет стереть все прошлые воплощения и освободиться от страданий. В мире нет ничего, что не могло бы причинить нам страдания. Если мы освободимся от всего, то сможем достичь нирваны. Мы не можем описать нирвану, потому что для абсолютного ничто у нас нет понятий, мы просто должны отбросить всё, что есть в наших представлениях.

Идеалом буддизма является освобождение от бытия. Будда встаёт перед нами и говорит: «Я оглядываюсь назад на прошлые воплощения. В моём нынешнем теле я знаю, что должен освободиться от всякой жажды бытия. Прежние воплощения привели меня к этому телу, к тому, что теперь подталкивает меня к освобождению от телесности. Я совершенно определённо знаю, что каждый раз духовность выстраивала для меня тело как храм; но возвращение в подобный храм тела более не является моей целью – я чувствую это».

Сравним теперь это ощущение с христианским. В Евангелии от Иоанна Христос Иисус говорит о храме своего тела: «Разрушьте его, и Я в три дня воздвигну его». Христос Иисус несёт в себе волю, не покидать то, чем является земная жизнь. Она не является страданием, но чем-то, что следует развивать. Даже если наступит ещё множество воплощений: беспрестанно совершенствуй свой храм, проживи каждую земную жизнь так, чтобы ты постоянно совершенствовался далее. Если мы позволим теплу Евангелий действовать на нас, то спросим: «Что принёс Христос?» – Ответ звучит так: «В импульсе Христа мы находим указание, чтобы иметь возможность сделать жизнь лучше». Будда нисходит, чтобы освободиться от воплощений; Христос нисходит, чтобы сделать жизнь совершенной. Буддизм является учением об освобождении, а христианство является учением о Воскресении! Христос говорит: «Если ты достигнешь больших высот, то станешь возвышеннее, и воскреснет нечто новое». Импульс Христа уживается с понятием реинкарнации – он достаточно силен для этого. Почему это происходит так? Потому что Христос – не только Учитель. Знаменательно то, что сам Христос ничего не писал, потому что

самым существенным является Его деяние – Его деяние на Голгофе имеет вечное значение.

Историческое событие на Голгофе является зачатком для чего-то иного, чем освобождение от страдания. Рождение – это страдание? Нет. – Смерть – это страдание? Нет. – Разлука с теми, кого любят – это страдание? Нет. – Потому что смерть ведёт к новому рождению, и каждое рождение даёт силы, исчерпывающиеся посредством жизни. А болезнь – есть очищение; благодаря победе над болезнью происходит укрепление. Бытие в разлуке с теми, кого человек любит, не есть страдание, потому что христианин знает о Царстве духа, где те, кто связан друг с другом, находятся вместе. Даже совместное бытие с теми, кого человек не любит, не есть страдание, потому что христианин стремится жить с любовью. Пронизать всё Христом – этим является христианство. Учиться благодаря страданию, учиться благодаря счастью – это то, чего мы желаем как христиане.

И, таким образом, мы видим огромную разницу в развитии, которая простирается от Будды до Христа. Первая религия является религией освобождения, вторая – религией Воскресения. Но мы также узнаём, что приверженец буддизма вообще не может прийти к «Я». Ощущения, чувства, представления, сознание – это всё не является «Я». Напротив, Христос говорит: «Я» – повсюду. Но духовное «Я» находится на заднем плане всего, но мы его не видим, потому что не можем воспринять. [Мы хотим добиться] Воскресения нашего «Я» благодаря Христу – чтобы дух засиял нам навстречу из каждого камня, из каждого дерева. И таким образом западноевропейская духовная жизнь не может получить это благодаря буддизму, но благодаря принятию учения о перевоплощении она может многое,

очень многое получить. И подобно тому, как Будда брал за основу мёртвое тело в учении о страдании, так и много столетий спустя мы видим людей, вззирающих на мёртвое тело. Мёртвое тело стало для них утешением и поддержкой: *Христос на кресте*⁷.

Лекция восьмая

Сущностное ядро христианства

Страсбург, 18 февраля 1911 г.

Мои уважаемые слушатели! Когда сегодня речь идёт о теософии или духовной науке, то у многих наших современников, вероятно, ещё существует мнение, что это мировоззрение имеет корни или исходный пункт в каких-либо восточных, чуждых нашей западноевропейской культуре представлениях или духовных переживаниях. И на этом предубеждении основываются, прежде всего, те, кто верят, что в теософии или духовной науке следует видеть нечто, что противится христианству, также и глубоко понимаемому христианству, поскольку оно проходит через всю нашу западноевропейскую духовную культуру. Если придерживаются такого мнения, то оно, главным образом, опирается на то, что в теософском понимании мира в качестве основополагающего факта находится то, что можно назвать учением о повторяющихся земных жизнях или, как ещё говорят, учением о реинкарнации. А люди считают, что такую идею о прохождении человека через повторные земные жизни можно взять только из буддизма или иного восточного мировоззрения.

Конечно, сегодня существует слово, преимущественно используемое только в связи с естественно-научными фактами, но которое оказывает интригующее воздействие на образованных людей нынешнего времени – на тех людей современности, которые верят, что находятся на вершине духовной жизни – и это слово «развитие».

Однако сегодня это слово обычно используют только таким образом, что при этом думают о развитии внешних форм, то есть форм от низших живых существ и наверх, вплоть до человека. Человек мало задумывается о разработке этой идеи развития для человеческой жизни, охватывающей всю жизнь человека, даже душевную и духовную жизнь человека; так как если бы начали разработку идеи развития для всей человеческой жизни, то постепенно должны были бы осознать, что называемое нами в царстве животных развитием вида или породы, для человека следует представлять как развитие отдельного индивидуума, отдельной индивидуальности.

Но это означает не что иное как следующее: если у животных мы видим, как отдельные виды развиваются в разных направлениях, то у человека мы должны подходить к индивидууму с таким же интересом, как к породе в царстве животных, таким образом, у человека необходимо говорить о развитии отдельной индивидуальности. Мы хотим запечатлеть это в душе: если мы владеем здравым рассудком, то у человека мы проявляем к отдельной индивидуальности, отдельному человеку такой же интерес как к виду или породе животного. Тот же интерес, который мы проявляем к львиной породе, будь то лев-дедушка, лев-отец или лев-сын, у человека мы проявляем к каждому индивидуальному человеческому существу. Поэтому у человека применительно к каждой индивидуальности нам необходимо думать о тех же закономерностях, которые мы считаем законами развития при рассмотрении вида животного.

Таким образом, Вы видите, что в области духовной науки мы говорим о развитии отдельной человеческой индивидуальности. И поэтому нам необходимо прийти

к тому, чтобы сказать: «Душевно-духовным у человека является то, что входит при рождении в бытие, что постепенно загадочным образом формируется из ещё неясных черт лица, выражения лица и жестов ранних детских лет, оно проявляется у каждого индивидуума как особенное, индивидуальное». Мы не можем объяснить это унаследованными свойствами одних только прямых предков, но мы должны представить себе это отношение человеческой жизни к её первопричине иначе, чем отношение животных к их предкам. Потому что мы поймём всё, что живёт в отдельном животном – внешний вид, физиогномию – если поймём вид. Но у человека всё обстоит иначе.

У каждого человека мы находим особым, определённым образом то, что живёт в нём. То, что у человека проявляется как присущее виду, мы можем отнести к унаследованному физически; но то, что выступает нам навстречу как его особое существо, нам необходимо отнести к тому, что человек испытал в прежней жизни, на более ранней ступени существования, как первопричину для нынешней жизни. И то, что выступает нам навстречу в рамках его сегодняшней личности, снова формирует первопричину, основу для его действий в следующей жизни. Таким образом, у нас есть живая цепь развития, идущая от жизни к жизни, от инкарнации к инкарнации. И мы видим всё, выступающее нам навстречу как характеризующее человека таким образом, что усматриваем необходимость отнести это к его прежним душевно-духовным состояниям.

Вместе с тем, теософия или духовная наука способна внести закон в более высокую область человеческой жизни, подобно тому, как он относительно недавно был

присоединён к области природной жизни в просвещении человечества. Да, у сегодняшнего человечества короткая память. *Иначе не было бы необходимости указывать*¹, что ещё в семнадцатом веке не только миряне, но и учёные в области естествознания полагали, что низшие животные могут развиваться из разлагающегося речного ила, не требуя внесения живых зачатков. И великий итальянский естествоиспытатель *Франческо Реди*² был первым, кто вызвал мощнейший переворот в естественно-научном мышлении, когда высказал фразу, что живое может произойти только от живого.

Также как эта фраза в определённых границах действительна для жизни природы, так в определённых границах человеческой жизни действительна другая фраза: «Духовно-душевное может происходить только из духовно-душевного». – И это всего лишь неверное наблюдение, когда желают свести только к физической линии наследования предков то, что развивается у взрослого человека день за днём, неделя за неделей, год за годом как духовно-душевное. Это такое же неверное наблюдение, как неверным наблюдением является то, когда живущее в животном, а именно в дождевых червях, желают свести к голым законам вещества, составляющего речной ил, только потому, что не обращают внимание на живой зачаток. Неверно рассматривают, если сегодня говорят только об унаследовании душевных и моральных способностей, потому что не обращают внимание на душевно-духовное ядро, которое присоединяет к себе именно то, что оно может усвоить из унаследованных качеств – подобно тому, как живой зачаток живого существа присоединяет те вещества, в которые заложен этот зачаток.

Подобные истины провозглашаются постоянно во многом таким же образом в ходе человеческого развития. Тогда Франческо Реди с трудом смог избежать судьбы *Джордано Бруно*³. Сегодня каждый человек, от последователей Геккеля до их самых радикальных противников, примет эту фразу как само собой разумеющееся, однако только в границах внешней природы, поскольку он относит это к телесности. *Но в то время фраза «живое может произойти только от живого» была*⁴ огромной ересью. Однако сегодня еретиков больше не сжигают. Но если человек твёрдо опирается на естественно-научные факты нынешнего времени – в то время как на самом деле он опирается лишь на свои предвзятые мнения, предрассудки своего времени —, то он сегодня рассматривает закон о повторяющихся земных жизнях, который для высших областей духовного бытия таков же, как фраза Реди, что живое может произойти лишь от живого, как ересь, как нелепую фантазию, как полное безумие. Но недалёк момент, когда об этом законе также скажут: «На самом деле непостижимо, что человек когда-либо мог думать иначе».

Так откуда же родом закон о повторяющихся земных жизнях? Нужно ли нам [возвращаться к] какому-либо восточному мировоззрению, должны ли мы заимствовать этот закон у буддизма? – Нет, чтобы привести закон о повторяющихся земных жизнях современной европейской культуре, для этого нужно лишь взглянуть на факты беспристрастным духовно-исследовательским взглядом. А то, что видит такой взгляд никак не связано с какой-либо традицией. Как и любой другой научный закон, он также будет воспринят современной духовной культурой, потому что её саму, исходя из идеи развития, подталкивает к этому закону необходимость.

Но человек, который хотел бы сказать, что благодаря этому в наше западноевропейское духовное развитие можно было бы привести нечто, идущее вразрез с христианством, не замечает, насколько вся западноевропейская жизнь пронизана живым тканением и сущностью христианского ощущения, христианского чувства. Это действительно заходит столь далеко – если только уметь наблюдать душевно —, что образ и способ мышления, формы представлений, даже тех, кто сегодня ведёт себя как самый худший противник христианства, стали возможны с начала и до конца только благодаря воспитанию западноевропейского человечества, полученному благодаря христианству. Кто может и хочет наблюдать беспристрастно, тот обнаружит, что самые радикальные противники христианства борются с помощью представлений, заимствованных у самого христианства.

Но по существу имеется коренная разница между христианским и тем, что можно назвать дохристианским – разница не сразу заметна, потому что всё в человеческом развитии происходит медленно и постепенно, и всегда переносится из прежнего в позднейшее. В дохристианском мировоззрении существует нечто, коренным образом отличающееся от христианского мировоззрения, что можно найти и наблюдать среди восточных мировоззрений, и даже в их современном проявлении, например, в буддизме. Мы можем увидеть основное различие между сущностным ядром христианства и той формой, которую обрели восточные чувство и мышление в буддизме, если рассмотрим лишь малую его часть.

Для этой цели нам необходимо только поставить перед нашей душой один разговор, который можно найти *в буддистской литературе*⁵ и который извлечён из глубоких

буддистских чувства и мышления. Исходя из наблюдения таких представлений, можно намного яснее понять сущностное ядро любого мировоззрения, чем исходя из рассмотрения их самых высоких теоретических положений и догм. Потому что можно долго спорить о том, следует ли понимать под нирваной или христианским блаженством то или это. Но как то, что живет в буддистском и христианском способах представления, воздействует на чувства людей, и затем как вследствие этого эти чувства находятся в отношении ко всему миру – физическому и духовному миру – имеет решающее значение для ценности, значения и сущности мировоззрения и его воздействия на человеческие души.

В буддистской литературе сохранился удивительный разговор между мифическим царём Милиндой и мудрецом Нагасеной. В этом разговоре говорится: царь Милинда приехал на колеснице к мудрецу Нагасене и пожелал получить наставления в отношении природы человеческой души. Тогда мудрец спросил царя: «Скажи мне, приехал ли ты на колеснице или пришёл пешком?» – «На колеснице», – ответил царь. – «Тогда скажи мне, когда ты видишь перед собой колесницу, что находится перед тобой? Перед тобой дышло, кузов колесницы, колёса. Колесница является только дышлом? Колесница является только кузовом? Колесница является колёсами? Нет! Это всё, что находится перед тобой? Пожалуй, ещё есть основание колесницы! И что же кроме этого находится перед тобой? Ничего! Стало быть колесница – только имя или форма, потому что в реальности перед тобой – кузов, дышло, колёса и основание. То, что здесь имеется помимо этого, лишь имя и форма». – Итак, подобно тому, как лишь имя и форма объединяют отдельные части –

колёса, дышло, кузов и основание —, так и отдельные способности, чувства, мысли и ощущения в душе человека не объединяют ничего, что можно описать как достаточно реальное, но также являются лишь именем или формой. Итак, можно сказать, прочувствовав буддизм в истинном смысле: найти центральное существо человека, объединяющее способности человеческой души, можно столь же мало, как в колеснице, за исключением дышла, кузова, основания и колёс, невозможно найти ничего иного, как только имя и форму.

А посредством другой притчи мудрец объясняет [царю] сущность души, когда говорит: посмотри на плод манго – он произошёл от дерева манго. Ты знаешь: здесь существует дерево манго, потому что ранее здесь был плод манго, из которого оно возникло. Таким образом, дерево манго родом от плода манго, но сгнившего в земле. Что ты можешь сказать о плоде манго? Он произошёл от сгнившего семени. Пройди теперь путь от старого плода к новому дереву манго. Что общего у нового с другим старым растением, кроме имени и формы? – Но таким же образом, говорит мудрец Нагасена царю Милинде, происходит с существованием души. [Также и ранее оно здесь уже было лишь именем!] – Да, это также был закон опыта буддизма, что человек переживает повторные земные жизни. Но этот закон не побудил реальное, центральное буддистское чувство к тому, чтобы в том, что переходит из одной жизни в другую, искать и видеть нечто иное кроме имени и формы, как с плодом манго, когда от одного плода к другому не переходит ничего кроме имени и формы. Таким образом, согласно буддистским представлениям в том, что мы называем нашей судьбой в жизни – наши способности, таланты и так далее – можно увидеть

действие прежних жизней. Но нет никакого душевного существа, переходящего из прежней жизни в новую, а только причины, изживающиеся в действиях, и общее, что есть у одной жизни с предыдущей – кроме того, что мы ощущаем как судьбу в новой жизни – это лишь имя и форма. Человек должен прочувствовать то, что здесь в буддизме присутствует на самом деле.

А теперь мы можем – чтобы оставаться соответствующими положению дел – перенаправить то, что выступает нам навстречу в этом повествовании как верное буддистское ощущение, полностью в христианское направление. Как должны были бы оба повествования звучать в христианском духе? Их не существует, но мы хотим сделать попытку их преобразовать и благодаря этому сделать совершенно ясной разницу между ними.

Христианский мудрец сказал бы примерно следующее: «Взгляни на колесницу – если ты посмотришь на неё, то увидишь дышло, кузов и колёса, и что ещё кроме этого ты видишь внешним образом. Колесница кажется тебе только именем и формой, но попытайся поехать, сможешь ли ты ездить на имени и форме; на них нельзя ездить по миру». – Несмотря на то, что видимыми здесь являются только имя и форма, то есть внешне здесь находятся кузов, дышло, колёса и так далее здесь ещё присутствует нечто, что является реальностью, если перед нами находится колесница, а не просто её части. Как было сказано, такой христианской легенды не существует, но это сопереживает человек, ощущающий по-христиански, когда он накладывает слово на части предметов, которые человек, думающий естественно-научным образом часто имеет в наличии, но для него отсутствует их связь, когда говорится:

*Затем предмет на части расчленяет⁶,
И видит их, да жаль: духовная их связь
Тем временем исчезла, унеслась!
(из поэмы «Фауст», перевод – Н. Холодковского)*

Гёте, создавший эти слова, знал, что духовная связь была реальностью.

А теперь рассмотрим вторую притчу: представьте себе плод манго, тот, который висит вверху на дереве, и тот, который сгнивает внизу. Общее у них не только лишь имя и форма. Конечно, имя и форма одинаковым образом находятся как в старом, так и в новом плоде, но то, что делает этот плод реальностью, также как и тот, гниющий внизу, находится в силах и элементах, являющихся сверхчувственными, и переходящими от одного плода манго к другому.

Таким образом, мы видим в том, что человек переживает душевным образом от жизни к жизни, деятельное центральное «Я», центральное душевное существо. И если перед нами находится человек в более поздней жизни, то переживаемое им в качестве судьбы, то чем он обладает как способностями, талантами и так далее, является не только действием причин из более ранней жизни, но существует центральное, сохраняющееся существо, переходящее из прежнего в новое воплощение. Таким образом, мы видим, как мысль о повторных земных жизнях – перевоплощении или реинкарнации – необходимо оживить посредством основной христианской мысли. Кто воспринимает христианство серьёзно, не боится, что устои христианства пошатнутся, если в кругозоре людей появится новая истина. Христианство является настолько сильным, когда ему имеют возможность передать

ощущения, подобно только что описанным, что оно – как и все другие истины – может вынести даже истину о повторяющихся земных жизнях, даже может принять их с готовностью, если человеческое мышление будет настолько всеобъемлющим, чтобы иметь возможность запечатлеть в нём этот закон. И тогда добьётся признания основной импульс христианства: реальность душевно-духовного, проходящего через различные земные жизни в качестве центрального ядра.

Таким образом, мы представили ту противоположность, которая может объяснить нам основополагающую разницу между буддизмом и христианством. При этом нам необходимо охватить оба мировоззрения в их основных ощущениях, а не в догмах, потому что о догматических представлениях и идеях можно спорить даже не днями, а месяцами и годами. Является ли нирвана подобной христианскому блаженству – об этом можно спорить бесконечно и выдумывать логические и диалектические изощрённости. Но речь не идёт о вступлении в дискуссию о самых высоких понятиях, но о том, как религиозные или прочие мировоззренческие импульсы вливаются в души, сердца, жизненные надежды и уверенность в жизни. Другим, [*ещё более ясным образом*]⁷ это выступает нам навстречу, если мы подобным образом позволим воздействовать на нас основополагающему импульсу, наполняющему великого Будду. Я намеренно говорю «великий Будда», потому что этот Будда представляется великой, священной фигурой тем, кто способен проникнуть в то, что Будда породил как мировоззрение подобно вечерней заре всего дохристианского мышления.

Когда великий импульс, воздействовавший на великого Будду, рассматривается нами совершенно правильно,

*то легенда облачается в следующие слова*⁸: тогда нам рассказывается – а легенда говорит об этом правдивее, чем любая внешняя история –, что Будда изначально благодаря заботе своих родителей жил так, чтобы познавать только радости, а не горести жизни. Но однажды он выехал из дворца своих родителей, и там он увидел исполненную реальности жизнь. Там он увидел больного. Только теперь он познал, что жизнь позволяет проявиться не только крепкому здоровью, теперь он познал, что тоже самое, что призывает к жизни крепкое здоровье, несёт и болезнь. В этом он познал значение страдания для жизни. А также он познал значение страдания на других примерах, встретившихся ему в жизни. Он увидел пожилого человека и сказал себе: «Старость есть страдание», – подобно тому, как вначале сказал себе: «Болезнь есть страдание». – И наконец, когда ему показали мёртвое тело, он сказал себе перед лицом окончания жизни: «Смерть есть страдание».

И в дальнейшем развитии этого импульса мы видим, как Будда познал страдание во вступлении в бытие. Он говорил: «Рождение есть страдание, болезнь есть страдание, старость есть страдание, смерть есть страдание. Разлука с тем, кого любят, есть страдание, совместное бытие с тем, кого не любят, есть страдание, невозможность достичь того, что жаждут, есть страдание». – И для великого Будды из этого возникла сущность его учения об освобождении.

Буддизм является учением об освобождении, которое гласит: «Стремление к существованию, жажда существования приводит в мир то, что лучше, чем этот мир. Только благодаря освобождению от этого мира человек может войти в настоящие высшие состояния бытия.

Но он может достичь этого, если преодолеет жажду бытия, приводящую его в земное воплощение». Постараемся понять вещи не просто теоретически, но через ощущения; посмотрим на великого Будду, обладающего большим сердцем, полным любви, попытаемся понять его, когда он стоит перед мёртвым телом, представляющим окончание жизни, и он говорит себе: «Смерть есть страдание». – На закате древнего дохристианского мировоззренческого развития мёртвое тело становится для великого Будды символом страдания, символом того, что с этой жадью земного бытия следует бороться. Он учит человека отвращать чувства от этой земной жизни; он учит его подниматься к тому, что потом ожидает его в качестве нирваны.

А теперь отправимся на 600 лет вперёд и ещё на 600 лет далее, а затем ещё раз посмотрим на представление человечества о жизни. За 600 лет до начала нашего летоисчисления мы видим деятельность великого Будды в Индии. Затем через 600 лет после начала нашего летоисчисления, мы уже больше не имеем дело с Буддой, но с простыми, наивными душами. Подобно Будде они направляют взгляд на мёртвое тело – на мёртвое тело умершего на кресте Христа, являющего им Мистерию Голгофы. Чем является это мёртвое тело для этих простых людей через 600 лет после основания христианства? Для этих простых натур, воспринявших христианский импульс через 1200 лет после Будды, то же, что некогда для Будды было символом религии освобождения, теперь является не просто символом религии освобождения, отвращающей от всего земного, но символом религии Воскресения, потому что здесь, при взгляде на это мёртвое тело, в сердца и души людей погружается

уверенность, что все страдания и все смерти являются переходом к победе духа над всем физическим, к освобождению от смерти.

Между этими двумя временными эпохами не существовало большего, важнейшего импульса, чем импульс Христа, вступивший в развитие человечества: между той эпохой, когда даже великий Будда мог смотреть на мёртвое тело и находить при этом только мысли об освобождении от тела, и той эпохой, когда человек снова смотрел на мёртвое тело, но теперь видел в этом мёртвом теле символ того, что самое высшее и самое лучшее, самое ценное, что живёт внутри человека, вовеки будет победителем над физическим, вовеки будет воскресать, возвышаться над физическим. Таким образом, необходимо охарактеризовать этот импульс, потому что только благодаря этому человек приближается к импульсу Христа в чувствах, как и должно быть, а не посредством теоретических идей. И если теперь мы захотим охватить этот импульс Христа в правильном смысле, то мы можем сделать это ещё благодаря кое-чему другому.

По сути, дохристианские религии ничего не знают из того, что в полном сиянии вступило в мировоззрение человечества только благодаря христианству. Здесь мы можем снова взглянуть на буддизм. Если мы исследуем и поймём его, то обнаружим, что он выкристаллизовал понятие Бодхисаттвы как одно из наивысших понятий человеческого существа. Что же такое Бодхисаттва? Итак, если желают постичь понятие Бодхисаттвы, в котором буддизм видит одного из высочайших водителей духовной жизни человечества, то, конечно, необходимо оглянуться назад на историю развития духовной и душевной жизни человека. Потому что должно стать ясным, что то,

как мы сегодня живём в отношении нашего склада души, это состояние, которое мы несём в нас, также подвергается развитию. Вид и способ, которым мы сегодня видим вещи в нашем окружении и которым мы соединяем чувственные впечатления с нашим разумом, – это является нашим сегодняшним состоянием души —, этот вид души развился медленно и постепенно. И человек, оглядывающийся назад на культурное развитие человечества, ещё даже не с помощью средств духовной науки, а лишь мысленно, обнаружит, что в прежние времена склад души человека находился в совершенно ином состоянии.

Итак, сначала я хотел бы охарактеризовать, как духовное исследование должно понимать это ранее состояние. Здесь мы возвращаемся в древние времена, во времена доисторического развития человека – во времена, к которым не ведут никакие исторические свидетельства. Тогда человек рассматривал мир не так как сегодня, например, в науке; в те времена ещё присутствовал некий вид ясновидческого состояния души. Сегодня люди злятся, когда говорят о ясновидческих состояниях души, и, возможно, по праву, потому что сегодня этим словом постоянно злоупотребляют, и под ним часто понимают нечто в наивысшей степени суеверное. Но то, что на самом деле следует понимать под ним, является чем-то совершенно отличным от того состояния души, которым мы сегодня обладаем от пробуждения до засыпания, и бессознательного состояния во время сна. Наряду с этими двумя состояниями сознания в древние времена существовало ещё третье, промежуточное состояние между бодрствованием и сном. Современному человечеству от того третьего состояния не осталось ничего иного, как то, что необходимо назвать некоего рода атавизмом, а именно

состояние сна со сновидениями. У древнего ясновидения из общего с сегодняшним состоянием сна со сновидениями осталась лишь образность, символичность, но в то время как сегодня образы снов чаще всего проявляются обрывистым, хаотичным образом, [в прежние времена] содержание ясновидческого восприятия могло достигать духовной реальности, находящейся на заднем плане нашего чувственного мира, поэтому мы можем сказать: «В промежуточном состоянии между сном и бодрствованием для человека древних времён духовный мир был непосредственным созерцанием, непосредственным опытом». Человек смотрел вглубь в духовную действительность. И в этом заключается смысл человеческого развития, чтобы человек спустился из того состояния в наше сегодняшнее сознание, в котором мы благодаря тому, что пожертвовали древним ясновидением, получили возможность постигать мир с помощью наших рассудочных понятий и наших представлений.

Но развитие продолжается дальше, и в будущем это сегодняшнее сознание снова соединится с древним ясновидческим сознанием. Подобно тому, как уже сегодня отдельные люди переживают душевное развитие, они развивают ясновидческое сознание помимо внешнего предметного сознания, таким же образом позднее всё человечество придёт к интеллекту, действующему в то же время как ясновидческое сознание. Таким образом, можно сказать, что люди, жившие тогда в очень древней культуре, всё ещё могли оглядываться на то время в развитии человечества, когда их праотцы обладали знанием, возникавшим из непосредственного наблюдения духовного мира. И в те древние времена проводниками таких знаний были те люди, которых, говоря языком буддизма,

называют первыми Бодхисаттвами. Затем ясновидческие силы людей всё больше и больше уменьшались. И те народы, которые особо почувствовали уменьшение этих способностей, как это произошло в случае с жителями древней Индии, исходя из духовного, предприняли в своих чувствах этот ретроспективный взгляд на исток людей, и сказали: «Тем способом, которым мы смотрим на мир с помощью нашего обычного дневного сознания, мы, по сути, живём не так, как это соответствует самому внутреннему сущностному ядру».

Люди прежних времён могли оглядываться назад в духовный мир, которому мы на самом деле принадлежим; а сегодня это могут только те, кто проходит особое духовное развитие. Представитель праиндийского народа видел на заднем плане физического мира древнюю, духовную родину человека, которую, вероятно, можно было видеть, но которую сейчас больше увидеть нельзя. Они ощущали то, о чём говорили: «Всё, что видит сегодняшнее сознание, есть майя, великая иллюзия, великий обман; позади этого находится то, что видели предки, что видели сами наши души в прежних телах. И в том, что передали в учениях из древних времён нам наши отцы, содержится истина о духовной родине человека». – И таким образом древний индеец стремился выйти за пределы майи, великого обмана, устремлялся вверх к своей духовной родине, к духовному, с которым человек чувствовал себя связанным, когда говорил себе в своей душе: «Это духовное, живущее во мне, едино с тем духовным, что пронизывает мир и ткёт сквозь него в качестве Брахмана».

Таким был настрой в Древней Индии, но он навечно останется отголоском прадревней мудрости, и его следует принимать во внимание. Если обращают внимание

только на внешнюю информацию, то приходят к тому, что то, чем люди обладали в дохристианские времена в качестве религий, восходит к тому, чем люди обладали как прамудростью, возникающей из древнего ясновидения. А также увидят, что с тех времён от эпохи к эпохе должны появляться всё новые водители человечества, несущие в себе, в своих душах содержание древних мудрости и истины, которыми они владеют. Таким образом, древняя мудрость продолжает жить далее в водителях и учителях людей – Бодхисаттвах. И, говоря словами буддизма, самого Будду, *Заратустру, Гермеса, Орфея и других следовало бы рассматривать как таких Бодхисаттв*⁹. Они были посвящены в прамудрость, несомую в себе как истину, и это означало, что их души были связаны с духовным миром. Таким образом, буддизм поднимает взор к великим водителям, от эпохи к эпохе распространяющим древнюю мудрость, потому что слова «мудрость», «истина» означают примерно то же, что и слово «Бодхисаттва».

Становления Бодхисаттвой достигают благодаря тому, что человек постепенно развивается в направлении вверх настолько, что его душа может воспринять мудрость, характеризующую духовную родину человека. Затем, когда человек от воплощения к воплощению достиг того, что он стал Бодхисаттвой, то следующая ступень для него —, так сказать, более высокий ранг, которого он может достичь, — ступень Будды; человек становится из Бодхисаттвы – Буддой. Но Будде больше не предназначено снова спускаться на Землю. Став Буддой он достиг здесь того, что жажда жизни в теле угасает, наступает освобождение, он впредь более не остаётся связанным с физическим миром и больше не живёт в нём.

Таким образом, так сказать, последняя форма дохристианского мировоззрения познаёт в Бодхисаттве того человека, который остаётся на грани связи с земным существованием. В тот момент, когда человек уже поднимется на более высокую ступень, ему больше не нужно будет оставаться связанным с Землёй. Но это мировоззрение ещё не знает в истинном смысле о понятии Христа. В чём же состоит теперь понятие Христа?

Понятие Христа находится выше, чем понятие Бодхисаттвы и понятие Будды. Мы придём к понятию Христа только, если сначала обратим духовный взгляд к внутреннему переживанию человеческой души, к переживанию, которое описано в христианских Евангелиях, и которое мы можем назвать внутренним Воскресением или даже вторым рождением. Обычно под этим внутренним вторым рождением представляют себе нечто совершенно абстрактное. Но нам необходимо лишь обратить внимание на кое-что из душевной жизни человека, и мы сможем увидеть, что под этим внутренним возникновением второго рождения следует понимать нечто совершенно конкретное. Нам необходимо только подробно напомнить о том, что является основополагающим элементом душевной жизни человека. Потому что вначале человек во внешней жизни выступает нам навстречу вместе со своими ощущениями, чувствами, порывами и волевыми импульсами. Здесь мы видим, как человек создаёт свои представления об окружающем мире, исходя из этой души, живущей в инстинктах, страстях и других импульсах, как он всё больше получает возможность подняться к очищенным и более правдивым понятиям, и это всё время продолжается. Кто бы не согласился с тем, что человек чувствует в себе

стремление и влечение к дальнейшему совершенствованию? Нужно лишь представить себе требования всех благородных идеалистов человечества, и тогда должны сказать себе: «Эти требования выражают высшие идеалы, и люди претворяют их в жизнь в систематических деяниях благородного человеческого сострадания и так далее». Поэтому необходимо сказать: «Человек может в определённой степени перерасти себя самого».

Здесь существует факт душевной жизни человека, который совершенно невозможно – рассматривая в человеческом смысле – назвать только абстрактным. Это также сознают, когда говорят: «В нас живёт второе «Я», высшее «Я», к которому вырастают, поднявшись над низшим повседневным я». Абстрактно иногда признают, что слова Гёте истинны:

*От уз, в которых целый мир страдает,
Свободен тот, кто волю обуздает*¹⁰.
(Перевод – Б. Пастернак)

Но чаще всего под этим высшим «Я» человек представляет себе нечто обескровленное и бесцветное, нечто, что для большинства людей не несёт в себе той же реальности, как те внешние проявления человеческого существа, связанные с людьми, когда оно непосредственно выступает в жизни нам навстречу. Там оно выступает нам навстречу со всеми своими чувствами, импульсами, со всем тем, что оно совершает как природное существо, вместе со своей кровью и всем, что пульсирует как сила через его телесность, со всем, что природа вложила в него как личность. Если мы хотим подвести итог всего этого, то можем сказать: «Подобно тому, как человек

выступает нам навстречу как природное существо, так же он наделён силами, пронизывающими весь мир». И как здесь он выступает нам навстречу как индивидуальность, так же он обретает своё становление благодаря мировым силам.

С другой стороны, насколько бесцветным, насколько абстрактным воспринимается то, чем люди зачастую владеют в качестве содержания более высоких импульсов. И насколько конкретным образом воспринимается ситуация, когда человек впадает в гнев, побуждаемый своей кровью. Напротив, когда человек устанавливает высшее «Я» как идеал, то это остаётся чаще всего совершенно абстрактным – настолько бесцветным и бескровным, что это выглядит очень убого. В качестве примера можно было бы описать как убогий идеал то, что Кант называет «категорическим императивом»¹¹. Бессильный идеализм! Теперь нам необходимо противоположное тому, что так часто выступает нам навстречу как безжизненные абстракции, нам нужно только придерживаться слов, исходящих из развития христианского импульса, которые действительны, это слова Павла:

*Не я, но Христос во мне*¹².

Тем самым мы упомянули то, что в самом глубоком смысле способно описать сущностное ядро христианства.

Человек предстаёт перед нами как природная личность; мы видим, как он вместе со своими чувствами и страстями оказывается слиянием всех сил, которые живут и ткнут, пронизывая весь мир. Он предстоит здесь, объединённый в маленький мир, как микрокосмос в большом мире, в макрокосмосе. И теперь мы видим,

как этот человек пронизывает свою душу стремлением к совершенству, как он хочет нечто пережить в себе, как это выражено в уже приводимых словах Гёте:

От уз, в которых целый мир страдает,
Свободен тот, кто волю обуздает.

То, что вначале представлялось нам здесь как природная личность, объединённая как микрокосмос из сил мира, теперь стремится выйти за пределы самого себя в понятиях и идеях, которые вначале проявились в абстрактных идеалах как лучшее «Я» человека. Но затем мы можем себе представить, что теперь эти абстрактные идеалы, эта высшая мудрость, самые высшие идеалы, которыми человек способен обладать только благодаря возвышению над своим природным бытием, теперь так же пронизывают это высшее «Я», становятся выражением того, что живёт и ткёт духовным образом пронизывая мир, в качестве духовного, в качестве морального элемента мира, как физически-чувственное личности является выражением всего макрокосмоса.

Когда здесь в самые высшие идеалы людей, так сказать, подобно молнии бьёт мировое существо, мировая сущность, о которой думают как о такой же реальности в духовно-сверхчувственном, как о внешних мировых силах, которые, влияя из макрокосмоса, собрали воедино природную личность человека в качестве микрокосмоса, тогда перед нами предстаёт человек, освобождающий себя – человек, таким образом возносящийся над самим собой, живущий теперь в своём высшем «Я», которое иначе остаётся [только] абстракцией и существует в пустых, безжизненных понятиях, не работающих напрямую,

с непосредственной силой. Теперь действует более высокий импульс, проникший в этого человека; в нём [живёт] духовное, становящееся [его] высшей личностью. Теперь в нём находятся не просто абстрактные идеалы и наивысшие моральные идеи, теперь он несёт в себе вторую, духовную личность. Теперь то, к чему он может вознестись как к самому высшему, проникнуто духовной личностью, как ранее обычный человек был проникнут абстрактными идеалами.

Если мы почувствуем, что это может вступить в человека, то поймём слова Павла: «Не я, но Христос во мне». Этот Христос во мне может пропитать и пронизать всё, что в противном случае является и остаётся абстракцией высшего «Я». Таким образом, благодаря Христу мы поднимаемся к более высокой личности. В то время как Бодхисаттвы являются водителями, наставляющими человека, направляющими его к обезличенной высшей мудрости, к абстрактным понятиям и идеям, импульс Христа направляет человека не просто к обезличенной мудрости, а к высшей личности в самом себе. Но это понятие вообще появилось только благодаря приходу в мир христианства. Всё, что происходит в мире, имеет свои причины. И когда человек посредством такого развития, как описано в книге «*Как достигнуть познания высших миров?*»¹³, возносится к духовному видению, духовному ясновидению, то перед ним эта более высокая личность предстаёт непосредственно как реальность, как новый человек в человеке – Христос в нас самих.

Но теперь благодаря настоящему ясновидению наступает момент, духовным образом подтверждающий подлинность слов, использованных Гёте для описания внешних, физических фактов природы, и тогда также

их можно применить к наивысшему существу человека, а именно следующие слова:

*Если бы глаз не был солнцеподобным,
Как смог бы он увидеть свет?*

Гёте хотел сказать относительно внешнего мира: «Здесь находится мой глаз, он видит солнце; если бы в него не внесли силу чтобы видеть свет, то мы не смогли бы увидеть свет». – Но он также говорит:

*Глаз создан при помощи света для света*¹⁴.

У нас не было бы глаз, если бы свет не пронизывал мир и не ткал, пронизывая его: «Глаз создан светом». – *Истина Шопенгауэра*¹⁵ гласит следующее: «Мир есть моё представление», то есть мир света и цвета является представлением глаза, но это лишь половина правды. Вся правда обнаружится только тогда, когда мы добавим к этому: «Благодаря миру создаются мои представления, поэтому мы смотрим в мир, в котором находится солнце, когда используем глаза, созданные солнцем». А также мы можем сказать: «Как нет глаза без солнца, так нет в нас божественного существа и ощущения без Бога как объективного Бога во внешнем мире».

Таким образом, также Христос может быть пережит в нас объективным образом как личность. И это событие, в котором мы переживаем наше высшее «Я» таким образом, что можем сказать: «Не я, но Христос во мне», станет для нас конкретным переживанием. Тогда изменится наше внутреннее душевное бытие, тогда мы станем другим человеком, становимся возрождённым

человеком, и благодаря этому переживанию у нас раскрываются новые, духовные глаза. И затем мы также видим, что для этого «Христа в нас» необходим Христос вовне, для субъективного переживания духовного Христа в нас необходим объективный, исторический Христос. Отрицание Его, этого Христа, пережившего Мистерию Голгофы, – логически означает то же самое, что и отрицание солнца, которое как сказал Гёте, сформировало глаза из некогда безучастного организма.

Возможность переживания нами Христа, сформирована в нас из нашего организма души как внутреннее переживание, подобно тому, как наш телесный глаз сформирован благодаря солнцу. Таким образом, подлинный, реальный Христос формирует то, что является нашими внутренними, духовными глазами, и человек, на самом деле переживший это не только в чувстве, а посредством ясновидческого сознания, переживает это как своё самое непосредственное знание, которое можно охарактеризовать как ясновидческий взгляд от духовной личности Христа в нас к реальному, объективному, историческому Христу. Нам не нужны Евангелия, не нужны никакие исторические документы, нам нужен только подлинный, серьёзный взгляд ясновидящего, и мы узнаем, что в ходе человеческого развития произошло воплощение того Существа, от которого пришёл импульс к «Христу в нас». Это является объективным, а не только субъективным мистическим переживанием Христа.

Но мы знаем кое-что ещё. Мы знаем: если постепенно под давлением логического мышления учение о повторных земных жизнях прививать процессам развития человека и при этом всей земной жизни, тогда перед нами ясно-видчески предстаёт Христос как исторический Христос,

который приводит в нас в действие внутренний взор, чтобы мы могли взирать на будущие воплощения. И теперь мы не говорим подобно буддизму: «Чем меньше земных воплощений, тем лучше для человека, потому что тем раньше он освободится от существования», – а мы говорим: «Пока Земля должна продолжать свою миссию, мы всё больше и больше воспринимаем импульс Христа, когда воплощаемся на Земле, и импульс Христа становится всё более сильным и всеобъемлющим в нас; всё более высоким несём мы его в себе в каждом новом воплощении». И таким образом мы смотрим в будущее, в котором всё больше и больше людей смогут осуществить для себя слова: «Не я, но Христос во мне». Поэтому мы смотрим на будущие воплощения, на будущие земные жизни как на жизнь, всё больше проникнутую Христом, и мы понимаем, почему в дохристианском мировоззрении, даже у буддизма, смогла возникнуть только идея освобождения – потому что ещё не вступил импульс Христа, приносящий всё новую и новую плодотворность в каждую земную жизнь. Напротив, тогда ведь пришло время, когда было бессмысленно совершенствовать далее земную жизнь. Земные воплощения, земные жизни людей вместе с импульсом Христа получили свой смысл, для которых как раз буддизм более не мог обнаружить никакого смысла.

И если мы теперь посмотрим на историю развития христианства, то дадим себе ответ на вопрос: «Как же христианство, не Христос, а христианство пришло в мир?» – Тогда каждый, желающий объективно рассмотреть историю, может сказать себе: «Человек, который больше всего способствовал развитию христианства – это Павел». – Давайте посмотрим на него, принимая это во внимание. Был ли он убеждён благодаря тому, что

произошло в мире как физический факт, или тому, что ему рассказывали об этом? В качестве современника этого события, произошедшего в физическом мире, он мог слышать обо всём – оно выступало ему навстречу –, но то, что он мог воспринять в свою душу из этих христианских представлений, было непригодно для того, чтобы эти внешние события смогли предстать для него в таком свете, чтобы он смог перенастроить свою душу на иной лад по отношению к христианству. Но затем произошло то событие, которое научное богословие до сих пор не смогло объяснить. Что же это было за событие?

Внешним образом рассматривали то, во что Павел смог поверить не через восприятие, не через наблюдение в физическом мире, но что стало для него непосредственной уверенностью благодаря тому, что он увидел сверхчувственно, в духе. Ни одно сообщение внешнего мира не смогло стать для него достоверным – но таковым стало сверхчувственное переживание, сверхфизическое событие. И оно убедило его не только в существовании некоего Христа, но в том, что Христос пережил то событие, которое означает преобразование в человеческой жизни: в каждом человеческом существе духовное сущностное ядро побеждает смерть внешней оболочки низшего человека, потому что *«если Христос не воскрес, то проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша»*¹⁶. Павел обращался к воскресшему Христу, потому что ему было известно, что в Мистерии Голгофы проявилось то духовное Солнце, только благодаря которому стал возможен внутренний Христос в человеке. Исходным пунктом христианского развития для Павла стало сверхчувственное событие, которое дало ему импульс к действиям ради христианства.

Таким образом, в отношении своего первого великого учителя христианство происходит из сверхчувственного импульса, и только позднее Евангелия смогли передать то, что было необходимо людям, чтобы ясно представить перед душой событие Христа. Это событие всегда можно возобновить, даже ещё и сегодня; если человек соблюдает законы внутреннего человеческого развития, то он даёт себе возможность заново пережить в себе событие на пути в Дамаск. Тогда он может духовно пережить объективно Христа как истину; тогда он начинает верить Евангелиям, не нуждаясь в исторических доказательствах, потому что то, что он видит в духе, то, что даёт ему ясновидческое сознание, он затем обнаруживает подтверждённым благодаря тому, что написано в Евангелиях.

Таким образом, сущностное ядро христианства следует искать внутри человеческой души. А самый мощный импульс распространения христианства можно найти в сверхчувственном событии познания. Благодаря этому событию каждый человек видит, так сказать, непосредственную необходимость, чтобы сам Христос в качестве наиважнейшего импульса проявился в историческом развитии человечества. И тогда на самом деле поймут, что в личности Иисуса жил Христос как Существо, которое невозможно сравнить ни с кем другим. Итак, в то время, когда каждый из Бодхисаттв переходит от воплощения к воплощению как остальные люди, до тех пор, пока он не выполнил свою задачу и не стал Буддой, для этого Существа, жившего в теле Иисуса из Назарета как Христос, мы должны констатировать только единичную земную жизнь. И *[как от отца к сыну передаётся одна и та же кровь в последовательности поколений]*¹⁷, так от одного Христа, пережившего событие Голгофы – это является

фактом, полученным более высоким сознанием – исходит духовный импульс ко всем тем, кто обрёл путь к этому Христу.

Эта мысль, что Христос связан духовными узами с тем, кто обрёл путь к нему – так же как потомок связан узами крови с предком – эта мысль обоснована не только мистикой христианства, но христианством, которое можно назвать «мистическим фактом». Существует не только христианская мистика, внутреннее переживание в духе христианства, но то, что произошло тогда в начале нашего летоисчисления в Палестине, является фактом, который можно понять только посредством мистики. Подобно тому, как ток крови через ряд поколений можно понять благодаря естествознанию, так и произошедшее благодаря Христу можно понять только посредством духовного познания, благодаря мудрости мистики. Человек может постичь посредством духовного познания, что «духовная кровь» течёт от Христа Иисуса в души тех, кто обрёл путь к нему.

Христианство может быть понято, только если его воспринимают как мистический факт. И поэтому я дал своей книге заглавие «Христианство как мистический факт»¹⁸, так как там, где с полной ответственностью говорят и пишут исходя из духовной науки, каждое слово поставлено и употреблено в соответствии с фактами. И если мы будем помнить эти мысли о сущностном ядре христианства, которое раскрывает себя в самом Христе и является причиной того, что духовное Существо – наше высшее «Я» —, внутренний Христос в нас всех может воскреснуть, то эта мысль всё больше будет присоединяться к земному существованию – особенно в будущих перевоплощениях, которые люди проживут на Земле. Таким

образом, Христос сможет сказать, даже если он был только один раз воплощён здесь в теле, – глядя на тех, в ком теперь имеет возможность течь его духовная кровь:

*Я с вами во все дни*¹⁹ до окончания земных циклов.

Для того, чтобы познать и увидеть, как в процессе развития Земли течёт импульс Христа, а вместе с ним и Он сам – вышеизложенное в свою очередь необходимо преобразовать в чувства, и тогда человек почувствует, как такие противоречия, подобные следующим, позволяют ему заглянуть в глубины развития мировоззрения.

Здесь мы приведём слова Будды, которые можно сравнить с вышеупомянутым высказыванием «Я с вами до конца земных дней». Будда говорил своим ученикам: «Когда я смотрю на прежние земные жизни, то я знаю, что моя душа прошла через много земных жизней и пережила тот или иной опыт. Она овладела способностями и теперь вновь создала моё тело, это внешнее, физическое тело. Оно стало моей судьбой, потому что душа сформировала его таким и привела в те места, где оно смогло всё пережить. Таким образом, я вижу в моём сегодняшнем физическом теле результат собранных мной духовных сил». – И он называл тело – храмом, построенным исходя из божественных сил, в обход человеческой индивидуальности. [И Будда говорил далее:] «Храм моего тела является следствием прежних, пережитых мной жизней. Но я точно знаю, что с тех пор как я стал Буддой, этот храм оставляется, и это – последний раз, когда мои внутренние силы создали такой храм. Я отчётливо ощущаю, как разрушаются перекладины, трескаются колонны; это – последнее тело, в котором обитает моя душа, потому что я стал Буддой».

Будда учит освобождению от тела. Превратите это в ощущение и, в свою очередь, давайте рассмотрим другие слова, а именно те слова, которые Христос Иисус также говорил своим ученикам о храме своего тела. Но что он говорил? Говорил ли он подобно Будде, что это – последнее существование, что разрушается всё, что привело к этому телу? Нет, Христос, предвидя, что то, что произойдёт в этом теле, даст импульс, продолжающий действовать сквозь всё земное существование, сказал: *«Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его»*²⁰. – Это огромный контраст: там разрушение храма и радость от разрушения, так как прощаются с Землёй, а здесь [мнение], что строение храма рассматривают как исходную точку для всего последующего исцеления людей. И об этом говорят: «Разрушьте этот храм, уже пришёл тот импульс, который действует далее».

Таким образом, нам необходимо не в абстрактных понятиях рассматривать импульсы, исходящие от Христа Иисуса и составляющие сущностное ядро христианства, а нам нужно преобразовать понятия настолько, чтобы они стали чувствами и ощущениями. Тогда именно при познании повторных земных жизней мы ощутим полное значение этого импульса Христа. Тогда мы взглянем на будущие человеческие жизни и увидим в Христе исходный пункт для всё более и более высокого исполнения предназначения человечества в будущем.

И таким образом мы можем сказать: «Мы оглядываемся назад на древние, дохристианские времена, на мудрость, находящуюся в отправной точке человечества, но которая постепенно исчезает, пока у людей не остались лишь её остатки. Затем наступило время, когда в человечество вступил величайший импульс, импульс Христа,

ставший новой отправной точкой и ведущий человека в духовный мир, приближающий для душ людей возможность всё более высокого восхождения, всё более высокой жизни, пока человек относительно земного бытия не продвинется так далеко, чтобы иметь возможность поднять всё земное существование к высотам духа. Таким образом, ничто не наполняет нас столь значительно, столь глубоко и мощно как то, что мы можем понять как характеристику подлинной миссии человечества в нашем земном бытии. Человек находится здесь; он видит себя окружённым физически-чувственным миром, он стремится к совершенству, он взирает на идеалы над собой, он знает, что благодаря этому достигает духовного мира. И он знает, что из этого духовного мира в его существование вступают духовные силы и существа. Но человек не может жить наверху в духовных мирах только с помощью абстрактных понятий и идеалов, потому что ему нужно сформироваться как личность наверху в духовном мире, подобно тому, как он здесь в физическом мире находится как личность. И поэтому только достойная подражания личность может привести его туда – личность Христа!»

Таким образом, человек смотрит на Христа как на подателя духовного мира и говорит: «Когда я возвышаю моё высшее «Я» к Тебе, когда я всё больше осуществляю изречение Павла «Христос во мне», я спускаю вниз из духовного мира самые сокровенные и самые исполненные мощи импульсы, облачаю их в моё человеческое существо и переносу их в наш физический мир, в наш чувственный мир. Я являюсь посредником между духовным миром и чувственным миром. Я вношу духовное в физический мир. Я пронизываю и формирую физическое с помощью того, что приходит из духовного мира.

Христос является моим помощником, моим примером для этого, истинный Христос, который так же необходим внутреннему человеку, как внешнее солнце необходимо чувственному глазу, и который как историческое Существо странствовал на внешнем физическом плане в начале нашего летоисчисления.

В таком случае мы чувствуем себя людьми в мире: мы можем обрисовать нашу миссию на Земле, сказав, что следует полностью проникнуться в христианском смысле теми словами, которыми я хотел бы подвести итог того, что сегодняшнее рассмотрение должно показать об отношении человека, с одной стороны, к физическому миру, а с другой стороны – к духовному миру:

Устремляется к чувству человека²¹

Из мировых глубин наполненная загадками

Богатая полнота материи.

Струится в основы души

Из мировых высот наполненный содержанием

Проясняющий свет духа.

Они сливаются внутри человека

В наполненную мудростью действительность.

Лекция девятая

От Иисуса ко Христу

Нюрнберг, 1 декабря 1911 г.¹

Уважаемые слушатели! Тот, кто посмотрит на нашу духовную жизнь, увидит, насколько глубоко значимой является в нашей современной культуре загадка, связанная с именем Христа Иисуса. И, вероятно, следует сказать: в последние годы достоверно открылось то, что все вопросы, касающиеся настоящего времени, являются следствием проблемы Христа или Иисуса, говоря в общем, одной из самых значительных проблем. Мы также убедились на опыте, что даже наши современники, считающие, что они находятся за пределами того, что они называют религиозными предрассудками христианства, интенсивно занимаются этой проблемой. Так, например, существует тот факт, что к этой загадке проявился интерес с более или менее монистической стороны. Только возникающий при этом вопрос, во все времена, с тех пор как существует христианство, начиная с момента его возникновения, пытались разрешить самым разнообразным, самым глубокомысленным, а иногда даже самым поверхностным образом.

Поскольку мы должны исходить из совершенно определённой точки зрения, а именно, точки зрения духовной науки, давайте рассмотрим, из каких подоснов на самом деле возникает особая окраска, которую придаёт этой загадке наше настоящее время. Тогда мы должны увидеть, и это особенно показательно для нашего настоящего времени, что в душах и сердцах людей выступает

огромное противоречие. С одной стороны, существует потребность, сильное стремление узнать нечто о тех вопросах, которые занимали человеческий дух с незапамятных времен; а, с другой стороны, мы видим раскол, выступающую хаотичность. Тогда как человек чувствует себя в определённой степени слишком мягким или обнаруживает слабость для того, чтобы по-настоящему подступиться к глубине этого вопроса, в этой области, в свою очередь, существуют специалисты, которые самым тщательным образом занимаются этой темой, ожидая некоего нового откровения, некоего нового события, касающегося этой проблемы.

Своеобразие этого вопроса заключено уже в двух именах, которые выступают перед душой: «Христос» и «Иисус». И если мы лишь кратко рассмотрим, что происходило на протяжении веков, начиная со времён евангелистов, первых христиан, и вплоть до нашего времени, мы сталкиваемся с вопросом: как человек может составить себе представление о том, что Божественная Сущность Христа может воплотиться в человеке, в человеческом теле? Как могло случиться, что Божественная природа совершила в человеческом теле то, что называется искуплением? Вкратце мы можем сказать, что человечество во все времена очень сильно волновал вопрос: как Христос мог явиться на Земле, как произошло это слияние двух существ: Бога Христа и человека Иисуса? Но чем ближе мы подходим к настоящему времени, тем всё больше и больше вопрос принимает иную форму. Удивительно то, что вопрос принимает форму, которая полностью адаптирована к тому культурному воззрению, к которому устремилось человечество. Если мы посмотрим на настоящее, мы найдём прямо-таки

другой полюс, полную противоположность тому, что было познано в самом начале христианства в отношении вопроса о Христе.

Можно было бы указать на сотни и сотни подобных случаев, подобных тому, на котором я хочу остановиться сейчас. *В одном журнале, опубликованном в Швейцарии в 1861 году*², человек, близкий к христианству, говорит нам [примерно] следующее: «Если бы я был вынужден благодаря чему-либо признать, что Христос воскрес телесно, что вообще Воскресение в евангельском смысле является чем-то возможным, тогда я должен был бы признать всё, что каким-либо образом мне противостоит, не соответствуя моему собственному мировоззрению; тогда я должен был бы обнаружить, что во всём моём мировоззрении присутствует разлад». – Сколько современных людей, включая знатоков религии и богословов, должны были бы сделать такое признание подобным образом! Если бы они задумались, то пришли бы к убеждению, что были бы вынуждены признаться в том же.

Давайте сопоставим с этим признанием то, что сказал Павел:

Если Христос не воскрес³, то тщетны труды ваши, тщетна и вера ваша.

Если человек проникнется тем, что говорит Павел, то он должен признать: самое существенное, что пронизывает его, – это тот факт, что Христос воскрес. Ему придётся признать, что христианство вообще теряет свой смысл, если вычёркивают Мистерию Воскресения, если вычёркивают то, что произошло для развития человечества. Павел рассматривал Воскресение в качестве самого

существенного факта, как основной нерв христианского мировоззрения. А в наше время зашли так далеко, – и это является глубоко показательным –, что некоторые люди говорят себе, что если бы им пришлось признать Воскресение, то всё их мировоззрение дало бы трещину.

Человеку, для которого эти вещи ещё не закрыты, не просто кажется симпатичным представить основной вопрос христианства – так как речь идёт об этом – перед душой в такой форме. Сама по себе задача теософии состоит не в том, чтобы, так сказать, приукрашивать эти вещи, а в том, чтобы назвать их истинными именами. В определённом смысле это время может выйти за свои пределы, [за пределы своей природы]; общий характер формирования времени выражается также в рассмотрении вопроса о Христе. В девятнадцатом веке мы видим превращение вопроса о Христе в вопрос об Иисусе; мы видим, как по мере развития науки человек всё больше теряет возможность увидеть в человеке, Иисусе из Назарета, воплощение божественно-духовного Существа, как это могло происходить в древние времена. По мере того, как Евангелия становились всё более доступными благодаря [распространяющемуся] образованию, их читали, углубляясь в них, и души словно поднимались к чему-то божественному. Затем произошел постепенный переход от самых парадоксальных представлений о Христе Иисусе к тому, что сейчас исповедуют многие богословы, а именно, что следует предположить, что Иисус был лишь особо возвышенной личностью в мировом развитии, то есть в нём в [особенно] увеличенной степени присутствовало то, что человек считает высшим идеалом. В нём видят только лишь человека, хотя и поднявшегося на более высокую ступень.

Конечно, в представлениях о Христе Иисусе существует много разных нюансов. И так, в восемнадцатом веке мы сталкиваемся с тем фактом, что человек вкладывает в проблему Христа Иисуса только то, что он мог бы себе представить, то о чём он мог бы помыслить. Так *просветителю Реймарусу*⁴ Христос Иисус представляется вряд ли кем-то иным, чем особо выдающимся человеком. [*Лессинг, напротив, нёс в себе субстанциально иной духовный образ*].⁵ *Однажды он сказал*⁶, что хотел бы ещё иметь возможность пережить появление такого человека, который бы фундаментальным образом опроверг то, что распространяют о Христе Иисусе. [В то время] всё базировалось на критике Евангелий, в частности на противоречиях, особенно на тех, которые обнаруживаются при сравнении различных сообщений о Воскресении. Пришли к напрашивающемуся выводу, что авторы якобы описывали нечто ненастоящее, что вовсе не является фактом.

Если по какому-либо делу опрашивают свидетелей, высказывающих различные сведения, то это вовсе не является доказательством, противоречащим факту как таковому. Если мы теперь представим себе мировое судебное разбирательство и спросим: «Разве заслуживают эти свидетели доверия?», – то это не верно, другой вопрос является единственным решающим и важным: «Кто выиграл в этом судебном процессе?» – Вне всяких сомнений, христианство, опирающееся на факт Воскресения, одержало победу в мировой истории. Таким образом, дело в том, что если даже свидетели и дали различающиеся показания, то по самому судебному процессу всё же было принято решение.

Затем всё больше и больше приближалось время, в течение которого дела обстояли так, что исчезла любая

возможность думать о чём-то сверхчеловеческом или говорить с таким настроением: всё больше и больше приближается время, когда становится невозможным думать и говорить о Воскресении так, как это делали изначально. Поэтому в девятнадцатом веке в истории религии, прежде всего, пытались извлечь образ человека Иисуса из Евангелий. Нам не нужно здесь обсуждать то, что было сделано с Евангелиями, как пытались соединить [сравнительно] идентичное, чтобы возникла приблизительно одинаковая общая картина, как при этом старались полностью устранить даже то Евангелие, которое имеет самое сверхчувственное содержание, Евангелие от Иоанна, так как говорили себе, что это гимн индивидуальности Иисуса из Назарета. *Но были и другие исследователи*⁷ девятнадцатого века, которые говорили, что нужно было бы отказаться от всего христианства, если бы Евангелие от Иоанна больше не признавалось. Исследователь, который, хотя сегодня и считается устаревшим, но когда-то всё же имевший большое влияние, настоятельно указывал на факты именно Евангелия от Иоанна. Однако все усилия привели к тому, чтобы перед душой правдоподобно представить человека Иисуса; но при этом изначально необходимо было исключить многое, хотя и находящееся в Евангелии, но во что в девятнадцатом веке уже больше не в состоянии были поверить, и убрали множество фактов, таких как чудеса и так далее. Это положило конец любой возможности признать что-то неприродное.

Поэтому было особенно важно, *когда теолог XIX века*⁸, живший в Базеле, Франц Овербек, написал очень странную книгу под названием «Über die Christlichkeit der heutigen Theologie» («О христианстве в сегодняшней теологии»). Эта книга является не только странной

по своему содержанию, но для тех, кто интересуется такими вещами, она является показательной в качестве выражения признания человека, который на протяжении всей своей жизни в качестве теолога должен был самым серьёзным образом бороться с тем фактом, что он должен был предстать перед своими студентами с такими ощущениями, которые жили в его душе. Бороться с этим фактом Овербеку пришлось до тех пор, пока это окончательно не подтолкнуло его произнести то, что жило в его душе. Любой, кто понимает такие вещи, реально проследившая взглядом бурную судьбу в странной биографии базельца Овербека, тот, в сущности, на вопрос: «Можно ли богословие сегодня вообще называть христианским, если оно в то же время является наукой?» – ответит себе только «нет». Будучи богословом, он стремился привести доказательства того, что богословие как наука вообще не может быть христианским, так как всякая наука, как считал Овербек, должна убрать, отбросить многое из того, что является основным смыслом любой религии. В тот момент, когда дохристианская религия соприкоснулась с наукой, она подверглась разрушению, и так же произошло и с христианством: наука при любых обстоятельствах уничтожает христианство и всегда должна быть его противником.

Когда так говорят, то эти слова, вероятно, не могут проникнуть глубоко в сердце, просто обывателю в некотором отношении легко принять их. Но если наступает время, подталкивающее столь значительного теолога к такому признанию, то необходимо уже прочувствовать, насколько глубоко вторгается в наше современное развитие соответствующий вопрос [об отношении Христа к Иисусу], в сущности, являющийся проблемой

Христа Иисуса. И Овербек говорит ещё нечто, а именно приблизительно следующее: даже то, что мы можем выразить в мыслях, в научных обоснованиях о христианском мировоззрении, всё это должно казаться нам ужасно мелким и непригодным, чтобы служить опорой для христианского вероучения. В первое время христиане жили мыслью, что грядёт новый мир, но вскоре пришло другое время, и учения отцов Церкви более не оплодотворяли христианство. Сначала была надежда на пришествие Неба на Землю, но потом, в конечном счёте, появилось ощущение, что этот мир никогда не сможет удовлетворить человеческое сердце; это проявилось в аскетическом настроении.

В наше время мы видим, что люди дорожат научными истинами – они как раз становятся очевидными, они покоряют мир внешних чувств, и поэтому мы видим, что движущая сила религиозного вероучения ещё дремлет в человеке. Кто бы не признал, что это глубоко, основательно характеризует наше сегодняшнее время? Разве не поражает, не шокирует, что то, что давало утешение и надежду тысячам и тысячам людей, всё больше и больше теряет свою силу? Рассмотрим один факт: в 1873 году, когда попытались подсчитать во Франции тех людей, которые ещё были привержены Христу, то обнаружили, что в него пока что верит треть всего населения. Сегодня считается, что лишь примерно пятая часть всего населения Лондона проникнута христианством. Это помогает здесь тем, кто быстро подавляет себя, сказать: «Зачем нам нужно новое обоснование, старого нам достаточно». – Тот, кто думает только о себе и доволен этим, может так сказать; но тот, кто думает о человечестве и видит, что величайшие искатели истины уже не

могут больше найти опору, должен будет признать, что наступили тяжёлые времена, и это понятно, когда люди жаждут обновления старого.

Так постепенно произошло, что на богословской основе вырос человек по имени Иисус из Назарета, из которого исчезло всё сверхчувственное. В девятнадцатом веке к этому присоединился ещё своеобразного рода отклик. Можно было бы сказать: чтобы справиться с проблемой Христа, полностью потерянной из-за проблемы Иисуса, стремились всё же удержать Христа, признать Его. При этом, однако, его сделали Существом, которому, по сути, не хватает истинной реальности. Это привело к тому, что Христа сделали мистическим Существом, которое не нуждалось в привязке к тому, о чём рассказывают евангелисты – старались, [так сказать], отставить Евангелия в сторону. Если бы захотели рассмотреть все течения последних десятилетий, то это привело бы к хаосу – в любом случае, мы имеем дело с кризисом.

Тот, кто проследит всё это развитие, обнаружит нечто, что легко понять. Слияние мистического воззрения со всем тем, что было выявлено благодаря исследованиям Евангелий, представляет собой заключительную стадию этого развития. Проявилось нечто, что можно назвать соединением этих двух течений, и в результате даже стали сомневаться, жил ли вообще Иисус. Это вполне соответствует стилю нашего времени, что после применения к Иисусу простого внешнего исторического метода, задали вопрос: «Осталось ли вообще что-либо от Евангелий, что предоставляет нам доказательство существования Иисуса». – Всё-таки у человека нет права отрицать, что Иисус существовал, потому что с определённым правом указывают на то, что бытие Иисуса является ясно

доказуемым. Однако для того, кто знает сегодняшнее историческое исследование, кто представляет себе сегодняшнее состояние исследования Иисуса, доказательства существования Иисуса не получится предоставить, потому что существует возможность – если пожелают – оспорить свидетельства Евангелий. И человек, вероятно, безрассуден, если отказывается признать, что эта борьба всё же имеет довольно существенные основания.

Но что нам показывает всё это? Это показывает нам, что мы находимся в кризисе во всей области [исследования Иисуса]. Однако к нынешней культуре прибавилось и новое мировоззрение, которое изначально стремится разъяснить, что у него есть иные источники истины, чем те, которые существовали до сих пор – я имею в виду теософию или духовную науку. Если также теософия должна нечто сказать о христианстве и его возникновении, то всё же может оказаться необходимым, чтобы религия и религиозное исследование рассмотрели то, что говорит о Христе теософия. Поэтому нужно знать, что в обоих случаях исходят из каких-то элементарных, фундаментальных событий, которые произошли, и их не получается согласовать.

Рассказ о Воскресении является тем, что, несомненно, чаще всего раздражает наше сегодняшнее просвещение, потому что тогда произошло нечто, что невозможно понять сегодня, а именно была одержана победа жизни над смертью. С теософской точки зрения об этом позволено нечто сказать, только если обратят внимание на самое близкое, а именно, на место действия собственно сердца, собственной души. И что показывает нам это место действия? Оно показывает нам то, что, конечно, не может быть признано задающим тон просвещением; оно

показывает нам, что для человека существует возможность того, что в какой-то период его жизни совершается внутреннее чудо. Если это следует рассматривать как чудо, которое можно охарактеризовать как противоречащее тому, что связано с разумом, тогда это факт, что такое чудо может совершиться в человеческой натуре. И для каждой души, с которой свершилось это чудо, внутренне становится ясно, что чудеса существуют.

Существование внутреннего, мистического переживания является фактом такого рода, что в человеческую душу вступает то, что в природном ходе жизни не имеет никакого отношения к душе. Чтобы понять это, нужно проследить природный ход жизни человека. Оказывается, что наряду со всеми внешними фактами жизни мы постоянно имеем дело с глубинами внутренней жизни – мы имеем дело с фактом, что течение жизни проявляется в человеческой душе. Возьмём душу, принадлежащую к числу душ, борющихся в жизни, не в научной области. Возьмём человеческую душу, занимающуюся вопросом бытия, испытывающую внутренние трагические переживания, боль и страдания, но также блаженство и освобождение. Возьмём такую человеческую душу, которая в течение многих лет живёт в таких настроениях, и представим себе, что другой человек не видел данного человека лет десять. Этот другой человек сделал бы любопытное открытие, а именно, что эта борьба души выражается в изменении черт лица, жестов и так далее. Духовная борьба выражается в теле. То, что происходит внутри человека, работает над преобразованием внешнего человеческого облика.

Однако гораздо интереснее следующее: тот, кто борется подобным образом, чувствует, что, когда для

некоторых загадок обнаруживается ответ или решение, он находится в другом душевном состоянии. И самым характерным является то, что затем, когда решение обнаружено, преобразование черт лица прекращается, и теперь его выражение остаётся неизменным. Пока борьба продолжается, образуются морщины. Конечно, у этого процесса также есть окончание; это подобно тому, как если бы человеческое тело дошло до предела своей упругости. Если человек доходит до этого предела, то телесное преобразование, наконец, прекращается. Преобразуются силы сознания, силы души. Сначала они работают над телом, а затем, когда это больше невозможно, они сознательно работают внутри самого человека. Было обнаружено, что эти человеческие душевные силы работают внутренне на протяжении всей человеческой жизни, и это проявляется в том, что из того, что работает в глубинах души, иногда нечто проникает и в сознание, и оно проявляется в особенно удивительных снах. Это означает, что образы сновидений раскрывают нечто из того, что происходит в душе.

Давайте рассмотрим показательный случай со сном, произошедший в жизни моего близкого друга. В детстве, когда он учился в последнем классе средней школы, ему нужно было сделать чертёж, и ему дали особенно сложный проект, потому что знали, что он обладает талантом, и именно поэтому его работа продвигалась достаточно медленно. Приближалось окончание школы, и ученик понимал, что он не в состоянии закончить работу вовремя, так как была сделана лишь небольшая часть. Он испытывал по этому поводу чувство страха, однако к моменту окончания школы выполненная им работа всё же удовлетворила учителей, потому что они

осознали, что именно в силу большой одарённости он просто медленно продвигался вперёд. Этот человек стал старше, освоил профессию чертёжника, и, как ни странно, это школьное переживание возвращалось к нему во сне через определённые промежутки времени, и хотя он переживал всё точно так же, как когда-то, только страх, что он не сможет справиться, во сне был во много раз сильнее. Бывало, что сон периодически повторялся несколько дней подряд, потом пропадал на годы, а потом возвращался снова.

Правильно понять всё значение этого сновидческого переживания можно только, если соотнести его с жизнью. А именно, оказалось, что каждый раз, когда происходило это сновидческое переживание, этот человек осознавал увеличение своих способностей, он добивался лучших результатов в области наблюдения за формами и изображений их вручную; каждый раз он переживал заметный прогресс. Человек работает духовно-душевно, подобно этому чертёжнику, и время от времени его душевная работа как бы раскрывается во сне – в том удивительном состоянии, которое находится между сознанием и областью бессознательного, в этом переходе из подсознания в область сознательного. Мы наблюдаем это на протяжении всей жизни.

В нашей человеческой жизни существует важный момент, вплоть до которого человек может оглянуться назад, вспоминая свой жизненный путь. Каждый должен сказать: я вспоминаю себя, начиная с определённого момента времени, но то, что находится до этого момента, для меня является совершенно неосознанным, и я только по сообщениям других тоже кое-что знаю об этом. Это тот момент, когда мы научились говорить

«я». Но что было до того времени? Давайте посмотрим на ребёнка, с его неуклюжими движениями, неумелыми действиями. Мы знаем, что самый важный орган человека, мозг, ещё не полностью развит, когда ребёнок вступает в бытие, и только во время земной жизни, пока ребёнок не научится говорить «я», он работает над органом мышления. Таким образом, кроме духовно-природного сознания человека, мы имеем дело с совершенно независимой от него сверхчувственно-душевной деятельностью, представляющей собой отправную точку этой мозговой деятельности. Данное сверхчувственное, душевное в человеке можно охарактеризовать следующим примером.

Общеизвестно, что жизнь Ницше завершилась умопомешательством⁹. В последний период перед вспышкой безумия он писал «сумбурные» письма знакомым, в том числе и упомянутому ранее базельскому теологу Овербеку. Получив в конце восьмидесятых годов одно из этих писем, Овербек осознал, что ему больше нельзя медлить и забрал своего друга Ницше из Турина, где тот находился. Теперь для упомянутого мной примера важным является следующее: когда Ницше встретился с Овербеком, тот уже вовсе не обращал внимания на то, что его окружало; он позволял делать с собой всё, что угодно, и не проявлял абсолютно никакого интереса. Только когда он услышал, как произносят имя той личности, которая стояла перед ним, и которая была тем же человеком, что много лет был его коллегой, то тогда его осенило: «Это же тот врач-психиатр, с которым я тогда был вместе». – И Ницше, к величайшему изумлению Овербека, стал продолжать разговор с того места, на котором он был прерван семь лет назад. Человек, не

обращающий внимания на внешний мир, продолжает разговор с того самого места, на котором он был прерван семь лет назад! Овербек тем временем, правда, забыл о том разговоре, но тут же вспомнил о нём. И что удивительно: когда Ницше был доставлен в Йену, и Овербек посетил его в психиатрической клинике, то невозможно было говорить с ним о том, что происходило в его окружении, но только о том, что он думал, сочинял, душевно переборол, переживал много лет назад, только об этом можно было говорить с ним.

Но что это нам показывает? Это показывает нам, что в физическом теле находится сверхчувственное тело. Основываясь на фактах то, что здесь рассматривается, надо признать исключительно важным. Человек может контактировать с овеществлённым внешним миром только благодаря своим физическим органам. Органы Ницше были разрушены, и потому он уже не мог этого делать; только центральное духовное ядро внутри телесности, физического тела не было затронуто. Но этот один пример можно было бы увеличить во сто крат. Наличие этого центрального духовного ядра в физическом теле невозможно отрицать, и это факт, что человек при определённых обстоятельствах способен заглянуть в сверхчувственный мир. Когда мы благодаря усилию воли помещаем мысли, являющиеся символами, в центр сознания, чтобы всё внимание сосредотачивалось на них и ничем не отвлекалось, когда мы взираем только на них и повторяем это снова и снова – в течение года, и если одного года недостаточно, тогда на протяжении десяти лет: в конце концов мы получаем результат. Душа приходит к тому, чтобы поднять всё из глубин; она заглядывает внутрь всего.

Это сверхчувственное состояние может быть достигнуто не с помощью обычных инструментов, а с помощью интимных душевных упражнений. Если человек достаточно долго концентрировался и работал со всеми мыслями таким образом, то он, наконец, приходит к моменту, когда он говорит себе: «Да, я сейчас испытываю в себе нечто такое, в чём я совершенно уверен, что это нечто является неземным. Но на удивление, я не могу думать об этом таким способом, как думаю обычно об этих вещах». – Тогда человек чувствует то, что осознают только те, кто переживает это, потому что в этот миг преодоления сопротивления своего физического тела мозг больше не способен выразить пережитое. Человек понимает: то, что он привык ощущать в душе, хочет проникнуть в сознание. Но он чувствует: телесные орудия, хотя игодились для прежней природной жизни, но сейчас я переживаю нечто, для чего мой мозг ещё недостаточно развит. Затем человек ощущает двойственность духовно-душевного существа. Далее он, в конце концов, переживает, как то, что сначала было слабым, начинает заметно, ощутимо работать над мозгом, над сознанием и телом.

Я сейчас описал Вам этот ход развития. При этом речь идёт не о произвольно придуманном, не о теории, но о факте, который может пережить каждый истинный искатель духа. Но что переживает искатель духа? Он переживает то, что я назвал «чудо-фактом». В душу вступает нечто внеземное, связи с которым у человека раньше не было. То, что вступает можно описать как высшего человека в человеке, как нечто, что присоединяется к тому духовному, которое уже существовало здесь раньше. Теперь может возникнуть вопрос: «Да, но ведь нечто подобное испытывает лишь малый круг людей,

нечто подобное испытывает только искатель духа, совершающий эти упражнения своей душой». – Однако только что описанное может быть пережито каждой душой, но в самых разных оттенках, в самых разных градациях, соответствующих индивидуальности каждого человека. Читая описания тех людей, которых мы называем христианскими мистиками, мы обнаруживаем, что, хотя эти мистики и не переживали то, что я только что описал, но всё же в эти души вступило нечто иной природы, нечто иное, чем имеющееся в наличии духовное – это превращение называется «Воскресением».

Тот, кто с должным благоговением углубится в изложения Евангелий, в большей или меньшей степени испытает то, что я описал. Однако каждый человек помимо изучения Евангелий может пережить, ощутить, что в душе есть чувство, которое невозможно найти в душе в природном ходе жизни. Библии, однако, проще всего вывести на уровень сознания сверхчувственный духовный мир. Если признать этот чудо-факт, то человечество представляет к нему необходимое дополнение, и он (факт) вытекает из самой теософии. Если мы ещё раз оглянемся на то, что было сказано о центральном духовном ядре, то увидим, что это центральное духовное ядро нельзя отнести просто к началу, к возникновению жизни, потому что это центральное духовное ядро совершенно не зависит от начала жизни, от мозговой деятельности человека, но оно скорее должно быть отнесено к более ранней человеческой жизни, следовательно, поэтому мы должны говорить о повторных земных жизнях. Итак, то, что мы познали как центральное духовное ядро, как сверхчувственную жизнь, утверждается через смерть, и с этой точкой зрения мы стоим на почве духовной науки.

Это воззрение о повторяющихся земных жизнях уже вошло в нашу новую культуру. Лессинг должен был говорить о повторении жизни *исходя из внутренней необходимости*¹⁰. Он говорил: «Если рассматривать всё человеческое развитие, то оно представляется как всестороннее воспитание человечества». – Лессингу казалась бессмысленной жизнь души, которая [со смертью] совсем прекращала своё существование. Лессинг считал, что душа берёт с собой то, чем она обладает после обучения, [затем возвращается с ним на Землю и так далее. Так, по-видимому, был создан единый организм: находящаяся в развитии душа не умирает], но продолжает жить, продолжает жить вечно. Однако девятнадцатый век нашёл мало удовольствия в разработке этого факта. Но этот факт возникает в связи с необходимостью. Когда несколько десятилетий назад была назначена *премия за лучшую литературную работу*¹¹ на тему «Бессмертие души», первая премия была присуждена труду, озаглавленному: «Бессмертие души на основании повторных земных жизней». Это свидетельствует о том, что уже тогда люди стремились к этому представлению о повторных земных жизнях.

Если мы посмотрим на развитие человечества, то обнаружится следующее: только начиная с определённого момента времени, стало возможным то, что человеческая душа смогла испытать это внутреннее чудо, что в душу может вступить эта уверенность, которая [вначале] приближается [к ней] в качестве вопроса. Мы можем разграничить две великие эпохи: древнюю, дохристианскую эпоху, в которую человек ещё не пришёл к осознанию своего «Я», и эпоху после пришествия Христа, в которую человек вступает в мир с полным сохранением самосознания своего «Я». Подобно тому, как человеческий род

можно возвести к прасуществованию, так и то, что может проявиться в душе как внутреннее Воскресение для каждого отдельного человека, также можно возвести к родоначальнику этого внутреннего чуда. Подобно тому, как Воскресение совершается для отдельного человека, так это Воскресение должно было свершиться и для всего человечества, и теософия ясно показывает нам: то, что делает отдельного человека другим, сделало другим и человека Иисуса из Назарета.

Подобно тому, как мы живём с нашим центральным духовным ядром, для которого смерть не является пределом, так и мир с центральным духовным ядром подчиняется своему собственному закону. Поэтому, по мнению теософии, Воскресение для всего рода человеческого – это то же самое чудо, что и внутреннее чудо для отдельного человека. После того как физическое тело [Иисуса] было распято на кресте, тем не менее дух [Христа] продолжал жить. Рассмотрим в Евангелии слова Павла о том, *что Христос умер за человечество*¹² и воскрес на третий день, что Он затем сначала явился Петру, потом более пятистам человек и, наконец, ему самому. Он явился Павлу не в первоначальном облике Иисуса, но в духовном облике, который тот должен был признать как облик Христа, который был таков, что из него самого исходило убеждение: Христос жив! Мы не можем говорить о воскресшем Христе иначе, как таким образом, что жившее в нём духовно, независимое от физического тела, в момент смерти на самом деле не умерло, а продолжает существовать, продолжает жить дальше.

Если бы сегодня я ещё захотел объяснить Вам, что случилось с телом, *то это завело бы слишком далеко*¹³. Самое важное, что Писание ясно и отчётливо указывает

нам на следующее: с момента Воскресения мы имеем дело с вступлением новой духовной силы, которой раньше не было, с изливанием Духа. И это внутреннее чудо восходит к пробуждению от смерти, к продолжению жизни Христа, которого распяли как Иисуса из Назарета. Христос сделал возможным для человечества новое отношение к духовному миру; таким образом, чудо на кресте является родоначальником всех чудес, совершающихся в жизни человека. Таким образом, духовная наука показывает нам путь ко Христу; она показывает нам Христа как необходимость для человечества. Только робкая натура может почувствовать опасность на таком пути ко Христу, потому что каждый путь, ведущий ко Христу, основанный на истине, должен и будет приветствоваться [тем, кто ищет Христа].

Лекция десятая

От Иисуса ко Христу*

Гамбург, 15 ноября 1913 г.

Уважаемые слушатели! Тема, которая должна стать предметом сегодняшнего рассмотрения, имеет глубокое решающее значение для духовной жизни современности, и эту тему следует обсудить, исходя из той точки зрения, опираясь на которую мне уже не раз приходилось говорить о различных вопросах духовной жизни *также здесь, в этом городе*¹. Тему сегодняшнего вечера предложили наши друзья. Но говорить в общих чертах о таком особом и также глубоко значимом предмете с точки зрения духовной науки не очень легко. Потому что в известном смысле необходимо создать предпосылки, чтобы уважаемые слушатели вспомнили то, что уже было сказано в других лекциях об основах той духовной науки, которая здесь имеется в виду.

Эта наука не является чем-то, что уже было бы признано или чем занимались бы каким-либо образом в широких кругах в настоящее время. Напротив, эта духовная наука является тем, о чём можно сказать, что она, пожалуй, всё ещё принадлежит к числу самых непопулярных и неверно понимаемых духовных течений современности.

---

* Запись данной лекции, по-видимому, была неполной, поэтому в тексте встречаются неясные и несогласованные места, как сам Фриц Лангнер, расшифровщик стенограммы лекции, пишет об этом в письме Р. Штайнеру. Перевод выполнен в соответствии с изданным текстом. — прим. пер.

И особым образом следует учитывать такое непонимание и враждебные мнения именно в связи с такой темой, как сегодняшняя. Потому что ещё слишком широко распространено мнение, что духовная наука могла бы подвергнуться сомнению или навредить тому или иному вероисповеданию, которое, возможно, по какой-либо причине для той или иной души ценно и дорого или могло бы быть таковым. Но как может быть показано человеку, глубоко вникающему в духовную науку, это совершенно не так. Духовная наука желает быть наукой и в определённом смысле продолжением того, что в течение последних трёх-четырёх столетий изливалось в развитие человечества как естественно-научный способ мышления. Только то, что является естественно-научным способом мышления, она должна, исходя из человеческой души, оплодотворить другим способом, чем естествознание, оплодотворяющее себя, используя свои методы исследования. Потому что эта духовная наука имеет дело не с чем-либо, что внешне воспринимается органами чувств, не с чем-либо, что наблюдает разум, основываясь на чувствах, она имеет дело с духовным миром. А поэтому естественно рассмотреть те вопросы, которые относятся к духовной жизни людей, с этой духовно-научной точки зрения. Несомненно, для многочисленных душ современности, пожалуй, не существует вопроса, который мог бы быть столь же важным в духовной жизни человечества, чем вопрос, который включает в себя сегодняшнюю тему, вопрос о Христе Иисусе. Я хотел бы привести лишь несколько замечаний, чтобы мы могли в известной степени достичь взаимопонимания о точке зрения духовной науки, чтобы затем сразу же перейти к особенностям сегодняшней темы.

Недопонимание за недопониманием, непризнание за непризнанием в отношении духовной науки вызывает то, что духовная наука, несмотря на то, что она является продолжением естественно-научного способа мышления, в сущности, предъявляет к человеческой душе совершенно иные требования, чем сам этот естественно-научный способ мышления. Каким образом задаёт вопросы этот способ мышления, который по праву был рождён естествознанием и который сегодня всё больше и больше захватывает умы людей? Как этот образ мышления относится к высшим вопросам духовной жизни? Он спрашивает: «Что может познать человек?» – И сразу следует сказать: этот вопрос в высшей степени ценен, и духовная наука не будет возражать против него. Можно утверждать, что в высшей мере достойно восхищения, когда философы или другие мыслители изучают, как далеко может простираться человеческое мышление, человеческое познание, при условии что человеческая душа остаётся такой же, какой её наблюдают в повседневной жизни в обычной науке. Здесь с лёгкостью приходят к ответу: «Человеческое познание доходит до этого места, до этой границы, и за эту границу оно не выходит». – Да, это то, что можно встретить сегодня каждый день. Одни вещи могут быть познаны согласно предположениям человеческого духа, но другие познать невозможно. Духовная наука целиком и полностью занимает абсолютно иную точку зрения.

Духовная наука опирается на позицию развития человеческой души. Она полагает, что хотя эта человеческая душа такой, какой она существует непосредственно в повседневной жизни, такой, какой она должна действовать в обычной науке, имеет определённые

предполагаемые границы познания, но что эта человеческая душа может преобразиться благодаря определённым интимным процессам, которые она совершает в себе и с самой собой, может создать из себя нечто, способное проникнуть в другие области бытия, отличающиеся от признанных в обыденной жизни или в обычной науке. В других лекциях, которые мне было позволено прочитать здесь, *и в моей книге «Как достигнуть познания высших миров»*² я обратил внимание на то, как душа, благодаря усилению этой деятельности в повседневной жизни, приходит к тому, чтобы сотворить из себя нечто совершенно иное. Сегодня я могу только предварительно описать принципиально важное. Благодаря определённым упражнениям, усиливающим либо то, что в обычной жизни называют внимательностью, либо то, что в обычной жизни называют самоотверженностью, благодаря безграничному усилению этих внутренних переживаний человека душа приходит к тому, что на самом деле в самом человеке происходит некий вид химической реакции.

Итак, поскольку человек находится в повседневной жизни, его [физическая] жизнь интимно-душевно связана с его духовной жизнью. Всё, что мы совершаем в повседневной жизни, мы совершаем таким образом, чтобы то, что духовно входит в физически-телесное, использовало последнее в качестве инструмента. Теперь позвольте мне воспользоваться примером, которому я не придаю особого значения, но который я хочу использовать только для наглядности, [а именно] как водород, соединяясь с кислородом, образует воду. Теперь приходит химик, выделяет водород и показывает, что из воды образуется нечто, обладающее совершенно иными свойствами, чем вода. Похожая «духовная химическая реакция» совершается,

когда душа применяет к себе то, что я показал в своей книге «Как достигнуть познания высших миров». Душа, как духовное существо, отделяется от телесного, учится познавать способности, чтобы жить внутренне – отстранённо, так сказать, извлечённо из физически-телесного. Это значимое переживание, которое духовный исследователь должен испытать в себе самом, не посредством какой-либо спекуляции, не посредством какой-либо философии, а посредством самоотверженного упражнения своей души, чтобы сделать её независимой от [повседневных] дел, от своих чувств, от взаимодействия с физически-телесным. Это важное переживание для духовного исследователя: знать, что значит духовно-душевно жить в себе, не пребывая в теле. Это всего лишь намёк на то, что я часто позволял себе излагать здесь в других лекциях и, что я прошу Вас принять сегодня как утверждение, потому что моя задача – просто показать как теперь при таком исследовании, совершаемом душой, ставшей духовным исследователем, необходимо думать о том, что мы называем «событием Христа» или, вероятно, мы также могли бы сказать «событием Христа Иисуса» в процессе развития человечества.

То, что какое-либо религиозное исповедание говорит о Христе, воспринимают благодаря переживаниям, которые, разумеется, должны протекать в пределах телесности. Того, о чём должно сказать духовное исследование, достигают, когда освобождённая от своей телесности – если мне позволено воспользоваться осуждаемым выражением –, ставшая ясновидящей душа обозревает ход развития человечества так, как его можно созерцать только, когда душа уже не находится в теле, когда она находится вне тела в духовном мире.

Сегодня вечером мне придётся выбрать для своей темы, так сказать, особый вид [изложения сообщения], так как то, что узнаёт духовный исследователь, если он проходит только что обозначенную подготовку к своим познаниям, он достигает благодаря непосредственно-духовному видению, когда он, отделённый от тела, действует в духовно-душевной области и направляет духовный взгляд на события, на процессы мира. Таким образом, нельзя непосредственно рассказать, что видит духовный исследователь, это можно сообщить только, когда духовный исследователь направляет взгляд на отношения, которые можно увидеть в обычном мире – на отношения, которые может видеть каждый человек – какими он может их увидеть только в том случае, если выбрана точка зрения именно духовного созерцания. Поэтому я должен буду указать на определённые процессы внешней жизни, и некоторым из уважаемых слушателей, вероятно, покажется, что я говорю, используя только сравнения, возможно, аналогии. Здесь не стремятся к спорам подобным образом! Но то, что я имею в виду, то, что, вероятно, будет выглядеть как аналогия, это всего лишь язык для выражения того, что духовные исследования должны сообщить о наших вопросах.

Что касается одного из аспектов, наиболее важного в нашем сегодняшнем вопросе, то чрезвычайно важным является взаимопонимание с мышлением настоящего времени. Конечно, в области естествознания признают, что недостаточно лишь фиксировать отдельные процессы природы, так сказать, только рассказывать о них, упоминать о них, признают, что этого недостаточно, что натуралист должен перейти от рассказа, от фиксации к законам, которые, естественно, незримо, так сказать, пронизывают

явления жизнью и ткнут в них. Сам закон природы – это то, что человек обретает, углубляясь в явления чувственного мира, когда их не просто рассказывают, не просто описывают, но когда понимают, как обоюдно подтолкнуть их к взаимоотношениям друг с другом так, чтобы они выразили свою внутреннюю закономерность. Но в отношении того, что становится историей, что возникает как история, просто не заходят так далеко. И потому трудно найти понимание, когда некоторым образом естественно-научный метод переносят, так сказать, только на духовное в историческом процессе.

Я не люблю говорить о личном, но в данном случае личное одновременно является объективным. Когда много лет назад была опубликована *моя книга «Христианство как мистический факт»*³, в основе которой лежит духовно-научное рассмотрение вопроса о Христе, тогда название было выбрано абсолютно продуманно, чтобы указать, что речь идёт об особенном способе рассмотрения. Я не назвал её «Мистикой христианства». Я не хотел излагать в этой книге, в какой мере христианство содержит мистику, а также представлять христианскую мистику и мистическую жизнь христианина, однако я хотел показать, что происхождение христианства, что жизнь импульса Христа является фактом в истории развития человека. Это можно понять только тогда, когда на заднем плане исторического становления, повествований и описаний видят духовные факты, когда духовному глазу открываются факты, иными словами, когда сам факт представляет собой мистику – непосредственно всё происходит в мире в мистическом смысле. Тем самым я хотел пояснить, что только тот в состоянии понять дух христианства, кто способен увидеть христианское становление

не только так, как оно представлено в свидетельствах и повествованиях, но кто способен увидеть в христианстве нечто, в чём факты группируются таким же образом, как и в Солнечной системе, где Солнце становится важнейшим фактором в Солнечной системе. Человек признает это, если проследит факт естественно-научным образом. Люди ещё не привыкли следовать за историческими фактами. Поэтому с лёгкостью рассказывают, как в истории один факт следует за другим – точно так же, как смотрели бы в естествознании, – не обращая внимания на то, что главным является тот способ, с помощью которого рассматривают историческое становление, с помощью которого смотрят на факты. Необходимо увидеть, что проблема Христа – это решающий фактор, и что только благодаря этому можно прийти к внутреннему познанию, прийти к тому, что произошло на самом деле.

В современном естествознании существует закон, который, хотя и оспаривается в деталях, но признан в его основах – таков знаменитый *основной биогенетический закон*⁴ Геккеля, гласящий, что каждое существо в самом начале своего развития в зародыше проходит краткое повторение всех тех стадий, которые составляли развитие того существа, от которого оно произошло. Что касается внешней телесности, то на протяжении этого состояния зародыша человек проходит, так сказать, ступени низшего животного, рыбы и так далее. Конечно, это – нечто, что каждый может извлечь из естествознания сам; такие законы признаются в естествознании. Теперь для духовного видения возникает чрезвычайно важный закон развития человека, который, конечно, выглядит совсем по-другому, чем подобный естественно-научный закон, который только что был описан, потому что он имеет

значение в области духовной жизни. Но в связи с вышеизложенным этот закон для человеческого познания не менее значим, чем естественно-научные законы. Этот закон можно обнаружить при духовном исследовании, если задают вопрос: несомненно, также и в человеческом развитии существовали различные этапы, в ходе которых человеческое существо в историческом становлении прошло разные стадии.

Нам не нужно сейчас углубляться в формирование развития человечества, происходившее в доисторические времена; мы должны будем лишь предположить, что историческим временам, безусловно, предшествовали доисторические времена. Но каждый, если он хотя бы поверхностно окинет взглядом развитие человечества, может сказать: «Развитие человечества проходило от эпохи к эпохе, от века к веку и имело различные формы». – И тогда мы, вероятно, уже близки к тому, чтобы задать себе вопрос: «Можно ли сравнить эту общую жизнь человечества с чем-либо?» – То, что я говорю, хотя и взято из становления человечества, но здесь оно излагается так, как это представляется взгляду духовного исследователя. Мне нужно только обратиться к внешним фактам и таким образом [найти] слова, чтобы выразить то, что открывается взгляду духовного исследователя. Чтобы получить некоторое представление о развитии человечества, можно спросить: «С чем можно сравнить это общее развитие человечества?» – На самом деле его можно сравнить с жизнью отдельного человека. Человеческая жизнь была иной в древние времена, в те исторические времена, на которые сегодня оглядывается история, скажем на времена древнеегипетской культуры, древнекитайской и персидской культур. Переживания в греческой

и римской культурах также отличались от переживаний в современном культурном мире. И только тот, кто не хочет вдаваться в многообразие жизни, может поверить, что условия душевного бытия в наше время можно сравнить примерно с теми, которые существовали в греческую и римскую эпохи, которые существовали в древнеегипетскую эпоху. Столь же мало похожи переживания отдельного человека в детстве на переживания в юношеском или в зрелом возрасте и в старости. Развитие человечества принимает различные формы; мы можем прямо сказать, что оно проходит через разные возрастные периоды. Но тогда возникает другой вопрос: «С какой стадией в отдельной человеческой жизни мы можем сравнить нынешний возраст человечества?» На этот вопрос, собственно, можно ответить только с духовно-научной точки зрения.

Как Вам уже известно, и как уже было представлено в других лекциях, духовная наука опирается на следующую точку зрения: когда человек вступает в это физическое земное бытие, тогда то, из чего он состоит, что его образует, даётся не просто благодаря тому, что исходит от отца и матери, что в целом унаследовано от предков, но человек, согласно духовно-научной точке зрения, нисходит вместе со своим духовно-душевым к своему земному бытию из духовной жизни и правомерно соединяется с тем, что мы получаем от отца и матери. Духовная наука основывается на том, что духовно-душевное является тем, что участвует в работе над всем формированием телесно-физического существа – когда мы видим, как ребёнок развивается в чувственном бытии, когда мы наблюдаем эти чудесные тайны становящегося человека, как черты лица из сперва неопределённых становятся

более отчётливыми, движения из неуклюжих становятся более искусными и так далее. Духовная наука показывает нам здесь, как существо, исходящее из духовного мира, охватывает субстанционально-телесное, как оно работает над ним, пластицируя* и оформляя.

Собственно говоря, эта человеческая жизнь фактически делится на нисходящую и восходящую – и снова на нисходящую. И, конечно, можно легко убедиться, что примерно на тридцать пятом году, между тридцатым и тридцать пятым годами, находится своего рода середина человеческой земной жизни. На самом деле вплоть до этого тридцать пятого года всё более и более продвигающееся вперёд, вырабатывающееся из духовно-душевного человеческого существо нисходит, чтобы соединиться с физически-телесным. Духовная наука, как уже, вероятно, неоднократно здесь подчёркивалось, основывается на понятии о повторяющихся земных жизнях. Следовательно, при известных обстоятельствах мы можем оглянуться назад из нашей нынешней жизни на прошлые земные жизни. Тот способ, которым мы спускаемся своим духовно-душевым из духовного мира к физически-телесному, чтобы самим подготовить нашу телесную организацию, и которым мы формируем нашу судьбу – всё это обусловлено тем, что мы выработали, что мы приобрели в прошлых жизнях. Более тщательное духовно-научное исследование показывает теперь, что на протяжении всей восходящей жизни вплоть до тридцатых годов мы ещё непосредственно работаем над своим физическим

---

* От греческого слова *plastike* – ваение, скульптура. Пластицирование – процесс воспроизведения своей мысли в осязаемых формах. – прим. пер.

телом, над укреплением нашей судьбы. Мы получаем плоды, которые мы из духовного, что также означает из прошлой земной жизни, вносим в эту жизнь. Сейчас, когда мы переживаем наше физическое земное бытие, когда мы соединяемся с внешним миром и таким образом развиваем свою душу, мы получаем духовно-душевные переживания и опыты. Эти духовно-душевные переживания и опыты формируют в нас своего рода духовно-душевное ядро. Примерно после тридцатого года – около тридцати пяти лет – мы в определённом смысле устраиваем, если мне позволено использовать это выражение, нашу жизнь таким образом, что в этой жизни мы, по существу, пребываем так, как это соответствует духовным причинам, привнесённым нами в эту нынешнюю земную жизнь.

Начиная с этой середины жизни, с периода между тридцатью и тридцатью пятью годами, наше духовно-душевное ядро – то есть то, что мы вырабатываем в нашей нынешней жизни – становится таким, чтобы потом оно жило в нас всю оставшуюся жизнь, подобно тому, как в растении живут силы его нового зародыша, как они живут в нём, даже когда листья увядают и опадают, и как эти силы его нового зародыша переживают само растение, чтобы соединить смерть растения с началом нового зародыша. Так и мы живём на протяжении всей нашей жизни, но так, что, начиная с тридцатого до тридцать пятого года, преобладают духовно-душевные силы – те духовно-душевные силы, которые мы выработали в своей жизни. Даже, когда наша чувственная жизнь идёт на спад во второй половине, когда наши волосы седеют, когда кожа покрывается морщинами, когда эту внешнюю жизнь можно сравнить с увядающей жизнью растения, но тогда всё сильнее и сильнее, всё интенсивнее

и интенсивнее становится то, что в течение первых тридцати лет человеческой жизни удерживалось словно спрятанным, было словно заперто. Принесенное нами с собой из нашего прежнего бытия становится всё сильнее и сильнее и проходит через врата смерти, сбрасывая с себя земное тело, подобно растению, сбрасывающему листья, переходит в духовный мир, чтобы подготовиться к новой жизни. В результате мы указали на важный момент в жизни; [мы указали], как мы в определённом смысле должны думать о свежих жизненных силах юности, о тех духовно-душевных силах, приходящих от жизни до рождения, [мы указали], где они, так сказать, находятся в переломном моменте, когда внешние физические силы начинают увядать, и мы проживаем жизнь на Земле, заботясь о новом, духовно-душевном зачатке, проходящем через врата *смерти, чтобы войти в духовный мир и [относительно] скоро снова стать новым земным человеком*⁵.

Рассматривая сейчас человеческую жизнь в более высоком смысле, чем это могло бы произойти в ином случае, мы можем задать вопрос: с чем же можно сравнить нашу нынешнюю эпоху? В развитии человечества мы находимся в отношении человеческой жизни таким образом, что можем сравнить нашу нынешнюю эпоху с тридцатью или тридцатью пятью годами человеческой жизни или чуть более поздними годами. Вы, конечно, можете найти более подробную информацию в духовно-научной литературе; мне пришлось бы прочитать много лекций, если бы я захотел полностью обосновать то, что я сейчас высказал. Если рассмотреть нашу нынешнюю жизнь, ту жизнь, которая нас окружает в культуре во всех человеческих свершениях, то мы увидим, рассматривая

с духовно-научной, объективной точки зрения, что, на самом деле, эту жизнь во внешнем мире можно сравнить только с той частью человеческой жизни, которая слегка превышает промежуток времени от тридцати до тридцати пяти лет. То есть, развитие человечества на Земле уже вступило в возраст, перешагнувший середину жизни.

Нужно только однажды обратить внимание, нужно только, исходя из этой точки зрения, сравнить то, что переживает человечество [в современной культуре] с его достойными восхищения достижениями, с тем, что было пережито в египетско-халдейской или греко-римской культуре. Я хочу упомянуть лишь поверхностное, хочу указать на то, что именно эти достойные восхищения достижения техники и промышленности являются следствием естествознания; и именно это показывает, что человек уже живёт в эпоху, обособившуюся от его внешней жизни и от того, что непосредственно связано с его телесностью. Египетская и греческая культура определяли человеку такое же место в мире, какое занимают в мире ребёнок или юноша, у которых все свершения ещё непосредственно зависят от того, что связано с человеком и его телесностью. То, что мы наблюдаем у отдельного человека в детстве – это жизнь по восходящей линии; напротив, жизнь, оторванная от человека, объективно совершает всё, так сказать, механическим образом, как бы механически обособленно – такова наша нынешняя жизнь!

Можно было бы подтвердить это для всех областей жизни, для искусства, науки, философии, а также для религиозной жизни. Без сомнения, это показывает то, что я только что лишь внешне смог обозначить: сегодня в общем человеческом развитии мы находимся

в пункте, выходящем за пределы середины жизни человеческого рода. Можно было бы, в частности, указать на способ, которым сегодня необходимо рационально обосновывать педагогику – совсем иначе, чем в древние времена, потому что сегодня детей, вырастающих в человечестве, которое должно разработать педагогику именно с помощью искусства, должны освободить от того, что является непосредственными импульсами. Сравните с этим всю педагогику того возраста жизни человечества, которая, так сказать, находилась в периоде до середины жизни, и вы обнаружите, что тогда вся педагогика желает исходить словно непосредственно из человеческой интуиции, непосредственно из человеческих инстинктов. Если же мы хотим рассмотреть именно рациональное развитие воспитываемого существа, то обнаружим внешнее подтверждение того, что я должен сказать исходя из духовной науки. Но она показывает нам, что то, что достигло зрелости, выходит за пределы середины жизни.

Теперь духовный исследователь рассматривает это общее человеческое развитие. Он позволяет ему проходить перед собой и происходить при этом совершенно объективно, так как я это примерно охарактеризовал. Это развитие показывает себя ему, когда он обращает взгляд на историческое становление древнеиндийского, древнеперсидского и египетского периодов. Здесь можно увидеть, что человек имеет дело с развитием, распространяющимся начиная с того момента, из того пункта, который в действительности приходится на греко-римскую эпоху. Здесь всё человечество проходит пункт, в котором человек находится между тридцатью и тридцатью пятью годами жизни.

Но в то время как в нашей жизни – из-за того, что в нашем теле имеется избыток жизненной силы – мы используем этот избыток жизненной силы, чтобы, так сказать, [уравновесить] нисхождение нашей отдельной жизни, чтобы продолжать жить после тридцати пяти лет, заботясь тем временем о духовно-душевно-зачатке, пока мы не пройдем через врата смерти, жизнь всего человечества протекает по-другому. Здесь, когда юношеские силы человечества были уже исчерпаны, оно нуждалось так сказать в новом воздействии. Тогда ему потребовалась сила, которой теперь уже больше не было внутри самого человечества, – воздействие, которое мы находим, просто просматривая человеческое и историческое становление, воздействие, которое мы могли бы обнаружить, даже если бы мы ничего не знали о Евангелии, о какой-либо христианской традиции! Предположим гипотетически, что мы ничего не знаем о каком-либо христианском развитии, и рассматривали бы историю человечества таким образом, что мы не принимаем во внимание всё христианское: тем не менее, мы бы обнаружили, что в этот период, в греко-римскую эпоху, наступил переломный момент для всего земного развития человечества – насколько мы можем его обозреть. Мы бы обнаружили, что после того, как иссякли существующие силы этого человеческого развития, вступило нечто, что можно назвать новым воздействием; мы бы увидели, что в это развитие человечества вливается нечто такое, чего здесь раньше не было.

Теперь, если мы хотим более подробно остановиться на том, что влилось в развитие человечества, то мы должны взглянуть на мистерии древних времен. Эта мистериальная жизнь, ставшая уже достаточно известной благодаря современной внешней литературе, – мы можем также

сказать тайны жизни, – существовала во всех древних культурах. Мистерии были действиями в определённых местах, которые являлись, так сказать, одновременно и храмом, и высшим учебным заведением. Совершаемые там таинства были действиями с целью получения определённого знания. Они в то же время были культовыми действиями, которые должны были развить человеческую душу таким образом, чтобы эта душа могла вступить в жизнь, отличную от обыденной. Эти мистерии культивировались самыми разнообразными способами среди самых разных народов и культур. Но общим для всех мистерий было то, что руководители отдельных мистерий вовлекали в мистерии те человеческие души, о которых они могли полагать, что они были способны к развитию для рассматриваемой [мистической] жизни. Но в этих мистериях было другое мнение о человеческом познании, о человеческой душевной жизни, чем это привычно сегодня – именно такое воззрение, которое должно быть снова в известном смысле обновлено духовной наукой.

Считалось, что человеческая душа, какой она пребывает в повседневной жизни, несомненно, имеет границы, что она не может проникнуть в те области, где человеческая душа сама соединяется с истоками бытия. Существовало мнение, что человеческая душа должна сначала [развить] определённую моральную совесть, определённое сознание, проделать определённую подготовку, чтобы с помощью определённых сил она смогла сделать себя другим существом, чтобы затем иметь возможность достичь сил познания, выходящих за рамки повседневной жизни – сил познания, благодаря которым она могла бы заглянуть в то, что находится свыше и на заднем плане чувственных вещей, то есть в то, что находится в духовном мире.

Если проследить духовным взором различные мистерии, какими они были у отдельных народов, то обнаружится, что в основном существовало два вида мистерий. Один вид мистерий заключался в том, что под руководством водителей этих мистерий ученики развивались в отношении своей душевной жизни совершенно определённым образом. Они развивались так, что в своём видении становились независимыми от телесности. Их духовно-душевная сущность выделялась из телесности. Но это происходило двояким способом: один способ можно найти в греческих и египетских мистериях, другой – больше характерен для мистерий Персии и Ближнего Востока.

В египетских и греческих мистериях дело обстояло так, что учеников приучали полностью отвлекать взгляды от внешнего мира и обращать всё восприятие внутрь. Они учились входить в такое состояние, которое обычно возникает у человека только, можно сказать, бессознательно, когда человек погружается в сон, в котором преобладают внешние чувственные впечатления, в котором мир воздействует своими импульсами больше изнутри. Таким образом, душа такого ученика мистерий целиком погружалась в себя, тем самым усиливая свою внутреннюю жизнь. Такая душа жила внутренней, интенсивной жизнью, которую человек в состоянии бодрствования никогда не может испытать, если он предаётся внешним чувственным впечатлениям. Такая душа переживает себя внутренне в гораздо более интенсивной, усиленной жизни. И тогда такая душа с определённого момента своего внутреннего переживания, приходит к тому, чтобы сказать о себе: «Человек – это нечто, о чём он узнаёт только, если он отрывается от всей чувственной жизни, если он очень сильно переживает себя в самом себе».

Затем у ученика всегда возникало совершенно определённое, своеобразное настроение – конечно, требовался опыт, чтобы прийти к этому [особому] настроению, – но ученики приходили именно к этому настроению. Оно заключалось в том, что ученик исходя из своей внутренней жизни, из того, что он воспринимал в усиленной душевной жизни, говорил себе: «Таким, каким я пребываю в обычной человеческой жизни, я был [до сих пор] для того, чтобы жить совместно с внешним чувственным миром; но я не являюсь таким во всей своей человеческой природе, в том, каким я, подлинно, должен был бы существовать как человек. Я достигаю этого в мире, когда я укрепляю себя в себе самом, чувствую, переживаю себя в себе самом». – Благодаря этому ученик приходил к самоочевидному осознанию того, что человек несёт внутри себя духовно-душевное ядро, которое он не может изжить в своей внешней телесной жизни, что человек может прийти к более высоким душевным качествам, чем во внешней жизни. Человек чувствовал себя, когда он ощущал себя таким внутренним образом в более высоком смысле человеком, ближе к Божеству – Божеству, в котором находится его изначальный источник. Он чувствовал себя ближе к тому пункту, в котором человеческая душевная жизнь непосредственно связана с первоисточком бытия, жизни. Он чувствовал себя на своей божественной родине. Он чувствовал себя рождённым из божественной основы мира; он переживал себя в единении со своим Богом, со своим истоком. Таким был путь, который проходила каждая душа.

Но он был обрётён – это должно быть высказано, потому что только когда это высказано, полностью постигают эту своеобразную цель познания развития

человечества, – этот путь был обретён благодаря тому, что в человеческой душе увеличивался, а не уменьшался эгоизм! И именно поэтому руководители мистерий придавали такое большое значение правильной, соответствующей подготовке, потому что они знали: если приходит неподготовленный человек, такой, который не обучен бескорыстию и человеческой любви, прежде чем он начнёт свой путь к Богу, у которого нет правильной основы, тогда он, хотя и соединяется через сущность мистерий со своим Богом, но тогда он, конечно, добился бы этого став эгоистичным, себялюбивым существом. Потому что, когда человек удаляется от причастности к внешнему миру и живёт в себе, то он переживает усиление человеческого я; переживает эгоизм, если мне позволено использовать это выражение, усиленным образом. И таким образом созерцающие Бога в этих мистериях, переживающие это благодаря укреплению, усилению их внутреннего я, были способны вести правильный нравственный образ жизни только благодаря внутреннему правильному ядру, несмотря на возрастание их эгоизма. Это был первый вид [мистериального обучения], а именно тот, [благодаря] которому [ученики] достигали высшего видения без посвящения.

В древних культурах Ближнего Востока и Средней Азии был, например, особенно ярко выражен другой вид мистерий – тот, посредством которого человек посвящался в бытие благодаря освобождению от внутреннего переживания. Он должен был подавить всё внутренне-душевное, имеющее место только в обычной жизни. Он как бы извлекался из внутренне-душевного переживания, из забот и печали, побуждений и желаний; а личное бытие приводилось к такому переживанию,

чтобы он самым интенсивным образом переживал всё то, что происходит в повседневной жизни: внешние явления природы. В повседневной жизни переживали зиму и лето. Ученик таких мистерий должен был проходить через смену времён года не просто в том смысле, в каком обычно переживают зиму и лето; он должен был так сопереживать всю жизнь Земли с её похолоданием, с умиранием листьев, растительного мира и всей жизни зимой вплоть до того, что вся его физическая жизнь участвовала бы в этом. Он должен чувствовать себя членом всего земного организма; он должен был переживать внутри себя, в своей душе, печаль и безысходность мороза, он должен был чувствовать себя членом земного бытия. Он должен был ликовать, когда наступало время Иоанна, и солнце находилось в своей наивысшей точке; он должен был чувствовать распускающуюся свежесть жизни так, чтобы он ликовал ей навстречу, словно переживая полное пробуждение жизни. И тогда, когда солнце находилось в своей наивысшей точке, душа приводилась к сопричастности со всем Космосом. Благодаря этому эти люди переживали Космос совсем иначе, чем мы переживаем его в нашем [сегодняшнем] рассмотрении природы. Они возвышались к духовно-душевному, изливающемуся через наш Космос и ощущали себя в душе Вселенной.

Если человек в качестве ученика проходил это посвящение, то он, в свою очередь, приходил к совершенно определённому переживанию. Человек как бы выходил из себя наружу, но не в плохом, а в хорошем смысле. Человек приходил к состоянию пребывания вне себя – его не любят называть экстагическим состоянием, потому что этим словом сегодня злоупотребляют и часто

используют для того, чтобы нечто осудить. Человек приходил к лицемерию всего Космоса поверх природных явлений, приходил к чувству единения себя со всем Космосом. А затем возникало совершенно определённое переживание, которое можно выразить примерно в следующих словах. Ученик мог сказать себе: «Я могу жить с Космосом, я могу пережить в себе самым интенсивным образом то, что Космос содержит в себе в качестве духовно-душевных сил, и кое-что здесь мне становится ясно, а именно то, что у Космоса есть цель, в конце концов, создать человека. Я – сын Космоса! И если бы человека не было в Космосе, то творение не достигло бы своей цели, не достигло бы своего завершения». – Существует большая разница между описанием абстрактными словами того, о чём я сказал сейчас, и переживанием этого после преображения всей души, после того, как человек продвинулся так далеко, чтобы действительно почувствовать себя частью Космоса. Ученики этих мистерий это чувствовали. Благодаря этому повышению всего человеческого сознания совершенно необходимо было, чтобы человек при этом переживании пришёл к осознанию чувства гордости. В том совместном пребывании с божественно-духовным этого мира присутствовала гордость, равно как другая совместная жизнь, обретенная благодаря миру чувств, была эгоистичной. И здесь нравственное развитие ученика должно было доходить до того, чтобы тот, кто должен был пережить божественное и при этом видел, что весь внешний мир, нацелен на человека, не впал окончательно в высокомерие.

Таким двояким образом были получены все знания, ставшие познаниями человечества в древности. Что тогда было необходимо? В те древние времена было необхо-

димо, чтобы человечество, так сказать, получило свежие силы, благодаря которым оно было приведено к восходящему развитию – это было необходимо, потому что при своём рождении на Земле оно не проживало эту внешнюю чувственную жизнь полным образом, подобно ребёнку, в котором не может проявиться всё человечество. Это человечество [того времени] пришло к человечеству в полном смысле этого слова [только] через мистерии. Вся древняя культура состоит из двух частей: из того, что переживали, усиливая внутреннюю жизнь, или из того, что переживали, созерцая всё великое мироздание в его грандиозных состояниях, и могли себе сказать так: «Всё это устремляется, тянется к человеку, к тому, что я несу в себе как духовно-душевное». – В частности, последний ученик мистерий так взирал на мировые дали, что он говорил: «Там, в мировых далях, есть то, что должно осенить меня, что должно проникнуть в меня, если я должен познать себя человеком в полном смысле этого слова. Я живу на Земле и не могу заглянуть в дали мира. Но если на меня всё же снизойдёт дух из мировых далей, тогда я смогу считать себя человеком в полном смысле этого слова».

Тогда наступила эпоха, когда юношеские силы человечества до некоторой степени иссякли, когда весь род человеческий дошёл до той ступени, на которой отдельный человек находится между тридцатью и тридцатью пятью годами. Теперь мне пришлось бы снова прочитать много лекций, если бы мне пришлось подтвердить то, что я должен обосновать сейчас. К тому времени, [когда человечество вступило в] этот возраст развития, древние мистерии утратили для людей свой смысл, просто потому что то, что сейчас было обрисовано –

мистерии – было дано молодому человечеству. Теперь произошло то, что сегодня ещё так трудно признать человеческому разуму. По сути, в древних мистериях на отдельного ученика [более не осуществлялось] нисхождение духа, совершавшегося только тогда, когда он уходил из обычной повседневной жизни, когда он извлекал из себя свою душу. Произошло так, что даже если бы человек и дальше пытался таким образом выйти из себя самого, то он уже не увидел бы духовно-душевного, приходящего из Космоса. Ученики в древности чувствовали, если находились в правильном пункте развития: «То, что лежит в основе мира как духовно-душевный элемент, нисходит на меня, проникает в меня». – Ученик мистерий, особенно, в Персии и на Ближнем Востоке, не находясь в своём повседневном человеческом состоянии, чувствовал, как дух опускался в его душу, как дух мира пронизывал его. Пока в человечестве существовали силы молодости, так оно и происходило. Теперь можно доказать, что в греко-латинскую эпоху это прекратилось для человеческой природы, и наступило время, когда совершали все древние обряды, но не будучи как прежде инспирированными из Космоса, когда инспирации уже не происходило, потому что человек в своей душе имел способность инспирироваться мирами в мистериях только обладая свежей, неизрасходованной юношеской силой [человечества].

Но теперь произошло нечто другое. То, что более не могло проникнуть в отдельного человека, к чему индивидуальная человеческая природа больше не была способна даже посредством особых мистериальных действий, теперь особым образом вступило в человеческое развитие. Потому что должен был существовать человек,

который непосредственно соединил друг с другом два мистериальных пути. Таким образом, мы видим – взирая с точки зрения духовной науки, совершенно не учитывая все Евангелия – Христа Иисуса, вступающего в мировое развитие!

Теперь можно сказать следующее: предположим, что, возможно, какой-то человек вовсе ничего не знал бы о Евангелии, что его лишили возможности увидеть христианскую культуру изнутри; предположим, что сегодня он вступает в духовный мир, проникнутый только духовной наукой, тогда он смог бы развить в себе то же, что я сейчас высказал в качестве предположения. Он должен был бы сказать себе: «Однажды в развитии человечества наступил такой момент. Развитие человечества продвинулось вперёд; люди сохранили духовную сущность. И это смогло произойти только благодаря тому, что в земное развитие вошло то, что раньше принимал только отдельный человек». – *Однако мне пришлось бы прочитать много лекций*⁶, чтобы всё это объяснить. Если люди соберут воедино всё, что предлагает духовная наука, то обнаружат необходимость, которую можно выразить в одном тезисе: было необходимо, чтобы в указанной точке развития человечества находилось существо, которое восприняло то, что раньше мог воспринять ученик мистерий, оно восприняло это благодаря внутренней силе души, благодаря высшей силе в душе. Другими словами: в историческом развитии человечества должен был появиться человек, который в своей прошлой жизни на Земле воспринял то, что благодаря одному виду мистериального развития действует внутренне, внутренне подготавливает душу к непосредственному постижению того внешнего, что дал человеку другой вид мистерий.

Таким образом, Христос Иисус предстаёт перед духовной наукой как Существо, которое благодаря внутренним и природным задаткам обладало тем усилением души, которое было приобретено в одном виде мистерий, и в то же время благодаря этому было способно воспринять то, что в другом виде мистерий приходило к ученику из Космоса. Итак, мы [таким образом] взираем в духовной науке на Христа Иисуса, и значит должны сказать о том, что то, что древний ученик мистерий искал как свою связь с божеством, выразилось в Христе Иисусе как непосредственный исторический факт. Когда это проявилось? Это проявилось в том возрасте жизни, когда в отдельном человеке израсходовались те силы, которые, как мы видели, были истощены в определённый период у всего человечества. Когда Иисусу исполнилось тридцать лет, он как человек находился именно в том возрасте, в котором к этому времени находилось развитие человечества. Тогда он воспринял Того, Кого мы теперь называем Христом, и его принятие произошло в момент, характеризующийся Евангелиями как *Крещение Иоанном в Иордане*⁷. Тогда Иисус принял Христа в свою полностью развитую душу; он принял в свою внутренне укрепленную душу того, кто является Духом Космоса. Таким образом, в этом переломном этапе развития человечества находится человек, воспринявший в себя божественно-духовное. Перед душой духовной науки это предстаёт таким образом, что мы можем сказать себе: то, к чему стремились в древних мистериях, стало историческим событием!

И теперь мы смотрим дальше на то, что в Евангелиях упоминается как смерть и Воскресение, и перед нами предстаёт духовно-научно то событие, которое мы описываем, говоря таким образом: с того момента в земном

развитии человечества присутствует нечто такое, чего раньше не было. Это то, что будет действительно трудно понять современным [людям]. В течение всего древнего времени соприкосновение человеческого с божественным в действительности было возможно только в мистериях. Духовные вещи, извлечённые из мистерий, были другими. *В событии, о котором мы сейчас говорим, – в наиболее [плодотворный] момент для развития человечества*⁸ –, произошло соприкосновение пронизывающего Космос духовного с человеком таким образом, что [благодаря] событиям от смерти до того, что мы называем Воскресением, а также благодаря тому, что Христос пережил в течение трёх лет своих деяний, [развитие] продвинулось так далеко, что затем эта сила исходила, изливалась из Мистерии Голгофы; то есть, если раньше она находилась, так сказать, во внеземном Космосе, то с того момента она содержится в земной части Космоса.

В прежние времена для получения сверхъестественного развития [в двух видах мистерий] необходимо было скрываться. Подземным называли один вид мистерий, при котором человек внутренне усиливал себя до того, что не достигалось в пределах нормального развития; сверхчеловеческим называли другой вид мистерий, при котором человек соперничал Дух Космоса, когда воспринимал Его, так, как это было описано. Человек должен был выйти за пределы этих древних мистерий, и только тогда он мог достичь слияния с Божественным. Благодаря Мистерии Голгофы совершилось нечто, являющееся духовным изначальным фактом, потому что от него исходит то, чего прежде не было в человеческом земном развитии. До этого люди жили в земной сфере, находившейся за пределами того, что черпалось из Космоса при

инспирации в мистериях. Теперь это перешло в одного отдельного человека благодаря событию, называемому Крещением Иоанном в Иордане, и от этого отдельного человека оно излилось в атмосферу Земли, вследствие чего каждая человеческая душа, погружающаяся в это, так как она при этом ищет духовно-душевную связь, участвует в том, что из этого следует: в Воскресении.

Благодаря этому человек со времени Мистерии Голгофы живёт в духовном окружении, о котором мы можем сказать: «Это духовное окружение «пронизано Христом», потому что оно восприняло в себя импульс Христа». – После того как мы вступили в эпоху нисходящего человеческого развития, мы можем установить наши отношения, нашу связь с Христом [только], если мы решимся в душе преодолеть отмирающие силы в нас самих. В старом смысле мы [больше] не находим духовного истока человека. В новом смысле нам это удаётся, когда мы ищем путь приближения ко Христу и находим его в духовной атмосфере Земли. Поэтому именно для духовного исследователя это событие Христа проявляется совершенно своеобразным образом, и, может быть, интересно привести здесь как раз то, что сам духовный исследователь переживает вместе с Христом, чтобы тем самым можно было увидеть также и в этом в достаточно полной мере всё значение импульса Христа для развития человечества.

Если духовный исследователь испытывает в себе то, о чём я говорил, что является душевным процессом, то есть, что душа вживается в духовный мир и переживает духовным образом то, что обычно она испытывает чувственно-физическим образом, то она, в самом деле, переживает в духе совокупность духовных существ. Но она

переживает эти процессы своеобразным образом, в зависимости от того, пережила ли она и почувствовала ли ещё в физическом теле, во время обычного физического бытия, в себе Христа, импульс Христа, или не осуществила этого. Можно и сегодня быть духовным исследователем, не имея никакой внутренней, духовной связи с импульсом Христа. Можно пройти через душевное развитие, можно научиться духовному созерцанию, и благодаря духовно-душевному созерцанию можно будет исследовать многое из того, что является мировыми тайнами, что является мистериями, заложенными в основе мира, но не иметь возможности ничего узнать об импульсе Христа и Его Существо! Если человек ещё в физическом теле до начала духовного созерцания установил душевную связь с Существом Христа, то он привносит её в духовный мир; и то, что получают в физическом теле как переживание Христа, сохраняют также для духовного мира, как память. И тогда увидят, что в этом физическом теле, от которого, естественно, отделены при духовном созерцании, человек уже мог иметь связь с духовным миром: эта духовная связь есть связь с Существом Христа.

Мы видим, что современный человек вынужден был бы потерять связь с духовным миром, если бы не захотел найти его на другом пути через Существо Христа. Именно в качестве духовного исследователя учатся осознать, насколько это бесконечно необходимо со времени Мистерии Голгофы искать эту связь в отношении человеческой души к импульсу Христа, чтобы сохранить в себе связь с внутренней духовной жизнью. Таким образом, импульс Христа предстаёт в качестве того, что дано человечеству как духовное в то время, когда древнее наследие, существовавшее в развитии человечества

в дохристианскую эпоху, теперь более не существует. То, что человек переживает после тридцатого – тридцать пятого года, пережило всё человечество с начала нашего летоисчисления. Наша внутренняя культура во всей внешней жизни, конечно, является тем, что душа переживает во время повседневной жизни. Но развитие человечества не имеет тела подобно отдельному человеку. Развитие человечества потеряло бы свою связь с божественной духовностью, имевшей место ранее ещё благодаря юношеским свежим силам, если бы чрезвычайно высокое Существо – Существо, спустившееся на Землю из Космоса –, не излилось бы в развитие земного человечества, и вследствие этого человек снова имеет возможность найти свою связь с духовным миром.

Собственно говоря, я знаю, что сегодня в высших кругах эти вещи ещё мало популярны и, вероятно, ещё меньше, чем общие принципы и общие законы духовной науки. Я также знаю, что в краткой лекции я могу дать не более чем эти несколько импульсов, потому что в отношении такой важной темы я, конечно, не могу привести к возникновению убеждения, но может быть дан только импульс относительно направления духовных исследований, которые должны быть продолжением исследований природы, относительно направления, которое духовная наука занимает по отношению к импульсу Христа, к Существому Христа. Конечно, то, что здесь было показано, должно очень медленно и постепенно вживаться в человеческую душу, и оно будет вживаться по мере вживания [в неё] самой духовной науки. Духовная наука, естественно, не так удобна, как некоторые другие вещи, принятые человеческой душой. Духовная наука делает это предпосылкой для того, чтобы человеческая душа

преобразилась до того, как она придёт к познанию. Поэтому сегодня, когда по отношению к духовному человек охотно допускает некоторую пассивность, оно [вначале] ещё упорно отвергается. Но именно по отношению к переживанию Христа духовная наука указывает на нечто значительное!

Что мог найти в мистериях человек, искавший свою связь с Божеством? Хотя он мог найти связь с духовным, но он должен был выйти за пределы самого себя вместе со своей человечностью в том или ином направлении; в переживании божественного он должен был стать, так сказать, тем, кто уже больше не является человеком. Собственно говоря, в переломном моменте, обрисованном мною произошёл значительный прогресс, произошло великое событие, вступившее в развитие человечества: [*человек больше не мог*⁹ выходить за пределы себя самого указанным образом, потому что он больше не нёс в себе юношеских сил человечества. Он, так сказать, не мог выходить за пределы себя самого, так как человечество вступило в другой возраст жизни, юность уже осталась позади. Теперь человеку больше не нужно было выходить за пределы себя самого в ту или иную сторону, однако благодаря Мистерии Голгофы произошло нечто, из-за чего человек со своей обычной человечностью хотя и выходил, но всё же оставался человеком].

Сейчас для достижения Бога человек больше не нуждается в увеличении либо своего эгоизма, либо своей гордости, напротив он достигает Бога благодаря тому, что остаётся человеком, [*в котором он сам приводит свою человечность*¹⁰ к высшему «Я», к большей внутренней душевности и тем самым преодолевает и внешнее]. Итак, благодаря тому, что Христос вошёл в ход развития

человечества, теперь можно сказать человеку: «Ты должен оставаться человеком; также и внутренне ты должен оставаться человеком, потому что в себе ты находишь то, что было погружено в твою душу со времён Мистерии Голгофы. Тебе не нужно выходить из человека ни вниз, ни вверх». – Увеличение эгоизма некогда было необходимо в одном [виде мистерий], увеличение гордости – в другом. Но то, что [сегодня] после Мистерии Голгофы необходимо человеческой душе, которая должна теперь найти то, что ранее находили в человечестве, в самой человеческой земной истории – то, что [тогда] было необходимо – и что нельзя описать никаким другим словом: это – самое глубокое, самое значительное свойство человека, это – любовь! В одном виде мистерий должен был развиваться эгоизм, в другом виде мистерий – гордость. Теперь речь идёт о том, что человек становится способен выйти в данный момент за пределы этого эгоизма и этой гордости и почувствовать в себе высшего человека, стремящегося преодолеть эгоизм [и гордость]. И в то же время речь идёт о том, чтобы прийти к развитию, не подталкивающему к гордости и надменности, а остающемуся внутри элемента любви. Это лежит в основе важнейших слов Павла: «Не я, но Христос во мне!» Со времени Мистерии Голгофы человек изначально ощущает Христа как Того, благодаря Кому соединяются со своим божественным, не только на словах, но [в действительности] через Мистерию Голгофы.

«Когда Бог вне меня желает излиться в меня, когда я нахожусь вне моего тела, *когда я пребываю в Боге во Вселенной*¹¹ за пределами глубин собственной души, если я усилил [себя] в себе для своей собственной души, тогда я созерцаю тайны любви!» – Это мог сказать себе ученик древних мистерий, а вместе с ним и все остальные люди,

которые были последователями тех или иных вероисповеданий. [Речь идёт не о том, что постигается вне меня, а о том, что я нахожу, когда хочу продолжать пути своей собственной души, когда исхожу из того, что испытываю в повседневной жизни: единственное, что мы переживаем на Земле, когда выходим из себя, – это любовь, которую я нахожу в другом существе – возможность одной души проникнуть в другую душу]. Человек остаётся душой, которой он является, когда находит себя исполненным любви в другой душе; человек остаётся существом, которым он является, когда полным любви находит себя в другом существе. Человек остаётся и всегда ещё является человеком, когда желает найти в себе Христа, и он находит в себе Христа, потому что благодаря Мистерии Голгофы стало возможным, что душа, выйдя за пределы себя и оставаясь теперь в человеческой сфере, приходит к тому, что произносит слова Павла: «*Не я, Христос во мне!*»¹² Это мистическое переживание, когда чувствуют, что высшее «Я», высшая человечность живёт в Христе, что эта высшая человечность является тем, что несёт собственную душу от жизни к жизни, от тела к телу, что вводит душу в духовное. Это переживание Христа в себе – это мистическое переживание! По правде говоря, мы не можем испытать это, если не выйдем благодаря развитию той силы души, которая выказывает себя в различных проявлениях любви, не выйдем за пределы самой души, но [оставаясь] в ней. Так человек мистическим образом переживает в себе Христа. Затем духовная наука показывает, благодаря чему как раз стало возможным переживание этого события Христа, и в этот раз я, возможно, позволю себе дать объяснение, приведя сравнение, которое немного больше, чем сравнение.

В западной философии много раз и совершенно правомерно говорилось, что мы не могли бы видеть цвета, если бы у нас не было глаз. Наши глаза должны были быть созданы для цвета, так сказать, уже внутренне предопределены цветом. Если бы у нас не было глаз, мир вокруг был бы бесцветным и тёмным. Так же обстоит дело и с другими чувствами. Чувства предопределены для внешнего мира. Это и привело Шопенгауэра и других философов к тому, чтобы назвать мир нашим представлением. Гёте нашёл очень хорошее выражение:

*Если бы глаз не был солнцеподобным¹³,
как мы могли бы увидеть свет?*

То есть, если бы в глазе не были заложены силы, которые дают способность видеть цвета, то мир был бы бесцветным и тёмным. Конечно, человеческая душа никогда не сможет прийти к пониманию Христа, если она внутренне не переживёт этот процесс, который я пояснил, а именно, не выйдет в себе за пределы себя самой, чтобы пережить в себе истинность слов Павла: «Не я, но Христос во мне!»

Но именно Гёте противопоставил своему собственному изречению другое изречение, и важно, что дополнительно он высказал следующие слова:

*Если бы не было света¹⁴, который некогда из слепого существа
Извлёк глаза, то глаз бы также не было.*

Одно изречение так же верно, как и другое. Без глаз существо не могло бы ничего воспринимать, а без света не было бы глаз ни у одного живого существа. Истинно

так: если бы душа не переживала в себе Христа, то мир для неё был бы лишён Христа. Если бы в нашей душе не было Христа, то как мы могли бы воспринять Христа? Но обратное также верно, и это как раз и показывает наука о Христе: внутреннее переживание Христа возможно только благодаря тому, что импульс Христа, Сущность Христа были восприняты земным развитием человечества описанным образом, и что извне, в определённый исторический момент, в человечество вступил импульс Христа. Без исторического Христа не было бы мистического Христа. И это лишь абстрактные слова, если кто-то хотел бы утверждать, что душа может прийти к переживанию Христа без вступления исторического Христа в развитие человечества, потому что до Мистерии Голгофы не было мистического переживания Христа. Всё, что выдают за таковое, основано на непонимании – этого не может быть. Так же мало, как глаз имелся бы у какого-либо живого существа без солнца, без которого глаз [не может] видеть, также и исторический Христос в истинном смысле этого слова воспринимается только тем, кто переживает мистического Христа в самом себе. Таким образом, духовная наука как совершенно свободное от Евангелия видение через [понимание] развития человечества ведёт ко Христу. И так как она признаёт Христа, в качестве однажды пришедшего историческим образом, она в то же время признаёт, что это Существо Христа должно было войти в человека, однажды должно было жить в человеке, чтобы благодаря этому человеку, [исходя из него], мог быть найден путь к Существо Христу на духовной Земле.

Таким образом, духовная наука приходит ко Христу, а через Христа – к историческому Иисусу, и это в то время,

когда внешнее исследование так много раз ставит его под сомнение. Я не могу пускаться в рассуждения об этих сомнениях, но также и здесь, в Гамбурге, есть общество внешней науки, которое исходя из [доступных ему] свидетельств так часто ставит под сомнение исторического Иисуса. Конечно, то, что было высказано именно сегодня вечером, может вызвать возражение за возражением. И я могу в полной мере понять это возражение, когда некоторые, выслушав меня сегодня, завтра скажут себе: «Всё-таки всё, что было высказано там, всего лишь фантазии». – Возможно, сегодня это всё ещё выглядит так, но духовный исследователь знает, как обстоят дела с этими вещами, он знает, что сегодня об этих вещах, конечно же, ещё думают так, как в своё время думали о великих мировоззрениях многих реформаторов. Духовный исследователь знает, что вместе с его разъяснениями даётся серьёзный импульс на пути, создаваемом духовной наукой, чтобы прийти ко Христу через духовное рассмотрение самого развития человечества и увидеть из природы этого Христа необходимость, таким образом прийти к Иисусу, к историческому Иисусу. Можно было бы высказать парадоксальные слова: если бы не было Евангелий, если бы все Евангелия были утрачены, то духовная наука всё равно пришла бы, исходя из хода развития человечества к познанию божественного Существа Христа, и от этого божественного Существа Христа к осознанию того исторического факта, что это Существо Христа жило в то время, когда развитие греко-римской культуры достигло своего переломного момента. И если бы мы вдавались в подробности, то можно было бы более или менее точно, хотелось бы сказать, с математической точностью, указать, в какое время жил и должен был жить Христос.

Таким образом, если человек идёт навстречу Христу с таким духовно-научным пониманием, которое также ведёт и к пониманию его исторической сущности, то только тогда он [полностью] понимает Мистерию Христа, когда рассматривает духовное действие в его исторической необходимости, когда рассматривает его как событие того периода в развитии человечества, которое становится неизбежным у отдельного человека с тридцати пяти летнего возраста. Духовная наука может принести миру познание духовной сущности Христа, и она придёт в нужный момент, потому что простой индивидуум уже начал сомневаться в том, что существовал исторический Иисус, – и тогда духовная наука приведёт ко Христу. Если в этом смысле понимать Христа в его связи с развитием человечества, то будет понято и прошлое исторического Иисуса, и тогда люди будут воспринимать Евангелия не просто как исторические документы, а как то, что изливается в их души. И таким образом через сопереживание того, что написано в Евангелиях и Посланиях, получают возможность найти то, что живёт в земной ауре со времён Мистерии Голгофы.

Подводя итог, я должен сказать: для нашего времени, по-видимому, необходимо новое познание Христа Иисуса! Духовная наука не только желает, но и должна через свои предпосылки привести ко Христу; [она достигает] непосредственного видения Существа Христа, исходя из духовного рассмотрения человеческого развития, и на этом пути приходит как раз к несколько иному пониманию. Подобно тому, как существование глаз представляется нам возможным только благодаря тому, что они были вызваны из организма солнечным светом, силой солнца, так, если мы проникаем в Мистерию Голгофы

духовно-научным образом, то всё более и более предстаёт перед нами в своём историческом виде то, что представляло собой центральный момент в развитии человечества – как солнечная сила, из которой исходит то, что человек может пережить как своё самое глубинное, как своё самое святое в настоящее время. [*Если Христос*¹⁵ становится человеком, тогда духовная наука может научить понимать Христа, она может привести к переживанию Христа, чтобы люди могли найти Иисуса через Христа:] от Христа к Иисусу!

Поэтому в нашем сегодняшнем рассмотрении я попытался занять исходную точку развития человечества, чтобы направить взгляд от Иисуса, на которого уже так многие недоверчиво смотрят сегодня, ко Христу, потому что в будущем Иисус снова будет найден на пути, который можно описать словами: через духовное познание Христа – к историческому познанию Иисуса!

Лекция одиннадцатая

Рафаэль в свете духовной науки

Мюнхен, 11 марта 1913 г.

Уважаемые слушатели! Тема сегодняшнего вечера выбрана не для того, чтобы связать рассмотрение духовной науки с известным историческим явлением – как это происходит во многих других областях – и таким образом, исходя из этой точки зрения, иметь возможность говорить о вещах духовной науки, принимая во внимание давно известное явление. Скорее, эта тема возникла из-за того, что по отношению к художественному проявлению *Рафаэля*¹, действительно, исходя из духовного рассмотрения нашего времени могут возникнуть определённые точки зрения современного духовного исследователя, которые как раз в отношении этой темы можно сказать нуждаются в духовно-научном способе рассмотрения. Это может выступить навстречу, как это произошло со мной, благодаря тому, что мы рассматриваем явление, подобное тому, которое может быть обнаружено в литературной и художественной деятельности Германа Гримма. *Герман Гримм*², исполненный духа писатель-искусствовед, написал, как известно, «Жизнь Микеланджело», которая, как бы она не была устаревшей в деталях, даже сегодня производит большое впечатление на каждую восприимчивую душу благодаря обширности точек зрения и завершённости способа рассмотрения.

Затем Герман Гримм также предпринял попытку – он сам характеризует её только как попытку – написать «Жизнь Рафаэля». Вообще говоря, с этой «Жизнью

Рафаэля» Герман Гримм обошёлся очень своеобразно, и то, что с ним, так сказать, произошло при этом, может произвести большое впечатление на любого, кто благодаря всё большему углублению в способ представления и способ воззрения Германа Гримма приходит к осознанию, насколько, несмотря на существующие упреки, у него присутствует то, что можно назвать соперничеством рассматриваемой темы во всех подробностях, обретением себя в воззрениях и мнениях, к которым он проникает. Итак, он пытался в шестидесятых годах девятнадцатого века написать о жизни Рафаэля; и в конце своей жизни он признаёт, что попытки были для него недостаточны, и что он начал снова и снова подходить к этой задаче по-другому. У нас есть интересный фрагмент из наследия Гримма «Рафаэль как мировая сила», в котором незадолго до смерти он ещё раз подошёл к этой задаче и в котором он признаётся, насколько всё из того, что он написал там ранее, не может его удовлетворить. Он умер во время последней разработки этих его представлений о Рафаэле. Но, в конце концов, интересно наблюдать, как такой великий дух снова и снова подходит к этой задаче, как он, в последний раз, опять делает это в последние дни своей жизни, и как он борется, чтобы понять Рафаэля. Это можно увидеть в этом фрагменте.

То, каким образом он борется, чтобы понять Рафаэля особенно интересно, потому что для описания и осмысления находящейся в Милане всемирно известной картины «Обручение Девы Марии», ему потребовалось написать значительно более длинное введение, и это более длинное введение на самом деле является частью всемирной истории. В нём рассматривается природа и сущность римской культуры, рассматривается

действие импульса Христа в этой римской культуре, рассматривается дальнейшее развитие этого импульса Христа в европейской духовной культуре и затем следует дальнейшее рассмотрение нового вклада древнегреческой культуры в современную римскую духовную культуру во времена Рафаэля. И при этом Герман Гримм утверждает, что всё это необходимо рассмотреть, чтобы понять только эту картину Рафаэля, «Обручение Девы Марии», так как то, что выражается в этой картине, представляется ему столь всеобъемлющим, столь проистекающим из всего развития человеческого духа, что он полагает, что в творении Рафаэля сокрыто всё то, что внутри европейской духовной жизни ощущалось, мыслилось, можно было увидеть с момента вступления импульса Христа до создания этой картины. Вероятно, также название этого фрагмента о Рафаэле у Германа Гримма возникло исходя из ощущений, появившихся из такого мнения. Он называется – возможно, его сочтут странным – «Рафаэль как мировая сила», потому что на самом деле Герман Гримм ощущает стремление написать его для понимания Рафаэля во всех причинах, следствиях, взаимосвязях всей современной духовной жизни. Тот, у кого есть ощущение возникновения определённых всеобъемлющих идей в человеческой душе при рассмотрении какого-либо предмета или существа, сможет разделить чувства, стоявшие на переднем плане в душе Германа Гримма, когда в этом своём последнем фрагменте о Рафаэле он написал слова:

*Рафаэль – гражданин мировой истории*³. Он подобен одной из четырёх рек, вытекающих из рая согласно верованиям древнего мира.

Возможно, существует много научных дискуссий о значимости Рафаэля, но хотелось бы сказать: по сравнению со всеми ними воспринимается как нечто невероятно значимое то, что здесь подтолкнуло рассматриваемую человеческую душу так высказаться об этом духе.

Если подобному позволить воздействовать на себя, так сказать, полностью исходя из духовной жизни нашего времени, которая у Германа Гримма ещё не сильно находится под влиянием того, что мы сегодня [в наших кругах] называем духовной наукой, нужно признать стремление к более глубокому рассмотрению Рафаэля – стремление посмотреть на него так, чтобы созданное им для духовного взора выросло из непрерывного потока человеческого развития. И, действительно, для того, кто непредвзято углубляется в душу Рафаэля, она покажется – именно благодаря определённому виду изоляции по отношению ко всему, что её окружает – словно неким видом откровения, потому что, как не старайся, не удастся принять то, что непосредственно жило в окружении во времена Рафаэля, в качестве объяснения того, как происходит то, что это необычайное явление входит в духовный ход человечества и ставит перед человечеством именно то, что так глубоко действовало на отдельные самоотверженные умы. Изначально я хотел бы отметить, что, конечно, в ходе этой лекции не могут быть затронуты подробности, потому что об отдельных картинах можно на самом деле плодотворно говорить только тогда, когда существует возможность представить репродукции. [*Скорее, речь должна идти о том*⁴, чтобы из таких предпосылок, которые были только что представлены и вытекают из нашей нынешней духовной жизни, совершенно естественным образом перейти к рассмотрению Рафаэля с точки зрения духовной науки].

В некотором отношении этот Рафаэль представляется нам в какой-то мере понятным исходя из его окружения, если мы представим себе его ещё совсем маленьким ребёнком. Как всем известно, он родился в Урбино в 1483 году. Первые впечатления его души исходят от здания дворца Урбино, которое для того времени было чрезвычайным явлением, и благодаря которому душа совсем юного Рафаэля смогла воспринять то, что выражалось не только в архитектурных формах, но и во всех художественных украшениях и произведениях, связанных с этим дворцовым сооружением. Там присутствовали впечатления, о которых можно сказать: они призваны к тому, чтобы душа сформировала себя сама. Но затем мы видим переезд Рафаэля в Перуджу, и если мы рассмотрим жизнь в Перудже в то время, когда Рафаэль был там учеником художника, то перед нами тотчас же предстаёт эта своеобразная, обособленная душа Рафаэля. Если мы проследим эту жизнь в Перудже, мы осознаем, насколько она наполнена отчасти отталкивающими для нашего сегодняшнего сознания событиями. Битва за битвой бушует между отдельными родами среди пылкого населения Перуджи, и, несомненно, что Рафаэль мог видеть там то, что происходило в жизни при разжигании ненависти, при противоборстве в человеческой натуре.

Если мы, помня об этом, посмотрим на то, что дало искусство Рафаэля в его безмятежности, которая уже встречалась нам в «Обручении Марии», созданной на двадцать первом году его жизни, то мы обнаружим, что имеем право сказать: этот Рафаэль предстаёт перед нами как личность так, как если бы он только внешне присутствовал во всей этой жизни Перуджи, только касался её подолом своего одеяния, а на самом деле просто смотрел

на то, что я хотел бы охарактеризовать не абстрактно, а конкретно, направляя свои мысли на *историка того времени*⁵, который достаточно наглядно описывает сцену, которая произошла в Перудже в девяностых годах пятнадцатого века. Здесь мы действительно благодаря наглядному описанию становимся свидетелями того, как предводитель изгнанного рода вступает из окрестностей в Перуджу; нам описывают, как этот вождь одного изгнанного рода, *Асторре Бальони*, въезжает в город верхом и действует как святой Георгий, но в то же время уничтожает всё, что ему противостоит. Мы чувствуем благодаря летописцу Матараццо, что в этой сцене царит нечто значительное, мощное, но неприятно беспощадное. Если мы позволим *картине Рафаэля «Святой Георгий»*⁶, со всей её композицией, воздействовать на нас, то нам покажется, что Рафаэль знал эту сцену в реальности, но для его взгляда словно не существовало всего жестокого заднего плана действительности, он как бы отрывается от реального жестокого кровавого плана, и как будто возвышает её к творению чисто духовной красоты и величия.

Именно в том, как это происходит во всей манере творчества Рафаэля, как это струится в его душу, видно, как своеобразно изолирована эта душа по отношению к своему окружению, и как это окружение лишь касается её, но как то, что он черпает из него, можно породить только из собственной души. Таким образом, эта душа воздействует [на наблюдателя] как откровение, как то, что помещено в это окружение, но необъяснимо из него самого. Если мы посмотрим на картины *учителя Рафаэля в Перудже, Перуджино*⁷, то увидим, как несмотря на всё величие Перуджино, эти картины показывают нам, как здесь в отдельных персонажах святых христианского

воззрения перед нами предстаёт нечто, что является воспроизведением того, что может воспринять человек, живущий в христианском окружении. Здесь мы видим, что отдельные образы христианского предания поставлены рядом друг с другом так, как это может сделать тот, кто, хотя и велик как художник, но знает вещи только с внешней стороны. В том, как эти картины предстают перед нами, мы везде чувствуем путь от христианской традиции, от того, что жило в существовавшем тогда христианстве, к полотнам Перуджино. Затем давайте проследим творения его ученика Рафаэля. В них вещи представляются нам другим образом: мы смотрим на душу, изнутри оживляющую всё то, что изображает тот другой – Перуджино. Повсюду мы видим саму душу Рафаэля, дух, воспринявший христианство не таким, как оно существовало тогда в его среде, но мы видим дух, с душой которого связаны все истоки христианских импульсов. Возможно, не будет преувеличением, высказаться таким способом: кажется будто само христианство волшебным образом творило свою душу на холсте, написанном Рафаэлем.

И затем мы следуем за ним дальше, когда он в 1504 году прибыл во Флоренцию и в 1508 году – в Рим. Во Флоренцию он попадает именно в то время, когда над Флоренцией прошла, я бы сказал, очень важная волна поднятия духа, связанная с *именем Савонаролы*⁸. Мы находим атмосферу, усталости [от этой борьбы] – всё ещё присутствовали последствия разыгравшейся драмы Савонаролы. Интересно сопоставить как раз эти две фигуры друг с другом: Савонаролу и Рафаэля. Они оба [по-своему] представляют импульсы христианства перед современниками; они представляют их так, что мы повсюду воспринимаем огонь внутреннего воодушевления, но

[у Савонаролы] также связанного с невероятным фанатизмом, приводящим к невозможности претворения в жизнь импульсов по отношению к современникам. Когда мы смотрим на Савонаролу, то он предстаёт перед нами подобно человеку, охваченному величием и силой христианства на всех этапах своей души, в лучшем, что может испытывать и чувствовать его душа, человеку, теперь изливающему то, что совсем элементарно и непосредственно воздействовало на его душу, а затем отстаивающему то, что стало таким великим в его собственной душе. А теперь о Рафаэле: он оказывается весьма необычным в контрасте с такой личностью, как Савонарола. Рассматривая картины Рафаэля, мы видим христианские импульсы в некоем, можно сказать, сверхчеловеческом величии выступающими нам навстречу. Мы видим, что эти христианские импульсы живут душевным образом вплоть до многочисленных деталей. Мы действительно видим, как в этих картинах проявляется христианство. Но в то же время мы чувствуем и ощущаем, что душа, непосредственно охваченная только находящимся в её окружении христианством, не смогла бы прийти к спокойствию, к естественности, к той отрешенности, к которой как раз пришла душа Рафаэля.

В то время как у Савонаролы повсюду чувствуется, что его душа воспринимает величие христианства впервые при его жизни, то у Рафаэля возникает ощущение, что его душа уже рождена так, как если бы она вступила в мир с христианскими импульсами, живущими в ней от рождения – с такими импульсами, которые могут, начиная с раннего детства, перейти ко всему человеку, охватить всего человека и благодаря этому развитию достичь той высоты, до которой они никогда бы не поднялись

в этих идеях и формах в человеке, если бы возникли только элементарно и непосредственно. И если мы не педантичны, если у нас есть определённое чувство для реальной жизни человеческой души, то мы больше не сможем сомневаться в том, что такая душа, как душа Рафаэля, в качестве души, в качестве духовного существа, изначально несёт из сверхчувственных миров всё, что никогда не могло бы проявиться во всей полноте, если бы оно впервые должно было пронизать всё индивидуальное воспитание и развитие. Конечно, такие вещи не могут быть доказаны за один вечер; сверхчувственные истины не могут быть доказаны – *как я объяснял позавчера*⁹ – [таким же способом], как внешние истины естествознания; но они всё равно могут быть доказаны, [потому что] они проявляются в своих последствиях. Нужно сначала найти путь к тому, чтобы по следствиям распознать то, что находится на заднем плане в качестве причины.

Затем мы последуем за Рафаэлем в Рим, где он попадает в атмосферу, странным образом соотносящуюся с христианством. Его заказчиком становится папа Юлий II. Рафаэль пишет по заказу великие картины, которые многие люди считают принадлежащими к величайшим изображениям, написанным людьми: они охватывают человеческую душу и человеческий дух до самой глубины. И он пишет их так, что в них всецело живёт дух христианства, живёт опять-таки очевидным образом. Он пишет картины – это не могло быть иначе – для удовлетворения папы. Но каким папой был этот Юлий? Он был папой, которого, согласно понятиям, которые сегодня стали немного другими, пожалуй, вовсе неверно называть христианином. *Макиавелли*, который был не особенно нравственным человеком, *говорил*¹⁰, что он был дьявольской

натурой, натурой, которая, прежде всего, желала власти и внешнего положения – стремилась к славе, возможно, не лично для себя, но для величия и власти церкви. Он был человеком, неразборчивым в средствах, который вовсе не был христианином, когда дело касалось завоевания власти, славы, величия. Таким был заказчик Рафаэля. И даже если мы посмотрим на окружение Рафаэля в Риме того времени, то оно ему, определённо, диаметрально противоположно. Но именно из этой противоположности вырастает нечто столь же мощное, как то, что предстаёт перед нашими глазами и сегодня в двух картинах «Афинская школа» и «Диспута», хотя эти картины часто реставрировались. В них перед нами предстаёт великое художественное воспроизведение хода развития человечества, такое живописное воспроизведение, которое пропитано духом христианских импульсов.

Если мы рассмотрим одну картину, называемую «Афинской школой» – я не считаю, что это название обоснованно, но так легче всего объяснить –, если позволим этой картине воздействовать на нас, можно увидеть то, что она, возможно, не полностью осознанно для Рафаэля, представляет собой то, что может познать человеческая душа, когда она обращает взгляд на внешнюю, чувственную реальность и служит разуму, привязанному к человеческому мозгу, к человеческой личности. Чудесным образом это выступает нам навстречу во всех подробностях. Если мы обратим взгляд на правую группу на картине, то увидим, как все вещи определяются, исчисляются астрономическим образом, и тогда мы почувствуем: там вычисляется не только обыденное, но в движении звёзд раскрываются великие события мировой истории – там наука разворачивается в космическом смысле. И если

мы затем направим взгляд налево, то увидим по выражению лиц [фигур], соединяющих правое с левым, как слева записывают то, что справа узнали из звёздных констелляций, и если бы мы действительно смогли увидеть нашими глазами те книги, то увидели бы, как слева записывают мировые тайны, которые [справа] обнаружены благодаря внешнему наблюдению. Мы видим это, но Рафаэлю не требовалось это осознавать; в этом заключалась традиция того времени, в ней словно очень глубоко было сокрыто то, что представляет собой суть [*восходящего христианства по отношению к древнегреческой культуре*]¹¹. И независимо от того, принимаем ли мы точку зрения тех, кто рассматривают центральные фигуры Платона и Аристотеля, или занимаемся евангелистом слева – в обоих случаях такое объяснение вполне оправданно.

Затем мы обращаем взгляд на другую сторону «Станца делла Сеньятура»* и находим там, излитым во всю картину волшебство, демонстрирующее нам, как благодаря человеческому духу развитие продвигается вперёд от созерцания чувственного мира к углублению в сверхчувственное, невидимое. Это погружение человеческой души в сверхчувственное господствует и ткёт в картине называемой «Диспута». Символическое расположение звёзд в сочетании со сценами, расположенными в нижней части, должно показать, что в ходе развития человечества произошло нечто значимое, в то время как человек был погружён в себя благодаря вступлению христианского импульса

---

* Оригинальное название Stanza della Segnatura – рабочий кабинет папы Юлия II, стены которого Рафаэль расписал такими фресками как «Афинская школа», «Диспута», «Парнас», «Мудрость, умеренность и сила» с 1509 по 1511 гг. – прим. пер.

в духовное развитие человечества, которое, с одной стороны, означает углубление человеческой души, а с другой стороны, через это внутреннее углубление ведёт к познанию, к предчувствию сверхчувственных миров. Их смогут достичь только тогда, когда сама человеческая душа воспринимает себя и тем самым овладеет теми силами, благодаря которым она может предчувствовать или созерцать миры, *находящиеся позади [чувственных] миров*¹².

Нельзя объяснять такие картины педантичным образом, например, с помощью теорий, здесь необходимо использовать слова, не являющиеся просто комментариями к картинам, но те, что должны указывать на то, что ощущают природным образом. В противном случае эти слова могут быть так же мало привлекательны, как комментарии, написанные в путеводителях, и человека вовсе не [должно было бы] интересовать, что означают отдельные фигуры, [но] заинтересовать может художественная составляющая, ощущение, проходящее через душу, то есть нас непосредственно ставят на уровень духовного развития человечества не благодаря абстрактному мышлению, не благодаря абстрактному пониманию, но благодаря чувству. Мы чувствуем импульс, который живёт и ткёт сквозь историю развития человечества. И опять-таки: если мы сейчас отвлечёмся от этих картин и заглянем в душу Рафаэля, тогда мы должны сказать, что она жила в окружении, которое со своей внешней стороны ничего не выказывало из того, что заложено в этих картинах внутренне, душевно, и [несмотря на это] Рафаэль пришёл к тому, чтобы волшебным образом привнести в эти картины самые сокровенные импульсы и самые сокровенные силы христианского движения на протяжении всей мировой истории.

То же самое происходит и со многими другими вещами, которые мы видим, и если затем возвыситься к тому, что ещё и сегодня может произвести самое глубокое впечатление на человека, рассматривающего картины Рафаэля, то поднимутся к тому, в чём соединилось бесконечно многое из творений Рафаэля, к «Сикстинской Мадонне». Если мы позволим этой удивительной картине в Дрездене воздействовать на нас, то придём ещё к совершенно особому воззрению на эту становящуюся понятной только [из себя] самой душу Рафаэля, тогда мы приходим к действующему духовному импульсу Христа. Если, в свою очередь, созерцать эту «Сикстинскую Мадонну» исключительно через ощущение, то у человека создаётся впечатление, что нечто поднимает его над обыденностью. Это – самое первое впечатление, но такое, которое всё больше и больше усиливается и становится всё более мощным; оно до некоторой степени возвышает над обычным человеческим ощущением. Человек снова становится в своей душе сопричастным иному миру, и тогда спрашивает себя: почему так происходит? –, возможно, всё же лучше всего объяснить это человеку смогут переживания духовной науки. Как могут возникнуть эти переживания духовной науки?

Обратим взгляд с точки зрения духовной науки на всё развитие человечества. Благодаря ей мы стоим *на почве серьёзного, всеобъемлющего учения о развитии*¹³, но учения о развитии очень отличающегося от материалистического, которое сегодня многие считают беспрекословным Евангелием. Конечно, оно прослеживает явления до определённого источника – то есть прослеживает до того источника, который правомерен для чувственного восприятия. Здесь приходят к материальным истокам,

обнаруживающим самые простые формы, приведшие в результате благодаря медленному совершенствованию и развитию к сегодняшнему положению. Данное учение о развитии особенно гордится этим сегодня: пониманием человека как существа, постепенно поднимающегося от зачатков других примитивных живых существ, до его сегодняшнего величия, каким он, в качестве физического человека, выступает перед нами сегодня. В этом некоторые материалисты буквально видят *самое существенное*¹⁴ в человеке. Духовная наука также возвращает нас в прошлое, но если *с помощью методов, описанных позавчера*¹⁵, обратить духовный взгляд назад, то не приходят к другим, материальным формам жизни, из которых должен был развиваться человек, но, в конце концов, приходят к духовному истоку развития. Человек приходит к истокам, которые являются чисто духовными. И, с одной стороны, видят, что само материальное возникает из духа, а, с другой стороны – что духовное развивает свои более поздние духовные формы [в соответствии] с первоначальной, духовной целью.

Если посмотреть на самого человека, на человека целиком, на духовно-душевное в человеке, и проследить развитие, то приходят к прадалёкому прошлому, в котором уже появляется человек; он существует ещё до того, как возникли другие существа, окружающие его сегодня в трёх царствах природы. [*Они оказываются своего рода нисходящими боковыми течениями*¹⁶, так сказать нисходящими потоками, от великой линии развития: человек является изначальным, он является здесь первым, но в качестве духовного существа, а, развиваясь вперёд, он как бы выталкивает из своего нисходящего течения другие царства природы]. Можно выбрать образ для

этого развития. Предположим, что у нас в стакане есть жидкость, смешанная с чем-то, что может оставаться в чистом виде. Более лёгкая жидкость останется на более высоком уровне, более тяжёлая осядет вниз, то есть мы имеем сверху лёгкое, внизу – тяжёлое.

Таким образом, в духовной науке мы возвращаемся к тому истоку, в котором человек присутствует как духовно-душевное существо. В своей духовной жизни он развивается в более чистые формы, заложенные именно в его более поздней миссии и обозначающие [в сравнении с] первоначальным более тонкую организацию его душевного существа. Чтобы это абстрактное душевное могло получиться чистым, он должен выделить другие царства природы: они существуют здесь как бы для того, чтобы дать человеку основу для его высшего развития. Если мы позволим этой мысли действовать на нас не в своей мысленной форме, а как ощущению, если мы преобразуем её в форму чувства, тогда, когда мы обратим взгляд на всё, что окружает нас в физическом царстве природы, перед нами предстанет настоящее; но когда мы обратим взгляд на то, что выступает из человеческой души, то обнаружим нечто, что не имеем возможности понять – если мы позволим взгляду только блуждать по внешней земной природе и не направлять его к чему-то неземному. Мы чувствуем, что нынешнее человечество могло появиться в рамках своей земной миссии только потому, что оно является результатом чего-то, что приходит к нам из других сфер, что является высшим человечеством, которое, так сказать, спустилось вниз, чтобы наполнить Землю современными природными царствами. По отношению к человеческой природе мы чувствуем, что она возвещает нам о своём возникновении из духовных высей. Таким

образом, мы чувствуем, как человечество возвышается, когда мы с помощью чувств переживаем то, о чём может сообщить духовная наука.

Если отвлечься от всего теоретического и сейчас оживить в себе ощущение, которое может возникнуть, если мы прочувствуем человека в его сверхчувственном приближении к его чувственной миссии, тогда мы получаем – надо сравнить ощущения – такое же чувство, что и при воспоминании рафаэлевской «Сикстинской Мадонны», при этом нам навстречу выступает также образ *Изиды с Гором*¹⁷. И тот, кто действительно может сродниться с неземным происхождением человека, сможет воспроизвести подобное чувство [*когда он видит приближающуюся из эфирных сфер*¹⁸ «Сикстинскую Мадонну» с младенцем Иисусом, возвышенным человечеством, и он сможет посмотреть на облака как на основу], эфирную основу, из которой появляется то, что является истинным, духовным, сверхматериальным человеческим истоком. Однако надо сказать, что таким размышлениям совершенно не нужно было [сознательно] находиться в душе Рафаэля, и мы неоднократно подчёркивали, что эта человеческая душа имела двойственную природу, что нечто, происходившее в верхних областях сознания, о чём [низшей] человеческой душе ничего не нужно было знать, было не менее реально; а эти импульсы, импульсы ощущений и чувств, которые действовали так, как только что было описано, позволяют понять только то, как из души Рафаэля возникла эта картина.

Все эти размышления я попытался изложить потому, что хотел бы пояснить то, что представляется мне находящимся у Рафаэля в созвучии с духовной наукой: в его изолированной от окружающей среды душе перед нами

предстаёт нечто, что изначально предопределено, что призвано реализовать духовные импульсы в их христианском нюансе с помощью живописи. В «Сикстинской Мадонне» Рафаэль определённым образом поднимается к сверххристианской точке зрения, к точке зрения, выходящей за рамки исторического, за рамки традиционно христианского, когда он чувствует и художественно отображает духовно-космическое происхождение человеческого существа. При таком рассмотрении души Рафаэля совершенно нельзя уравнивать с другой душой, например, с такой как у Савонаролы.

У Савонаролы мы можем в какой-то мере показать в каждом пункте его развития, как он соединяется с христианскими воззрениями, как всё находится в становлении и бьёт ключом; у Рафаэля кажется естественным, что ему уже от рождения дано христианское воззрение. И хотя мы чувствуем, что христианские импульсы связаны с Рафаэлем, но мы не чувствуем другого: мы не чувствуем связи души Рафаэля с тем, в чём она особенно нуждалась из своего окружения, и это была древнегреческая культура. Эта древнегреческая культура совершенно удивительным образом входит в духовное развитие человечества. Я уже не раз обращал внимание на то, что мы, духовно-научные исследователи, должны рассматривать развитие человечества таким образом, что возвращаясь всё дальше и дальше в древние времена, мы находим человеческие души с другими состояниями сознания, чем в настоящее время. Всё находится [в] развитии – особенно человеческая душа! –, и когда будет признана ценность духовной науки, увидят, насколько односторонним является обозрение эволюции чисто материалистическим образом, возвращаясь к человеческим формам, в которых

душа якобы развивала своё сознание в более животном состоянии. Если возвращаются назад духовно-научным способом, то находят совершенно другое состояние развития, и сегодня уже из более старых духовных творений, мифов и сказаний, можно обнаружить доказательства того, что духовное исследование должно сказать о более древних состояниях человеческой души.

Мы приходим к пониманию того, что человеческие души в незапамятные времена были наделены изначальным ясновидением, сновидческим ясновидением. В незапамятные времена в человеческой душе не существовало того, что мы сегодня называем нашим ясным чувственным восприятием, нашими чётко обозначенными рассудочными понятиями, нашим самосознанием. Чтобы это могло произойти, изначальное ясновидение должно было угаснуть, померкнуть. Это состояние, пожалуй, можно сравнить не с сегодняшним обычным сновидением, но со сновидческой жизнью, которая в образах полностью создана наподобие образов сновидений, которые, однако, всё же являются отражениями духовных реалий. Таким сновидческим ясновидением в незапамятные времена была наполнена человеческая душа. Это ясновидение исчезло, и теперь мы находимся в нашем развитии в том пункте, где для обучения самосознанию, для обучения чётко очерченным рассудочным понятиям старое ясновидение должно было угаснуть.

Если нечто должно развиваться до совершенства, другое должно отступить. Этот закон равновесия господствует над всей природой, так что, когда мы поднимаемся к полному самосознанию – в далёком будущем человечество обязательно снова соединит с ним ясновидение –, то, так сказать, идём по нисходящей линии

развития человечества от первоначального ясновидения, и теперь совершаем своего рода восхождение к ясновидению через [развитие] самосознания, рассудочных понятий и внешних научных воззрений. И что мы чувствуем в середине? Мы ощущаем древнегреческую культуру – эту древнегреческую культуру, являющуюся такой удивительной именно потому, что она, с одной стороны, означает завершение древнего сновидческого сознания ясновидящего, а с другой – начало внешнего предметного сознания. Поэтому мы видим эту древнегреческую культуру с её совершенно особенными свойствами, которые заключаются в том, что грек ещё более непосредственно переживал духовное, но не так, как переживал это человек первобытных времен, видевший это, так сказать, внешне, но так, что грек ощущал свою собственную личность, сплетённую со всем внешним бытием. Он всё ещё чувствовал себя в Космосе, находясь во внешнем мире, и чувствовал законы, которые ткут и живут, пронизывая внешний мир, в его собственном существе.

Это может показаться гипотетическим, но тот, кто соединился с духовной наукой, найдёт оправданным то, что я хочу сказать: греку не нужны были модели в нашем понимании, когда он создавал свои скульптурные произведения, которые, конечно, дошли до нас лишь в повреждённом состоянии. Когда он изображал что-либо, прежде всего человеческий облик, то воплощал его, не подражая внешней модели, а из внутреннего сознания. Он знал какие силы действуют в пространстве, и осознание этих сил формировалось в нём так, что он осознавал внутреннее силы из формы пространства. И поэтому он запечатлевал то, что сам созерцал внутри, в качестве формы во

внешнем материале, исходя из внутреннего. Как человек первобытных времен чувствовал восхождение пространственных образов и в своей душе был связан со всем Космосом таким образом, что эти образы отображали реальность, так грек был связан с мировыми законами, которые он воспринимал пронизывающими его тело. Он творил то, что переживал и заново воссоздавал это в своих скульптурах. Если он хотел изобразить Зевса, то знал, как Зевс связан своими чертами лица с теми переживаниями, которые запечатлеваются во внешних формах. Он создавал во внешнем материале то, что переживал внутри. Таким образом, мы можем посмотреть на древнегреческую культуру; она ещё представляет мировоззрение, в котором ощущение непосредственно связано с сознанием человечества.

Теперь вряд ли можно представить себе большую противоположность, чем между подлинным греком, с его отношением к природе и всему бытию, и личностью, в сущности, отделённой от вступления импульса Христа в человечество всего лишь временным периодом в триста – четыреста лет, *такой личностью*, как скажем, *Августин*¹⁹. Прочитаем какое-нибудь произведение этого христианского отца церкви, который также был великим философом, и попробуем сравнить то, что даёт Августин через внутреннее переживание душевного, через внутреннее ощущение сущности человеческой души, со всем, что было дано в Греции, будь то философской или поэтической природы. В греческом духе мы чувствуем, насколько для него невозможно отделиться от внешнего, насколько он един с внешним миром, когда он воспринимает вливающийся в него поток внешнего мира и переживает самого себя, принадлежащим внешнему миру.

У Августина мы видим взгляд, направленный на внутренний, душевный мир. Таким образом, это внутреннее созидание предстаёт в такой форме, которая немыслима для любого творения Древней Греции. Таким образом, оно не могло углубиться в себя, потому что её великие люди ещё были соединены с сознанием внешнего мира. Во всё духовное развитие человечества вступил импульс неимоверной силы, и не нужно опираться на позитивное отношение к христианству, чтобы воспринять этот мощный импульс. Можно даже допустить парадоксальное представление о том, что даже тот, кто никогда ничего не узнал бы о Христе, рассматривая Грецию и Августина в его своеобразии, должен был бы сказать себе: тогда в непрерывном развитии произошло нечто, что сделало внешнее внутренним; и это внутреннее углубление является основным импульсом христианства, которое вырастает из внешнего и вырастает во внутреннее.

Если мы рассмотрим обстоятельства таким образом, а затем снова оглянемся на Рафаэля, мы можем сказать: то, что предстаёт здесь как основной нерв христианства, живёт в душе Рафаэля, когда эта душа благодаря рождению вступает в бытие. Мы видим это присутствующим как данность в его развитии, если только Вы беспристрастно подходите к делу, и не хотите всё вносить в эту душу Рафаэля только в *материалистически-историческом*²⁰ смысле. Если смотреть на неё непредвзято, то она выглядит так, будто она уже через рождение принесла с собой те христианские импульсы, которые нам следует назвать для неё самыми основополагающими. Но теперь Рафаэль рождается в тот переломный момент всего духовного развития человечества, помещается в ту эпоху, в которой то, что было воспоминанием, должно было возродиться,

в определённом внешнем смысле родиться вновь. И здесь мы видим великий закон развития, в который можно проникнуть только с помощью духовной науки. Обычно развитие представляют себе так, как если бы причина и следствие просто следовали друг за другом. Но дела обстоят не так, потому что тщательное рассмотрение показывает нам, что такое прямолинейное развитие является нелепой фантазией. Реальное развитие таково, что определённый поток движется от одной точки к другой точке, и когда он достигает определённого пункта, то старое воспринимается по-новому. Позднейшее соединяется с более ранним, не прошедшим через поток развития, но сохранившимся в своём первоначальном облике. Мы возвращаемся и принимаем то, что осталось на первоначальном уровне, которое соединяется с более поздним.

Таким образом, мы видим у Рафаэля: внутреннее, проявлявшееся до определённого времени только как связанное с характером, стало внешним проявлением. Обратите внимание, как Франциск Ассизский изображается на картинах Джотто. Даже здесь мы видим, как на картине всё остаётся внутренним, оно не переходит в форму и цвет. Нам везде необходимо возвращаться к происходящему внутри, и когда при рассмотрении картин Джотто мы переходим к происходящему внутри, то внешнее изображение становится менее интересным. У Рафаэля всё не так. Здесь мы нигде не чувствуем побуждения отвести взгляд от того, что он непосредственно открывает нам, от того, что предстаёт здесь, что находится перед нами в цвете и форме, но у Рафаэля всё внутреннее перетекло во внешнее. Для этого душе Рафаэля, даже если он был рождён с внутренним глубоко усвоенным импульсом христианства, требовалось принятие древнегреческой культуры.

У Рафаэля мы теперь видим возвращение к этому более раннему состоянию развития, но которое для него, по существу, было новым. Любопытно, как, с одной стороны, эта древнегреческая культура вплоть до времён Рафаэля *поднималась наружу из недр Земли*²¹, так что современники Рафаэля первыми смогли снова увидеть то, что тогда [в результате раскопок] было извлечено на поверхность, и как, с другой стороны, в Рафаэле снова пробудилась древнегреческая культура, только теперь превратив во внутреннее то, что древнегреческая культура создавала во внешней скульптурной форме. То, что греки умели создавать в скульптурной форме, не подходило непосредственно для Рафаэля; но ему надлежало выразить внутреннюю жизнь внешним образом. Для этого живопись, превращающая внутреннее во внешнее совершенно иначе, чем скульптура, должна была научиться принимать греческие формы. Главным образом она принимала их у Рафаэля. Мне хорошо известно, что можно было бы перечислить и некоторые другие имена, но столь характерно, как у Рафаэля, это явление нам не встречается ни у кого другого. Таким образом, мы видим у Рафаэля, как он приобщает древнегреческую культуру к христианскому импульсу. Если мы посмотрим на его душу с этой другой точки зрения, то она представляется нам такой, как если бы она принесла с собой через рождение все христианские импульсы, но не греческие – они действуют из окружающей среды. От картины к картине можно проследить, как Рафаэль всё больше и больше осваивает греческое искусство, перенаправляя его в живопись.

Теперь тот, кто глубже проникнет в духовную науку – позвольте этому быть просто моей гипотезой, – увидит, что такая гипотеза существует, – увидит, что такая

гипотеза постепенно даёт уверенность, однако не в удобном виде. Тогда мы увидим, если посмотрим исходя из этого круга понятий на душу Рафаэля, как она уже при своём рождении приносит с собой христианские импульсы. Поэтому всё выглядит так, словно душа Рафаэля уже до рождения соединилась с ними. В то время как у Савонаролы мы можем видеть непосредственное воздействие христианских импульсов [из окружающей среды], то у Рафаэля это выглядит так, что он уже приносит с собой эти христианские импульсы. Как Савонарола в своём бытии Савонаролой непосредственно получал христианские импульсы благодаря воздействию окружающей среды, так душа Рафаэля развила их в более раннем земном существовании до такой степени, что она не смогла в то же время усвоить греческие импульсы в этом более раннем бытии. То есть, она приходит из бытия, в котором она усвоила христианские импульсы, поэтому после того, как душа прошла через жизнь между смертью и новым рождением, они стали для неё само собой разумеющимися, как это затем выступает нам навстречу в картинах Рафаэля. И то, что создавала древнегреческая культура, эта душа, которая, возможно, была «далека от древнегреческой культуры» в предыдущем земном бытии, освоила только в этой более поздней жизни Рафаэля.

Здесь мы видим, именно на примере души Рафаэля, как сливается то, что могут, предчувствуя, заложить в более ранней земной жизни и то, что в более поздних земных жизнях соединяется с тем, что уже принесено через рождение. Каждый раз, когда я занимался этим, подобно Герману Гримму, неоднократно заново предпринимая попытку описать [жизнь Рафаэля], то духовно-научный взгляд фактически самостоятельно

указывал на этот факт. Можно предположить, что Герман Гримм также не согласился бы и со своим последним изложением, даже если бы он довёл его до конца, потому что Вы видите: некоторые вещи, связанные с духовной жизнью человечества, начинают проявляться только тогда, когда учитывают факт повторных земных жизней. Такое слияние христианских импульсов с греческими, как это произошло у Рафаэля, становится понятным только, если можно призвать на помощь пояснение из повторяющихся земных жизней. Сегодня это может быть ещё чуждым нашим современникам, но я часто использовал сравнение [с тем], что [сказал *Франческо Реди*²². Он сказал: «Неверно то, что из речного ила могут возникнуть животные; живое может произойти только из живого». – И таким же образом духовно-душевное может произойти только из духовно-душевного.

[Конечно, *сегодня обвиняют в ереси иным образом*²³ чем раньше, когда пытаются указать также конкретным образом на то, что человеческая жизнь может быть объяснена не только исходя из её непосредственного окружения. Если глубже вникнуть в эти вещи, то станет ясно, что когда в человеческой душе вспыхивает нечто обособленное и не может быть объяснено из её окружения, то это восходит к более раннему земному бытию, к тому, что эта душа усвоила в более раннем земном бытии, и что, когда душа проходит через смерть и новое рождение, то в её новом земном бытии оно принимает облик само собой разумеющегося, словно связанного с существом, словно принадлежащего ему. Поэтому христианские импульсы настолько само собой разумеющимся образом связаны с сущностью Рафаэля, что о Рафаэле невозможно мыслить без них].

[Если принять знание *духовной науки*²⁴ о том, что человеческая душа проходит через многократные земные жизни, тогда становится понятно, что всё, что человек приобрёл в более ранней земной жизни, становится силами в более поздней земной жизни. Человек переживает, наблюдая, как они вступают в душу, как они проходят те стадии, которые он проходит между смертью и новым рождением; там они становятся с душой едиными. И когда человек потом вступает в новое существование, он работает с помощью этих сил над всей своей внутренней формой тела и делает своё тело таким, что создаваемое им в следующей жизни на Земле, выглядит словно само собой разумеющимся образом исходящим из его существа]. Как мне кажется, в человеческом развитии непременно наступит время, когда именно благодаря беспристрастному созерцанию фактов можно будет признать, насколько именно великие явления становятся понятны только исходя из закона повторяющихся земных жизней. Тогда, однако, также станет ясно, что так необходимо рассматривать не только величайшие явления, но что можно понять каждую человеческую жизнь, если принять точку зрения повторяющихся земных жизней.

Но если посмотреть на эти великие явления, столь тесно связанные с человеческим развитием, со всем, что является внутренними импульсами развивающегося человеческого духа, тогда из этого созерцания последует нечто, что укрепляет человеческую душу, что, как это часто обсуждалось здесь, даёт человеческой душе внутреннюю опору, внутреннюю уверенность, внутреннюю силу для работы. Это приводит человеческую душу к тому, чтобы в индивидуальном земном существовании не только знать, но также чувствовать зародыш

последующего существования на Земле, так же как мы чувствуем, как растение собрало свои силы и объединило их в зародыше, и поэтому мы осознаём, что летом из этого зародыша будет создано новое растение. Душа может иметь это осознание, это преобразование себя может быть воспринято как залог, как гарантия будущей земной жизни. То, что покоится в зародыше внутри уже в этой земной жизни, преобразуется благодаря только лишь знанию о бессмертии в ощущение бессмертного зародыша человека, в чувство того, что созидает будущую жизнь.

Тогда для меня снова было весьма удивительно, что именно способ рассмотрения Германом Гриммом таких вещей, которые только что были разобраны, сразу подтолкнул меня прочесть определённое место в начале его книги о Рафаэле. Тот, кто посмотрит на Рафаэля с точки зрения духовной науки, естественно, увидит необходимость повторных земных жизней, если он желает понять Рафаэля совершенно конкретным образом. И из знания повторяющихся жизней на Земле мы черпаем ту силу, которая даёт нам взглянуть на то, с чем мы встретимся в будущем. Поистине, удивительно, когда ощущают это как действие науки: когда кто-то обращается к такому явлению, как Рафаэль, и никак не может полностью справиться с ним, как он тем не менее ощущает величие Рафаэля, и хотя ещё не знает о реальности будущей земной жизни, но он, глядя на эту исполненную человеческую жизнь, чувствует некоего рода желание будущей земной жизни. Уверенность в повторяющихся земных жизнях может быть достигнута только благодаря духовной науке, но Герман Гримм при рассмотрении жизни Рафаэля приходит к чувству уверенности в отношении Вечности, выражаемому удивительными словами:

Перед моими глазами предстаёт эволюция человечества²⁵, которую мне не дано опережить, но которая мне кажется столь сияюще прекрасной, что ради неё, пожалуй, человеку стоило бы приложить усилия, чтобы начать человеческое существование ещё раз.

Теперь в высшей степени удивительно, что мы можем воплотить желание, возникающее у Германа Гримма в результате рассмотрения жизни Рафаэля, в восприятие действительности.

И таким образом в обзоре чувств можно подвести итог того, что было предметом сегодняшнего рассмотрения: кажется естественным, когда речь идёт о такой личности, как Рафаэль, о которой столь верно чувствуют, что рассматривая одну-единственную земную жизнь нельзя прийти к её пониманию, что здесь у того, кто позволяет этой личности полностью воздействовать на себя, возникает как желание то, что духовная наука описывает как реальность, – представление о повторных земных жизнях. И поэтому именно непредвзятое духовно-научное рассмотрение таких великих людей человечества, как Рафаэль, может привести к тому, что благодаря восприятию этих великих личностей люди всё больше и больше будут приходить к развитию таких привычек мышления, которые, хотя и противоположны сегодняшним мнениям, но которые, безусловно, приживутся в духовной жизни людей. Точно так же, как прижилось воззрение: живое может произойти только от живого, – так же точно приживётся воззрение: духовно-душевное может исходить только от духовно-душевного. – И именно созерцание великих людей может погрузить в нашу душу то, что приводит к таким [новым] привычкам мышления. Желание

попытаться понять великих личностей также порождает в нас мнение, даже уверенность, что истины, в которых мы убеждаемся, всё глубже погружаясь в вещи и в дух вещей, даже если они первоначально встречают отпор и противодействие, наконец, проложат путь к человеческим сердцам. Пусть просветы, через которые должна протискиваться истина, желающая достичь человеческие сердца, ещё столь узки: истина найдёт путь даже через самые узкие щели. Это предложение, столь глубоко подтверждённое духовным развитием человечества, может вдохновить тех, кто сегодня воспринимает духовную науку только как зародыш, поскольку она является лишь таким зародышем. Но он также может, взглянув на этот зародыш, развить уверенность в своей душе, чтобы этот зародыш непременно вырос, расцвёл и принёс плоды для человеческой души.

Ответы на вопросы

Без вопроса: Я прошу позволить издать эту лекцию.

Рудольф Штайнер: Учитывая количество уже напечатанных лекций, было бы лучше, если бы следующие пока не печатались. То, что напечатано ещё не проникло [в сознание людей] так глубоко, как могло бы быть.

Вопрос: Как вы относитесь к тому, что остановилось в развитии? Существует же [вообще] какой-то прогресс, вследствие которого меняется направление?

Рудольф Штайнер: Тот, кто действительно внимательно слушал, не может с лёгкостью задать такой вопрос.

Однако это происходит так: [сначала происходит] изменение, затем – остановка, мы видим это на примере каждого дома, [который сначала был построен, а затем, как результат, остаётся стоять на долгие годы].

Вопрос: Имеет ли человек, который может сознательно выйти из своего тела, возможность сознательно остаться в других сферах и больше не вернуться в свое тело? И находится ли тогда тело в состоянии сна или смерти?

Рудольф Штайнер: Оно, конечно, умирает. Речь идёт не о реальной невозможности возвращения, но о моральном аспекте. Морально человек обязан не препятствовать своей карме. Закономерности природы и нравственный порядок всё больше сближаются. Закономерность природы всё больше становится нравственной природной необходимостью, и тогда такие вопросы уже не задаются. [Они так же бессмысленны, как такой вопрос:] «Может ли человек, который только что изготовил часы, взять молоток и сразу же разбить их?» Конечно, он мог бы это сделать, но это было бы неразумно.

Вопрос: Является ли полная цветовая слепота помехой в оккультном саморазвитии?

Рудольф Штайнер: Прочитайте мою книгу «Как достигнуть познания высших миров»¹ – правда она в данный момент распродана: созерцание [духовного мира] не зависит от наших органов чувств, ведь мы становимся свободными от них. Никак не мешает то, что какой-либо орган чувств недостаточно сформирован, даже слепота [не является препятствием]. Ошибочно [путать]

обычное ясновидение с тем, что проявляется в духовной науке. Обычное ясновидение – это не ясновидение, которое действительно происходит в сверхчувственных мирах. Обычное ясновидение основано на определённой настройке органов чувств или, по крайней мере, связано с их соучастием. Два ясновидящих, один из которых слеп, а другой нет, переживают одно и то же при встрече с одним и тем же. [Когда говорят о таком переживании:] переживание синего или красного, то [подразумевают:] что переживается то же самое, что переживают [в чувственном мире] при созерцании синего [или красного] цвета. Поэтому это описывают таким образом, но это не то же самое [как внешняя жизнь цветов]. Поскольку большинство людей имеют нормальное развитие [чувств], можно исходить из этой точки зрения; но может возникнуть необходимость в том, чтобы для слепорождённых выбрать другие исходные точки зрения, но они приходят к тому же самому [духовному переживанию].

Вопрос: Можно ли получить представление о духовной науке *при чтении книг Льва Толстого*²?

Рудольф Штайнер: Читая Льва Толстого нельзя прийти к мысли, что существует духовная наука.

Вопрос: Можно ли обезболить страдания умирающего опиумом, [и] если нет, [то] как поступать при операциях?

Рудольф Штайнер: В идеальном случае, [также] согласно соответствующим знаниям, следует делать то, что представляется возможным для человека. Не следует

возражать против [применения того], что может принести человеку облегчение; [в других случаях] это недопустимо.

*Вопрос: Могут ли быть исполнены желания человека посредством благоговейной молитвы?*²³

Рудольф Штайнер: Молитва на самом деле должна быть преклонением души перед живущей и ткущей сквозь мир божественной духовностью, поэтому молитва на самом деле теряет свой смысл, если она эгоистична. И оправдана только та молитва, которая звучит в словах изначальной молитвы: «Но да будет не моя воля, а – Твоя». Это дополнение придаёт молитве правильное настроение. Тогда это правильная молитва, если она не эгоистична, иначе сразу возникают практические противоречия. Так как что должен делать исполнитель желаний, если один крестьянин желает нечто вырастить и просит дождя, а другой – в той же области просит о сухой погоде, или если из двух армий, каждая из которых, безусловно, желает победить, одна просит о победе, [но] другая – тоже. Поэтому не следует быть эгоистичными в молитве. Следовательно, вопрос не имеет правильного смысла, удовлетворяются ли желания [благодаря молитве] или нет, потому что правильная молитва не может ожидать удовлетворения желаний. Я знаю, что это шокирует многие души, но стоит только обратить внимание на природу вещей, и обнаружат, что всё действительно так.

Вопрос: Как обстоит дело с вегетарианством [в свете Библии? Там] ведь есть слова Христа: «быки мои убиты», или пасхальный агнец, или даже пиры. И как обстоят

дела с алкоголем на Свадьбе в Каннах или во время Тайной вечери, [когда] хлеб обмакивают в вино?

Рудольф Штайнер: Объяснение соответствующих слов в Евангелии [сейчас] завело бы слишком далеко. Потому что оказалось бы, что многое из того, что читают сегодня в Евангелиях, – просто ошибки перевода. Но кроме этого следует сказать, что развитие духовного созерцания можно облегчить вегетарианским образом жизни. Но речь идёт не о чём ином, как о констатации факта, что он [вегетарианец] может облегчить себе путь, поскольку нечто другое облегчается, если человек воздерживается от мяса. Но пропаганда вегетарианства в одностороннем порядке – не является задачей духовной науки. Духовная наука не присоединяется ни к какой односторонней пропаганде. Для духовной науки необходимо точное мышление не только для постижения и понимания, но и для [более глубокого] вхождения в более тонкое тканье мышления. Некоторые люди думают, что должны возразить против того или иного, но эти возражения всё же приходят только от мышления, остановившегося на полпути. Эти вещи основаны не на последовательности научного мышления, а на привычках мышления, на нехватке логики. Духовная наука полностью основывается на том, чтобы верить только тому, что известно: это воззрение любой науки. Но чтобы вникнуть [в духовную науку] так, чтобы действительно иметь возможность работать сообща, необходимо облегчить мышление от его трудностей, сделать его более точным, чтобы оно могло следовать по путям, по которым оно не могло бы следовать в противном случае, – и этому способствует вегетарианский образ жизни.

Лекция двенадцатая

Миссия Рафаэля в свете науки о духе

Штутгарт, 19 мая 1913 г.

Также следует помнить об отношении к другим царствам природы. Сегодня человечество не может даже думать о том, чтобы превратить вегетарианство в погловную диету, потому что это личное дело каждого, желает ли человек это делать или нет. Он может основательно испортить себе жизнь, если захочет жить абстрактным вегетарианским способом. Это относится не только к сегодняшнему дню, но и ко всем временным периодам. Конечно, сегодня уже можно утверждать вещи, не имевшие смысла 2000 лет назад; то, что верно сегодня, не обязательно должно быть верно на все времена. Это относится только к материалистическим истинам. Когда говорят о современном человеке и о человеке во времена Христа, то говорят не об одном и том же; просто вынуждены использовать одно и то же слово. [Со временем] многие вещи всё же меняются. Пасхальный агнец уже не должен означать убитого ягнёнка. Даже если то, о чём гласят записи, верно, то это было всё же другое время. Из этого нельзя сделать вывод, что [вегетарианство] не может применяться сегодня, когда тончайшие структуры человеческой природы стали чем-то совершенно отличным от того, что было прежде, и что это не является вспомогательным средством для духовной науки, если человек привыкнет к вегетарианству. Сейчас нельзя думать, что можно «подняться благодаря еде» в высшие миры, [потому что] не имеет значения, едят ли что-либо или воздерживаются от этого. [Вегетарианство – это] только облегчающее средство, а не средство для удобства.

Уважаемые слушатели! Предмет сегодняшнего рассмотрения немного выйдет за пределы, обычно соблюдаемые в таких духовно-научных рассматриваниях. Тем не менее, мне кажется, что рассмотрение духовной жизни человечества в более широком смысле будет полезно с точки зрения того, что человеческая душа может почувствовать по отношению к выводам и результатам этой духовной науки. Более того, если мы обратим внимание на современную историю, то именно рассмотрение сегодняшнего вечера, возможно, возникает как своего рода духовно-научное требование непосредственно в этой духовной жизни современности, потому что рассмотрение Рафаэля, если мы исследуем его так, как это делается обычно, загадывает людям разнообразные загадки, поистине великие духовно-культурно-научные загадки.

И, вероятно, мы можем столкнуться с необходимостью распространения духовно-научных рассматриваний на такие области, особенно, если мы позволим судьбе выдающегося исследователя искусства современности в отношении Рафаэля немного воздействовать на нашу душу – исследователя искусства, который, как я полагаю, является им не только в учёном, в обычном научном смысле, но прежде всего потому, что сердце XIX века билось в нём так сильно, как ни у какой другой личности: Германа Гримма. Он один из тех искусствоведов, которые всегда вникали в вопрос не только с помощью

разума и рассудка, не только с помощью обычного научного образа мыслей, но всей душой. И тот, кто знаком с художественными и культурными рассматриваниями именно Германа Гримма, знает, как бесконечно пульсирует в нём то, что духовным образом непосредственно влияет на настоящее, как его вопросы о загадках всевозможных тем духовной жизни являются вопросами о загадках всей нашей эпохи. И если духовная наука сможет всё более проявлять свою плодотворность, тогда она должна будет найти связь с видом и способом, которыми вся духовная культурная жизнь хочет приблизиться к таким загадкам.

Будучи сыном Вильгельма Гримма и племянником великого филолога-исследователя Якоба Гримма, Герман Гримм был действительно по праву гением девятнадцатого века. Этот великий знаток Гёте, этот выдающийся дух, написавший замечательную книгу о Микеланджело, умер на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Кто углубится в *работу Германа Гримма о Микеланджело*¹, тот почувствует, как в его рассмотрении сначала полностью оживает то время, в которое родился Микеланджело, как душа Микеланджело оживает перед нами, как он выделяется из своей эпохи, как она (эпоха) становится искусством, художественным творением в его душе, – в удивительном смысле завершённый образ! И мы можем взять в руки другие работы Германа Гримма, например, его *значительное произведение о Гёте*, и найти, как он имеет непосредственное, личное отношение ко всему, что касается Гёте, как он может показать больше характера Гёте, внутренней сущности Гёте, чем могут дать многие учёные рассматривания. И так обстоит дело со многими вещами.

Собственно говоря, в некотором отношении, конечно же, характерно, что Герман Гримм также писал *«Жизнь Рафаэля»*². Только, с этой *«Жизнью Рафаэля»* произошло иначе, чем с жизнью Микеланджело или даже с жизнью Гёте. Герман Гримм сам признавался, что неоднократно приступал к разгадке тайны Рафаэля, и что в определённое время он также собирался некоторым образом завершить *«Жизнь Рафаэля»*; но каждый раз, когда он снова обращался к загадке Рафаэля, он знал, насколько несовершенным представало перед его собственной душой то, что он написал о Рафаэле. Он снова и снова начинал заново; и поэтому у нас есть *чудесное эссе*³, написанное им незадолго до своей смерти, представляющее собой только введение к книге, которая должна была стать исчерпывающей, в которой он незадолго до своей смерти снова пытается поставить образ Рафаэля перед собственной душой, чтобы, так сказать, решить для себя загадку Рафаэля, насколько такие загадки вообще могут быть разрешены человеческими душами.

Таким образом, с одной стороны, мы видим борющийся дух, вступивший согласно своим душевным задаткам в художественную жизнь и рассмотрение художественной жизни, чудесным образом создающий завершённый образ Микеланджело, мы видим его осознание, что этот образ действительно доведен до своего рода завершения. Мы видим, как эта борющаяся душа наряду с этим всю жизнь сражается, ставя перед собой загадку Рафаэля, и не справляется с ней, поэтому непосредственно перед смертью он снова делает попытку, которая, в свою очередь, не была завершена. Как это происходит? Конечно, простой учёный в каком-то смысле справился бы, но не такой дух, который всей душой погрузился в свою задачу

и хотел оживить образ Рафаэля. Чем больше Герман Гримм обращался к Рафаэлю, чем больше он хотел воскresить в своей душе образ Рафаэля, тем больше он казался ему словно загадочным образом возникающим из всего человеческого развития. Ему представлялось, что чем глубже его рассматривают, тем более побуждаются погрузиться в самые глубокие загадки самой человеческой души и понять, чем является такая человеческая душа, вырастающая из всей картины человеческого развития как великая загадка. А с другой стороны, если проследить всё творчество Германа Гримма, то возникнет чувство: такой дух, настолько глубоко соединившийся с духовной культурой девятнадцатого века, всюду делает попытки найти путь. Какой же путь? Тот путь, который духовный исследователь считает своим собственным. Здесь я могу лишь слегка намекнуть на удивительно интимный способ, которым Герман Гримм *в своей важной книге*⁴ «Непреодолимые силы» в заключение изображает смерть, умирание, и в этом умирании избавление от того, что здесь часто изображалось в качестве отделения эфирного тела от физического. Мы видим как деликатно и интимно, но не менее настойчиво, душа Германа Гримма борется за то, чтобы найти пути, которые хочет открыть именно духовная наука.

Таким образом, если обратить внимание на этого удивительного исследователя искусства, можно действительно прийти к мысли: в нём живёт то, что является как раз вопросом нашего века. И поскольку в нём присутствовало биение пульса нашего времени, то этот вопрос с особой живостью жил в его душе – духовно-научный вопрос, к которому мы хотели приблизиться во всех представленных здесь рассматриваниях. Но именно в такой борьбе,

как борьба Германа Гримма в отношении образа Рафаэля видят, что, застряв в духовном способе рассмотрения девятнадцатого века, совсем не справляются с величайшими загадками. Если искренне и без лицемерия пытаются осознанно решить такие загадки, то необходимо погрузиться ещё глубже. Из рассмотрения духовной науки – на что я могу только намекнуть – всё-таки возникает ответ, почему Герман Гримм не смог справиться со своим рассмотрением Рафаэля. Как бы гротескно это ни звучало для некоторых, это связано с тем, что он везде подходил к вратам духовной науки, но нигде не смог открыть эти врата в соответствии с духом своего века, в соответствии с предпосылками всего становления девятнадцатого века. Таким образом, попытка приблизиться к Рафаэлю исходила не из каких-либо духовно-научных догм или законов, но с помощью того, что, как весь тип душевного настроения в отношении образа Рафаэля может проникнуть в нашу душу. В духовно-научных исследованиях гораздо важнее – и это в последнее время запечатлевается в наших душах – чтобы мы в определённом настроении рассматривали вещи мира, а не применяли всевозможные законы, возникающие из духовного исследования, в качестве абстрактных шаблонов. Это, безусловно, не то, что должна делать человеческая душа исходя из духовной науки.

Каким представлялся Рафаэль Герману Гримму, этому гению девятнадцатого века? Удивительные слова произносит этот человек. Я хочу процитировать их Вам дословно, чтобы мы могли, так сказать, полностью вжиться в тот способ, которым этот человек хочет получить личное отношение к своей теме благодаря своим исследованиям. Итак, Рафаэль представляется ему духом, для понимания

которого ему необходимо привлечь самые сокровенные глубины человеческого развития. Он кажется ему родившимся не исходя из эпохи, но словно из всего развития человечества – великим и мощным в подосновах человеческого развития. И на человека, который может почувствовать, глубоко действуют слова, подобные тем, что стоят на последних незаконченных страницах Германа Гримма о Рафаэле, которые он, так сказать, родил из последней попытки рассмотрения Рафаэля. Там Герман Гримм говорит:

*Рафаэль – гражданин мировой истории*⁵. Он подобен одной из четырёх рек, вытекающих из рая, согласно верованиям древнего мира.

Пусть научные исследователи думают об этом, что хотят – у человека, который может открыть душу, в душе зарождается нечто особенное, [когда он смотрит на тако-го человека]⁶, как Герман Гримм, который всю свою жизнь углублялся в суть вопроса, и в чьём чувстве живёт нечто такое, из чего он может говорить о Рафаэле, возвышая его до гражданина мировой истории, до существа, выделяющегося из всего развития человечества]. И Герман Гримм может показаться отличным от других, если – взглянув с определённой душевной точки зрения – хотят отдать ему должное. Герман Гримм сказал:

Если бы Микеланджело был каким-либо чудом призван из мёртвых, чтобы снова жить среди нас, и если бы я встретил его, то я бы с почтением отошёл в сторону, чтобы дать ему пройти; но если бы Рафаэль встретился на моём пути, то я бы пошёл за ним, надеясь получить возможность

услышать несколько слов из его уст. Исследуя Леонардо и Микеланджело можно ограничиться рассказом о том, кем они когда-то были в своё время: рассматривая Рафаэля необходимо исходить из того, кем он является для нас сегодня. Тех других укрывала тонкая завеса, но о Рафаэле так сказать невозможно. Он входит в число тех, чьё развитие на Земле ещё далеко не завершено. Вероятно, снова и снова будут появляться новые поколения людей, которым Рафаэль будет загадывать новые загадки [...].

И тогда однажды будет поставлен вопрос: «Какие загадки может преподнести Рафаэль любому человеку, пронизавшему своё душевное настроение тем, что исходит от духовно-научного рассмотрения мира?» На самом деле, духовная наука говорит о развитии во времени в двойном значении; это двойное значение здесь неоднократно затрагивалось.

В первую очередь, духовная наука говорит о том, как человечество в своём земном развитии переходит от эпохи к эпохе, вследствие этого познают, что дух и сознание находятся в этом развитии, то есть, что можно обнаружить духовные законы. В свете этих духовных законов мы можем видеть, как в прадревние времена человечество в его развитии на Земле вели другим образом, чем в позднейшее время; мы можем видеть, как другие, [новые] импульсы и влияния действовали в соответствии с этими духовными законами вплоть до нашего времени. В духовно-научном смысле мы чётко различаем отдельные эпохи, и поэтому нельзя довольствоваться той тривиальной фразой, что природное развитие никогда не делает скачков⁷. Эта фраза, безусловно, может быть совершенно правильной, если она истолкована определённым

образом; но попробуйте однажды взглянуть на природу: вы увидите, как такое высказывание, о котором так легко тривиально говорить, имеет очень ограниченное значение. Так как природа постоянно делает скачки: растение в своём развитии совершает огромный скачок между корнем и зелёным листом, потом – огромный скачок между зелёным листом и цветком и затем – между цветением и плодом. Природа повсюду совершает скачки, и таким же образом обстоят дела в истории человечества. Отдельные эпохи не переходят, как считает удобное мировоззрение, просто последовательно друг в друга, но их характер резко разграничен друг от друга. И тот, кто внимательно смотрит на эти человеческие эпохи, обнаружит, что человеческая душа способна увидеть в каждой эпохе нечто особенное, что приближается к ней, пережить нечто особенное. Даже если слова, использованные *Лессингом*⁸, находят педантичными: мировая история – это воспитание всего рода человеческого – в определённом смысле эти слова оправданы. Как отдельный человек, начиная с примитивной ступени своей духовной жизни, поднимается постоянно к новым импульсам, которые он затем переживает во внешнем мире и в своём собственном внутреннем, так происходит и со всем человечеством на всей Земле. Это один способ, которым духовная наука рассматривает развитие человечества на Земле.

Другой способ рассмотрения относится к участию человеческой души в этом непрерывном воспитании. И тогда, как об этом часто излагалось здесь, в том числе и позавчера, духовная наука определяется как следующее переживание: в повторяющихся земных жизнях человек проходит через это земное развитие, поэтому человеческая душа участвует в следующих друг за

другом эпохах таким образом, что мы, оглядываясь назад, можем спросить себя, как в предыдущие эпохи земного развития, в предыдущих земных жизнях, наши собственные души участвовали в том, что земное развитие каждый раз смогло дать человеческой душе. Снова и снова наши души на Земле воплощались в телах, чтобы принять в себя то, что затем стало импульсами для более поздних эпох. Таким образом, человеческая душа в своих последовательных жизнях принимает участие во всём том, что может влиться в неё из импульсов всего земного развития человека.

Существуют, конечно, скажем так, сострадающие умы, прощающие Лессинга за то, что он на вершине своей жизни говорил с такой точки зрения о повторных земных жизнях в своём значительном труде «Воспитание человеческого рода», потому что только вследствие этого – [то есть этой идее повторных земных жизней] – ему стало ясно, благодаря каким силам, на самом деле, вся эволюция человечества проходит через историю: только потому, что человеческая душа сама переносит в другие эпохи то, что она воспринимает в себя в одну эпоху, и человеческая душа не принадлежит исключительно только одной эпохе, но относится к постоянно повторяющимся последовательно эпохам, следовательно, она является гражданином всей истории. Если мы можем исходить из этой точки зрения, что в каждой человеческой душе совершенно неповторимым образом загорается то, что она восприняла как импульсы в предыдущие эпохи, тогда перед нашей душой предстаёт то, как, прежде всего, такой выдающийся дух [как Рафаэль] может выступить, неся в себе всё то, что его душа пережила в прошлые земные жизни в ту или иную эпоху.

Мы не будем абстрактно, педантичным образом исследовать причину и следствие, но разовьём чувство того, как душа вживается в эпоху, и мы, в сущности, совершенно особым образом почувствуем в этой душе всю предыдущую земную жизнь, которую такая душа, а также каждая человеческая душа пережила в своём своеобразии. Если мы теперь рассмотрим временной период, конечно, сравнительно короткий для земного развития, но изначально близлежащий для современного человечества, этот период, состоящий из тысячелетий истории и [сравним его с периодом] тысячелетий, предшествовавших историческим, тогда для духовно-научных исследований возникает нечто, о чём здесь уже неоднократно упоминалось: сама человеческая душа переживала состояния преобразования, поэтому в древние времена она обладала совершенно иными качествами, чем в более поздние времена или в настоящее время. Следует отметить, что наше обычное современное рассудочное мышление, достигшее своего триумфа в науке, является продуктом развития и возникло лишь постепенно. Именно духовная наука должна серьёзно относиться к слову «развитие» и видеть это развитие не только в последовательности внешних форм, но, прежде всего, в работе человеческой души. Только в духовной науке это становление человеческой души представляется иначе, чем во внешней науке.

Духовная наука направляет взгляд к древним временам, которые предшествовали историческим, и обнаруживает там эту человеческую душу, наделённую своего рода примитивным ясновидением. Я могу только намекнуть на эти вещи сегодня; *они более подробно рассматриваются в других лекциях*⁹. То, что сегодня является нашим

рассудочным мышлением, именно благодаря которому мы так легко приходим к самосознанию и внутренне осознаём себя людьми, должно было сперва развиваться. В древние времена вся жизнь представлений человека была такова, что между бодрствованием и сном у него были определённые промежуточные состояния, подобные образам сна. Они были не просто образами снов, но символическим изображением окружающей его реальности. Человек поистине воспринимал мир в некоего рода древнем ясновидении. Затем человечество развивалось дальше, и в качестве элемента нового импульса восприняло наш нынешний ум, наше воображение и прочее, свойственное именно современному человечеству.

Теперь мы находим коренное изменение в предшествующем нам большом периоде развития человечества, представленном нам совершенно удивительной эпохой этого развития человечества. Это время древнегреческой культуры. Для того, кто рассматривает развитие человечества опытным взглядом духовного исследователя, древнегреческая культура представляет собой нечто вроде середины между двумя отдельными состояниями развития человечества. Когда мы рассматриваем древнегреческую культуру, то, поскольку наше сегодняшнее рассмотрение должно достигнуть высшей точки при созерцании художника, мы, конечно, сильнее всего приближаемся к художественному элементу. А этот художественный элемент был в полном созвучии со всем греческим духом, и этот греческий дух представляется точно таким же только тому, кто недалеко рассматривает развитие человечества – так, как это делает современный ум, считая, что на самом деле человеческая душа была примерно такой же, какой она

является сегодня. Для того, кто внимательно следит за характерным в развитии человечества, это представляется совершенно иным.

Я хотел бы начать с одной детали: когда представитель искусства обращается к своему искусству сегодня, скажем, к скульптуре, то для нашего нынешнего времени вполне естественно и само собой разумеется, потому что это заложено в характере нашего времени, ныне, сухо говорить, что он работает согласно модели, что перед ним существует пример природы, что он подражает природе. Это соответствует нашему нынешнему воззрению, нашему нынешнему окружению, настоятельно предлагающему нам то художественное душевное рассмотрение, которое противопоставляет себя природе и ищет истину, создавая в своей душе отображения вещей. Так поступает сегодняшняя наука, и так, в некотором смысле, творит и сегодняшнее искусство. [*Но это верно и правильно*¹⁰ только для нашего времени, потому что так желает рассудочное рассмотрение мира; оно хочет, чтобы человек, созерцая, приобретал истинный или ложный образ природы, и чтобы он создавал в воображении образы природы, которым он при этом противопоставляет себя как самосознающего человека]. В греческую эпоху такого ещё не было, и люди, считающие, что греческий художник творил так же, как и сегодняшний, ошибаются. Современный художник должен поступать таким образом, потому что человеческая душа всё более углублялась в себя, потому что в нашем временном периоде человеческая душа уже не может заключить тот интимный союз с природой, погружаясь в сами предметы. Она представляет себя отделённой от вещей, она подражает им. Благодаря этому современный человек достигает своей

силы суждения, но благодаря этому он также достигает своего полного самосознания в мире.

Иначе обстояло дело в древнегреческой культуре. В древнегреческой культуре душа главным образом ещё находилась в интимной связи со всем телесным, физическим; и благодаря тому, что она была в интимной связи со всем этим, она была в интимной связи также с тем, чем телесное, физическое связано с окружающей природой. То, что живёт и ткёт в природе, действительно жило и ткало в сопереживании в человеческой душе, как и в природе, какой она является. Человеческая душа не противопоставлялась природе, она находилась в природе, переживала подосновы природы. Если бы греческий скульптор захотел создать какую-нибудь статую, для него было бы совершенно неестественным – как показывают духовные исследования – подражать чему-то внешнему. Если бы он захотел изобразить статую, скажем, Марса или Зевса, – все облики, которые он очеловечивал, – то ему, прежде всего, следовало позаботиться о том, чтобы сопережить то, что испытывала душа Марса или душа Зевса. И так как душевные импульсы, душевное чувство непосредственно объективно вливались в его душу, то в каждом жесте, в каждом движении, в каждом положении тела, в каждом взгляде художник чувствовал то, что переживала душа. На самом деле он был внутренне Марсом или Зевсом, и потому знал, как выглядит рука, как выглядит мышца. Он создавал своё непосредственное внутреннее переживание. Он не творил подражая природе, потому что душа не просто переживала душевное, но сопереживала то, что было телесным в окружающей среде. Это отделение от [душевной сопричастности с природой] произошло лишь недавно.

Во времена древнегреческой культуры душа ещё изливалась в природное бытие. Но если мы полностью вернёмся назад в древнегреческую культуру, то оказывается, что мы всё ближе и ближе подходим к временам, когда ещё существовал некий вид ясновидения, когда человек поднимался над физическим и ощущал лежащее за ним духовное, – там он был связан с духом, витающим позади чувственного мира. [Тогда душа, исходя из самого внутреннего в мире, исходя из законов, *не похожих на внешние, создала*¹¹ те формы, которые, однако, теперь тем более соответствуют законам внешнего]. Даже в таких философах, как Платон, Пифагор, Сократ, мы видим человеческие души, которые лишь слегка углублялись в то, что находилось под поверхностью. В древнегреческой культуре душа ещё не углубилась в человеческую личность; она ещё находится в чувственном мире. Современный человек отделился; он может только противопоставить себя природному и подражать ему. Тем самым, укрепленная душа достигает внутренней опоры, приходит к уверенному стоянию внутри себя. Таким образом, человеческая душа первобытных времён была несвободна и зависима от властвующего над всем духа; греческая душа находилась непосредственно внутри, ещё не отделяя друг от друга природу и дух, а современная душа выделилась из своего окружения, чтобы постичь себя в своём внутреннем.

Собственно говоря, для искусства не существует периода времени, который столь интенсивно показывает нам словно в прыжке в охарактеризованном смысле, как это искусство, с одной стороны, ещё требует великого, значительного сопереживания природы, а с другой стороны, должно считаться с этим углублением внутреннего

содержания души человека – [*это то время, когда создавали свои творения такие великие художники, как Леонардо, Микеланджело*¹², Рафаэль]. Характерно, что на эпоху древнегреческой культуры приходится событие, которое в первую очередь дало углубление человеческой душе и которое через свои импульсы принимает участие в воспитании человеческой души: возникновение и основание христианства. И нам представляется мощным и удивительным, когда мы, всеобъемлюще с надконфессиональной точки зрения, независимо от любого узко-конфессионального воззрения, рассматриваем развитие человечества, как закономерным образом с момента возникновения христианства возникает то, что мы можем назвать углублением человеческой души, и что я сейчас пытаюсь охарактеризовать.

Прежде всего, можно поставить это перед своей собственной душой, если попытаются взглянуть на дух из первого христианского века, например дух Августина. Углубиться в нечто вроде «Исповеди» *Августина*¹³ – интересно любому, кто хочет вникнуть в дух времени, в лучшем смысле этого слова. И таким образом мы ощущаем ту бесконечную сокровенную сущность человеческой душевной жизни, которая входит в развитие человечества и проявляется в такой душевной манере, как у Августина. И можно сравнить всю жизнь, весь внутренний образ душевной жизни Августина с тем, что могло дать [всё] греческое искусство, даже потрясающие трагедии Эсхила и Софокла. У великого Эсхила, у великого Софокла мы везде находим связь человека со своим окружением. Сколь бы гениально великими ни казались нам данные характеристики – нигде люди не выделяются настолько, чтобы мы могли говорить об углублении душевной

жизни до такой степени, в которой эта закрытость в себе человеческого духа так мощно и величественно выступает нам навстречу как у Августина.

Лишь тогда можно будет обозреть весь духовный ход человеческого развития, когда этот импульс углубления признают историческим законом, даже если не желают каким-либо традиционным образом присоединиться к импульсу Христа. Потому что эти вещи существуют столь же истинно, как Солнце существует в пространстве. Духовно-научным образом их можно постичь так же, как в пространстве воздействие Солнца на планеты. [*Это развитие, особенно в ту эпоху*¹⁴ духовного расцвета человеческого развития, называемую культурой Ренессанса, привело сначала к тому, что возникла определённая нехудожественная манера рассмотрения]. Но искусство никогда не сможет исчезнуть из человеческого развития, оно лишь будет искать для разных эпох именно то, что является для него возможным при закономерном общем характере эпохи. Таким образом, мы видим в эпоху на рубеже пятнадцатого-шестнадцатого веков, на которую приходится и жизнь Рафаэля, как идёт борьба за то, чтобы, во-первых, сделать искусство возможным, а во-вторых, в искусстве считаться с тем, что закономерно возникло с углублением человеческой души также и в развитии искусства.

В эту величественную переходную эпоху созрел дух Рафаэля. И как он здесь выступает нам навстречу? Чудесным образом он выходит нам навстречу! В 1483 году Рафаэль родился в Урбино в семье ювелира, который также был художником, и от которого он получил первые уроки живописи. Рано осиротевшего Рафаэля отдали в ученики самому выдающемуся в то время художнику

Италии, *Пьетро Перуджино в Перудже*¹⁵. Мы видим, что Рафаэль от Перуджино получил, так сказать, первое побуждение к тому, что затем возносится к столь мощному величию. Но когда вы смотрите на окружение Рафаэля, ещё в Урбино, затем в Перудже, а потом, в свою очередь, на саму душу Рафаэля, то это созерцание становится загадкой, как бы вы ни смотрели. Потому что эта душа Рафаэля находится внутри окружающей среды как нечто, что не произрастает само из этой среды, но он вступает в эту среду, как будто он пришёл из совершенно иных краёв. И только тот, кто недалёковиден в отношении этих вещей, всё ещё может стремиться объяснить Рафаэля исходя из того, что его окружало.

Рафаэль растёт в Перудже, он учится у самого выдающегося в то время живописца Италии. Если мы сначала посмотрим на самого учителя, то увидим христианина, считающегося с христианскими факторами углубления души. Если мы позволим общему впечатлению от его картин воздействовать на нас, то повсюду найдём это оправданным. Конечно, исходя из традиций своего времени, этот учитель Рафаэля изображал христианские образы, внутреннее человеческой души, ищущей пути к вечному. Он писал образы из жития святых так, чтобы борющаяся, ищущая, нуждающаяся в вечности человеческая душа находила в этих образах отраду. Но в каждом штрихе этих картин Перуджино мы также видим, что он не присутствовал самими внутренними фибрами своей души в том, что он изображал только исходя из традиции. Можно чётко различить, глядя на всё ещё существующие картины, на кроткий, но всё же вполне объяснимый из своего времени облик Перуджино: эта душа, живущая в этих чертах, в том, что она изображала на холсте,

стремилась углубить искусство исходя из традиции; но душа не присутствовала полностью при этом. Эта не совсем углублённая традиция, была самым существенным, что воспринял Рафаэль от своего учителя.

Рассматривая окрестности Перуджи, мы видим чудесную природу, пробуждающую в каждой чувствующей человеческой душе ощущение загадок природного бытия, вечных ценностей, заложенных в земном существовании. Но что происходило в этой среде? Битва за битвой в пылком народе. И надо полагать, что место, где Рафаэль обучался и рос, было отмечено битвами, ужасными битвами, которые отдельные семьи и роды вели между собой в борьбе за господство в городе. Целые семьи покидали город, а затем осаждали жителей, оставшихся в городе. Всё это окружало Рафаэля. Попробуйте представить себе любого человека, выросшего в Перудже, и сравнить его с Рафаэлем. Можно было бы увидеть, как первый человек участвовал бы во всём этом и ратворился бы в жизни своего окружения – это, так сказать, совершенно очевидно.

Существует красноречивое *повествование одного летописца*¹⁶, историка, который был именно таким человеком, присутствовавшим там. Он рассказывает, как однажды во время войны этих партий между собой, в город, верхом на лошади, словно своего рода Святой Георгий или Марс, вступает один из героев такой партии, энергично сражаясь за своих сторонников, и как он всё то, что ему тогда противостояло, сминая копытами своей лошади – это картина Перуджи в то время! Мы видим эту сцену, рассказанную летописцем, изображённой на картине Рафаэля – возвышенной в духовно-душевное, когда сметается всё то, что напрямую действует на того, кто сталкивается

непосредственно с этой сценой. Мы видим, как здесь нам навстречу выступает жизнь, которую может испытать только душа, которая парит над всем и придерживается только того, что внутренне, духовно представляет в такой сцене, а затем позже изображается на холсте. Таким представляется нам Рафаэль: родственным мирам, не принадлежащим к чувственному миру, родственным духовным областям, с которыми его душа полностью переплетена в своей внутренней сущности. И ничего иного не давало ему окружение, в котором он находился, чем то, что он мог просто его наблюдать, – дух, словно пришедший из иных краёв, необъяснимый только исходя из своего окружения, приносящий с собой нечто, присоединяющий нечто, что отсутствует в его окружении.

А чему Рафаэль научился у своего учителя? Именно тому, что сделало Рафаэля таким замечательным проявлением художественно-человеческого развития, он научился не у своего учителя. Потому что в Рафаэле мы чувствуем, что главная черта современности – углубление человеческой души – естественное углубление, связанное со всем, что он создаёт, – именно оно отсутствует у Перуджино, но что оно присутствует во всех фибрах души Рафаэля и непосредственно вливается в то, что он проявляет во всей полноте в своих формах и своём искусстве. Мы чувствуем, как повсюду на холсте живёт часть глубочайшей сокровенной сущности Рафаэля, когда мы углубляемся в его картины. Это было тем, что Рафаэль почерпнул с небесных высот, а не у Перуджино, что он привнёс сюда, как посланец совсем других миров. Человек, который попытается постичь это углубление не только в догмах и учениях, во внешних понятиях, законах, но всей душой, почувствует, что оно струится

из каждого творения Рафаэля, поэтому у Рафаэля в его величайшем творении мы видим как раз то, о чём мы можем сказать: «Теперь это нечто совсем иное, чем то, что заложено в греческом искусстве». Там жило то, что человек непосредственно переживал душевно-телесно и в то же время переводил в формы. В Рафаэле мы видим внутреннюю часть человеческой души словно излитой и выступающей нам навстречу в формах, душа, отделившаяся от природного существования, струится и встречает нас как новый мир, как творение самой глубочайшей части человеческой души – не находясь определённым образом внутри природы, но как новое творение – внутренняя часть человеческой души снова устремляется наружу и художественным образом воплощается здесь.

Человека, называющего христианином только верующего в христианские догмы, мы хотим для сегодняшнего рассмотрения оставить заниматься самим собой. Кто в углублении человеческой души познаёт христианское качество, кто видит этот христианский импульс действующим, кто видит, как человеческая душа отрывается от внешнего мира и осознаёт себя в себе самой, как она ищет импульс Христа во внутреннем – потому что человеку, отделившемуся от природы, нужна такая точка опоры – тот поймёт, почему этот импульс был дан именно в то время. Кто способен познать и прочувствовать это христианство в большей мере, чем [просто] лишённым догм, это христианство, которое некоторые вообще больше не считают христианским, тот поймёт, что духовно-научный исследователь чувствует, как в душе Рафаэля ещё до её рождения жила основная черта христианства, как в Рафаэле во всём чувстве и переживании себя рождается душа,

вступающая в своё окружение как пронизанная духом христианства, душа, одновременно с которой родился христианский образ жизни, душа, которая была христианской благодаря всему тому, что в ней жило. И это христианство в душе Рафаэля нельзя объяснить ничем из его окружения. Когда так говорят, это похоже на утверждение, и его нельзя доказать даже математическими доказательствами; такие вещи возникают через интимное углубление в сущность такой души. Если позволяют себе проследить за душой Рафаэля, то именно у него можно увидеть, как она возвышается и отличается от другой души, которая впервые во время своей жизни вжилась в углубление христианства. То есть именно у Рафаэля, если сопоставить его с другой личностью, можно увидеть, какая разница между такой душой, которая рождается в качестве пронизанной духом христианства души, вследствие чего она привносит каждой черте своих творений христианское, и такой душой, которая в первый раз вживается в христианские импульсы.

Продолжим рассмотрение Рафаэля с точки зрения его ближайшего окружения. Когда он переехал во Флоренцию, в 1504 году, он попал в среду, в которой было ещё ощутимо *заметно влияние Савонаролы*¹⁷, и в атмосфере всё ещё сильно преобладало то, что во Флоренции переживал Савонарола. Сам дух Савонаролы всё ещё чувствовался в том, что жило во Флоренции среди сторонников и противников Савонаролы, например, в госпоже Бартоломео, входившей в круг друзей Рафаэля. Если поставить рядом с Рафаэлем такую душу, как Савонарола, в качестве, так сказать, современной ему души, то замечают разницу. Как само собой разумеющееся выступает перед нами пронизанность христианством,

определённый вид цельной пронизанной христианством душевной жизни Рафаэля; этой душе Рафаэля не нужно в первый раз становится христианской, она не должна фанатично представлять христианство; она никогда этого не делает. Душа Рафаэля также не нуждается в каких-либо христианских догмах; эта душа рисует такие линии, накладывает такие краски, которые соответствуют христианскому углублению, она живёт по-христиански от рождения. Насколько отличается душа Савонаролы! Она вживается в христианство таким образом, чтобы мало-помалу завоёвывать себе героический, великий, значимый, моральный элемент христианства. Постепенно она воспламеняется в ходе своего развития тем, что можно почувствовать в христианстве в качестве впечатления. Она является душой, которая впервые вживается в христианство, которая настроена фанатично по отношению к христианству, у которой мы можем видеть, как постепенно она увлекается христианством и так тесно сживается с христианством, что углубившаяся христианская душа должна вновь изливаться наружу – мощно, а потому односторонне и фанатично. Это огромная разница.

Если не придерживаться догм, а принять во внимание, как в тот момент, когда поднимаются к духовно-научному созерцанию, всё становится бесконечно многосторонним, когда не получают доказательств, как в области математики, где всё имеет резкие очертания, тогда для того, кто не просто знает научные догмы и законы, но проникся импульсами духовной науки, проявляется то, что бесконечно ясно освещается двумя душами, что только что пытались объяснить. Когда духовная наука показывает нам, как душа Рафаэля – я просто хочу

слегка обрисовать эти вещи, не грубо, но как это должно происходить в духовной науке, когда мы подходим к отдельным индивидуальным конкретным вещам – когда духовная наука освещает нам, как такая душа, как Рафаэль, была тесно связана с духом христианства ещё в прошлой жизни, как она впитала силу христианства и прошла с этой силой христианства через жизнь между смертью и новым рождением, тогда можно понять и то преобразование, благодаря которому он некогда интенсивно пережил то, что теперь в очищенном виде может проявить в душевно-духовных силах. Таким образом, мы по праву подходим к разгадке, когда говорим себе: «Да, то, что непосредственно обладает побудительной силой христианства, вплоть до догматического элемента, раньше не было пережито такой душой, как Савонарола, лишь впервые в той жизни, во времена Рафаэля, она оказалась в состоянии исходя из других жизненных форм поэтапно вживаться в христианство на стадии, которую душа Рафаэля прошла ещё в прошлой жизни».

Несомненно, я также считаю очевидным, что большая часть современного человечества ещё находит то, что только что было высказано сейчас, абсурдным и нелепым. Когда люди находят нечто до такой степени абсурдным и нелепым, то меня, вместе со всеми теми, кто имеет возможность узнать основы духовной науки, это не удивляет. Но придут времена, когда люди увидят, насколько глубоко обосновано то, что можно сказать о человеческих душах исходя из духа, который сегодня использовался для того, чтобы объяснить совершенно другую природу души Савонаролы по сравнению с душой Рафаэля. Учение о повторных земных жизнях окажется при этом плодотворным.

И ещё другая черта встречается нам у Рафаэля, когда мы помещаем этого удивительного духа перед нашими душами. Если исследуют его душу таким образом, то находят: она столь естественно пронизана христианством, что Рафаэль не был введён в заблуждение нехристианским папским окружением, когда он приехал в Рим. Истинно, этой душе, в которой так естественно жило христианство, было легче справиться с окружающей средой, не вступать в конфликты с тем папой *Юлием II*¹⁸, о котором Макиавелли, который, конечно, сам обладал не особенно нравственным характером, говорил, что он – дьявольская душа, человек, который мог бы скалить зубы любому, кто с ним встречался, и кто ему не нравился. И о следующих папах, во времена которых жил Рафаэль, тоже нельзя сказать много христианского. А именно с такими папами сталкивается такая душа, как душа Савонаролы. Он выступает против них, как некогда выступил навстречу людям со своими разящими словами Креститель, но не душа Рафаэля, которая прошла через это раньше в какой-то жизни, о которой нам нет нужды здесь говорить далее. Душа Рафаэля остаётся незатронутой этим в своей христианской естественности.

Но его душа должна заниматься художественным творчеством. Художественное мастерство должно стать продолжением того, что выступило как искусство во времена древнегреческой культуры. Он должен искать то, чем не обладает в себе, и он должен найти это именно в окружающей среде. Мы видим, например, как он ходит среди раскопанных руин и древних гробниц в Риме и всё измеряет, действительно воспринимая извне то, что является своеобразием греческого искусства, которое он должен соединить с тем, что является для него само собой

разумеющимся, с христианской внутренней жизнью. Дела обстоят так, будто душа Рафаэля в прошлой жизни имела возможность настолько приблизиться к христианству, что это христианство, как само собой разумеющееся, родилось с этой душой в бытии Рафаэля, но как если бы в прошлой жизни она была далека от древнегреческой культуры, и теперь она должна воспринять эту культуру извне, чтобы сочетать её с христианством, которое он, как само собой разумеющееся, приносит с собой из прошлой жизни. Происходит словно сращивание того, что появляется из духовного как неизбежный результат предыдущего земного бытия, с тем, что теперь эта душа должна воспринять извне – в отличие от души Савонаролы. Таким образом, сращиваются два вида сил, которые выступают нам навстречу в этой душе Рафаэля. И когда-нибудь больше не будет ничего абсурдного и смешного, если Рафаэля отыщут где-либо в христианском окружении в прошлой жизни, находившимся вдали от древнегреческой культуры, которое в то время вливалось в эту душу мощные побуждения и импульсы, покоившиеся там до тех пор, пока эта душевная жизнь не преобразилась – до следующего рождения, разумеется, теперь без всякого фанатизма и без многих вещей, хотя бы только отдалённо похожих на фанатизм. Когда эта душа родилась заново, она искала – потому что в то время она ещё находилась вдали от древнегреческой культуры –, её там, где она могла бы найти её, чтобы иметь возможность теперь впитать эту древнегреческую культуру.

Таким образом, если мы сможем исходя из духовной науки познать те духовные течения, которые срослись в Рафаэле, мы сможем постигнуть их, тогда мы научимся понимать, как в этой душе так значимо действовало и то,

и другое: [во-первых], заложенная в ней благодаря её индивидуальности естественная христианская углублённость и, [во-вторых], древнегреческая культура, благодаря той среде, в которую была помещена душа, потому что ей не хватало именно того, что было значимым, великим переходным моментом для всей эпохи развития человечества. Мы видим, как Рафаэль – путём сращивания этих двух вещей, индивидуальной и лежащей в общем развитии человечества, но не полученной из предыдущего воплощения Рафаэля – на великой картине общего развития человечества возносится словно на [особую] вершину. Тогда мы понимаем, что таким образом в его душе смогло воскреснуть в бесконечно углублённом виде то, что теперь выступает нам навстречу из его творений. Если Рафаэль является действительно христианской душой и в ней закономерным образом соединяется христианский принцип с общечеловеческим элементом древнегреческой культуры, если Рафаэль так воспринимает великие течения нынешнего цикла развития человечества, тогда мы можем предположить, что в самой его душе живёт нечто, что является отражением закономерности человеческого прогресса.

И чтобы мои объяснения не показались Вам слишком «мистическими», а «фантазия» не стала бы слишком гротескной, я хотел бы здесь, где я хочу показать, как душа воспринимает нечто словно отображение великих течений мирового развития, как она представляет в себе самой, так сказать, малые эпохи, как образы великих эпох человечества – потому что в такие эпохи происходит человеческое развитие –, сказать не моими словами, но снова привести слова борющегося Германа Гримма, который говорит нечто весьма замечательное. Герман Гримм

в своем последнем произведении хочет представить наиболее значительные вершины творчества Рафаэля, но насколько удивительно, насколько любопытно он говорит об этой созидательной, творческой душе Рафаэля. Герман Гримм воспринимает творчество Рафаэля как закономерность всего мира развития творений, и семь его работ он считает величайшими в развитии Рафаэля. И об этих семи произведениях он говорит:

*В двадцать один год он написал*¹⁹ «Обручение Девы Марии», через четыре года – «Положение во гроб»; снова через четыре года после этого была завершена «Станца делла Сеньятура», а ещё через четыре года к этому добавились картоны для гобеленов, и затем вскоре обе Мадонны. «Преображение» стояло у изножья смертного одра.

Дух, предстающий для непредубежденного созерцания таким, как если бы он воспринял в себя эпохи развития человечества, такой дух предстаёт в своём развитии для искусствоведа, рассматривающего характерные черты, таким образом, что он каждые четыре года поднимается ко всё более высоким вершинам; и так как последний период в четыре года не завершён, то и последняя работа не закончена.

Часто говорят о том, что человек по отношению к макрокосмосу является микрокосмосом; такой эпихальный дух, как Рафаэль, предстаёт перед нами здесь как микрокосмос самого человеческого духовного развития. И каким образом он несёт это в себе? Нам нужно только обратить взгляд на две великие и мощные, также сейчас, хотелось бы сказать, *плохо отреставрированные, плохо сохранившиеся фрески*²⁰ в Ватикане в Станца делла

Сеньятура, одна из которых – справедливо или неправомерно, вопрос должен остаться открытым – называется «Афинская школа», другая – «Диспута». Всё человеческое развитие находится в этих двух находящихся напротив друг друга картинах, столь глубоко внутренне затрагивающих душу человека. На одной картине представлена в облагороженных обликах слева и справа древнегреческая культура, словно выражая себя в вопросе: «[Куда пришло человечество²¹, до какой точки оно продвинулось на протяжении всей эпохи древнегреческой культуры,] в которую человек ещё жил в непосредственном окружении внешнего мира?» Всё, вплоть до архитектуры, отражает в этой картине дух этого развития.

Ошибаются, если хотят объяснить, интерпретировать её (картину) педантично обывательским образом; поступают правильно, пытаясь суммировать в чувстве то, что человечество получило на своём пути вплоть до древнегреческой культуры, когда жизнь во внешнем мире была отделена от углублённости человеческой души, когда вся жизнь человечества в истекшее время со всем, чего жаждала человеческая душа, к чему она стремилась, и что выработала, суммируется в чувстве: нам навстречу струится и живёт в этой картине то, что наполняет это чувство содержанием. Описывать отдельные персонажи нет необходимости. Ещё я считаю ужасным, что путешественники постоянно стоят перед картиной с «путеводителем Бедекера» в руках²² и, читая, узнают: «Это – Аристотель, а это – Платон, это – Птолемей, а это – Пифагор». Что нам дают все эти имена, все комментарии и объяснения? Художественное веяние, исходящее от этой картины, также является тем же, что струится из греческого произведения искусства – веянием, исходящим из самого развития

человечества, если мы рассматриваем его с помощью чувствующего, художественно настроенного сердца. Затем на противоположной стене изображена эпоха углубления: вверху – символы неземного, внизу – люди. Картина показывает, как сверхчувственное вливается в их души, чтобы углубить их. Весь мощный контраст древнего времени и времени углубления, и, в свою очередь, намёк на новое углубление в себя, они изливаются нам навстречу из того, что – опять-таки справедливо или несправедливо – называют «Диспутой».

То, из чего произросла душа Рафаэля, он изображает в этих картинах. И это очень хорошо прочувствуют, когда смогут ощутить истинным то, что находится в душах в этих двух различных циклах развития человечества: дохристианском и послехристианском периодах. Если человек воздержится от всех суждений разума, всех нехудожественных комментариев – того безобразия субъективных интерпретаций, также столь многочисленно распространённого именно в теософских кругах – и доверится непосредственному ощущению, если человек углубится в вещи художественным образом, то почувствует, как нас влечёт к Рафаэлю, к человеческой душе, соединившей в художественном творчестве углубление с родственным бытием сопричастным всему духовному в природе, как это было в предыдущие эпохи.

Опять же – если человек поедет из Флоренции в Болонью, и там перед ним предстанет картина: в центре женская фигура, ясновидческим образом взирающая вверх – мне не нужно называть имя, пожалуй можно предположить, что это «Святая Цецилия» –, то увидит, что во всех жестах, в каждой линии, в каждом цвете проявляется отрешённость души от телесного. Она направляет взгляд вверх,

вследствие чего как от фигуры в центре, так и от четырёх окружающих исходит впечатление: падение на землю земных инструментов происходит непосредственно из ощущения; но душа, устремлённая вверх – мы чувствуем, что её звуки умолкли, – прислушивается к тому, что рождается словно из того сверхчувственного, что пронизывает мир волнами и согревая звучит как музыка сфер, по отношению к которой земная музыка как бы исчезает. Только душа, ощущающая такую же углублённость, как душа Рафаэля, могла запечатлеть это на холсте, на стене. И только душа, подобная душе Рафаэля, могла именно из самой глубины человеческой души создать то высшее, что может ощутить человеческая душа. Если духовная наука в своей всесторонности хочет возвысить человеческую душу до истока человеческого бытия, то она приходит к тому, что здесь уже не раз излагалось: что, конечно, на Земле нас может окружать многое, что мы смотрим на многое, но именно то, что предстаёт перед нами в строгом духовно-научном созерцании как самое сокровенное в нашей природе, которое несёт и направляет нас к поиску углубления того, что является внеземным истоком – оно живёт, *как я сказал позавчера*²³, в духовно-душевном, которое окружает нас, также как физически нас окружает атмосфера Земли; и мы чувствуем рождённым из духа то, что является самым человеческим в человеческом. Если мы хотим получить представление о самом человеческом из человеческого, если мы хотим почувствовать и пережить в своей душе то, что духовная наука может оживить в душе, тогда мы чувствуем Землю со всем, что принадлежит Земле, исчезающей, и возвышаемся к самому человеческому из человеческого, тогда наша душа углубляется во внеземные миры, она обращает взгляд к тому, чтобы

в этих внеземных мирах найти то, что является истоком человека, и она выходит наружу, когда ищет сверхчувственное, чтобы сделать чувственно постигаемым в области образования облаков. Наша душа поднимается от ощущения, которое загорается в нас от [образа] так называемой «Святой Цецилии», к тонко ощущаемому сверхчувственному переживанию тайны человека, пришедшего из внеземных миров.

И если человек этому чувству, порождающему бесконечное тепло в нашей душе, если он позволит этому чувству стать цельным чувством – именно тем чувством, в котором, наконец, объединяются потоки духовно-научного созерцания –, если он позволит этому чувству господствовать в себе и поищет удовлетворительное представление – поищет нечто, выступающее навстречу этому чувству извне, – то представит себе «Сикстинскую Мадонну» из Дрездена. Духовно-научное чувство срастается с тем, что Рафаэль изобразил на этой картине. С помощью линий и цвета, с помощью движений рук и жестов нам изображается то, что имеется в виду: встреча духовно-научных идеалов с высшим художественным идеалом, с религиозными чувствами в нас, встреча того ощущения, которое может зажечь в нас пламя из всего образного, встреча этого ощущения с тем, что струится нам навстречу из творения Рафаэля, встреча ощущения с творением фантазии, которое само выросло из такого ощущения.

Часто умолкают, когда приступают к описанию ощущений, в конце концов приводящих к постижению сверхчувственного. Но Рафаэль предстаёт перед нами как загадка, заданная духовной науке. И глубоко внутренне это можно понять, когда кто-то, как например,

Герман Гримм, повсюду подступает к духовной науке и стремится найти в облике Рафаэля нечто, соответствующее духовной науке, но оставляет своё рассмотрение незавершённым, поскольку не может этого найти. Таким образом, такой пример ясно показывает то, что так часто приходилось говорить: наследие девятнадцатого века состоит в том, что внешней науке того века, внешнему созерцанию и внешнему копированию природы суждено было достичь вершины, которой невозможно восхищаться в полной мере. Но он всё же оставил загадки, поэтому в нашу эпоху эта внешняя наука должна влиться в духовную науку.

Если внимательно посмотреть как раз на своеобразную борьбу Германа Гримма, то это обогатит человека и подтолкнёт к тому, чтобы заниматься Рафаэлем духовно-научным образом. И тогда смогут опережить то, насколько особенной эта борьба должна быть в этой душе Германа Гримма, и придут к тому, что также скажут, что все использованные здесь средства были недостаточными. Как ни странно, сразу во введении к его рассмотрению Рафаэля мы находим своеобразную мысль, прорастающую в душе Германа Гримма – подобно тому, как иногда мысли возникают из глубинных, подсознательных областей душевной жизни –, своеобразную мысль, о которой спрашивают: почему именно эта мысль возникает при рассмотрении души Рафаэля?

Перед моими глазами предстаёт эволюция²⁴ человечества, которую мне не дано опережить ...

– он сомневается в том, что душа действительно снова будет жить в более поздних воплощениях –

... но которая мне кажется столь сияюще прекрасной, что ради неё, пожалуй, человеку стоило бы приложить усилия, чтобы начать человеческое существование ещё раз.

Странно, хотелось бы сейчас сказать гротескно-сухо: как раз там, куда не мог подойти Герман Гримм, потому что он не может посмотреть на жизнь Рафаэля с точки зрения повторных земных жизней, там ему приходит в голову мысль о повторной земной жизни. Он полагает, что когда рассматривают Рафаэля, тогда влечёт к мысли о том, чтобы снова начать существование.

Кроме того, такую мысль не следует комментировать дальше, но только позволить звучать, подобно тому, как из подсознания Германа Гримма отозвалась та мысль, которая некогда станет разрешением загадки Рафаэля. И если мы сможем увидеть решение многих загадок, живущих в каждой человеческой душе – как в самой незначительной, так и в величайшей, – в самом факте повторения земных жизней, то также и великие загадки развития человечества станут нам особенно понятными именно на пике их развития, если мы будем в состоянии прибавить к этому учение о повторных земных жизнях. Тогда бесконечно глубокий смысл вольётся в историю развития человечества.

И если мы наполнимся ощущением, что души, подобные душе самого Рафаэля, проникаются силами человечества, чтобы применить их в новой жизни в новых формах, тогда мы живо ощутим по отношению к Рафаэлю то, чем Герман Гримм когда-то завершил и в то же время начал своё рассмотрение Рафаэля, и чем мы также хотим завершить то, что следовало бы сегодня изложить в рассмотрении о Рафаэле. Когда именно в духе духовно-научного

рассмотрения увидят, как глубоко душа Рафаэля коренится во всём смысле развития человечества, тогда действительно почувствуют то, что Герман Гримм описывает в начале своего рассмотрения Рафаэля. И также здесь духовная наука показывает нам то, что является внутренней душевной жизнью, не в абстрактных формах, но она воспламеняет преданность всему тому, что является духовным, мощным и плодотворным в развитии человека. То, что Герман Гримм смог сказать из глубин своей души, исходит только из такого рассмотрения, которое было дано сегодня. Да, с таким чувством нам следует смотреть на Рафаэля, и поэтому мы можем сказать:

О труде всей жизни такого человека захочет узнать каждый. Рафаэль стал одним из элементов, на которых основывается высшее формирование человеческого духа. Мы хотели бы сблизиться с ним, потому что мы нуждаемся в нём для нашего благополучия.

Конечно, и развитие человечества срастается с такой силой, вливающейся в его сферу, потому что она будет жить в этой душе во всё новых и новых точках зрения, должна жить, и эта её сила, в свою очередь, будет изливаться в другие души. Таким образом, и духовное исследование может высказать те же слова, которые сказал Герман Гримм:

*О Рафаэле люди всегда захотят узнать*²⁵. О молодом прекрасном живописце, превзошедшем всех остальных. Ему пришлось рано умереть. Его смерть оплакивал весь Рим. Если когда-нибудь произведения Рафаэля будут утеряны, его имя останется запечатлённым в памяти людей.

И духовная наука может добавить: сила, присутствовавшая в его душе, будет жить всё дальше и дальше, во всё новых и новых образах, в постоянном творческом развитии человечества!

Приложение

Об этом издании

История возникновения текста

В работах Рудольфа Штайнера с 1903 по 1918 гг. центральное место в открытых лекциях занимают Берлинские лекции в Доме архитекторов. По сути, речь шла о проведении некоего рода курса, рассчитанного на многие годы, об Антропософии для постоянных слушателей. Лекции, прочитанные в Доме архитекторов, находятся в ПСС 52-66. (См. об этом: Karl Boegner «Die Architektenhaus-Vorträge. Rudolf Steiners große Einführung in die Anthroposophie», in «Beiträge zur Rudolf Steiner Gesamtausgabe» Nr. 87, Ostern 1985.) Однако кроме этого Рудольф Штайнер прочёл серию лекций за пределами Берлина, также для круга слушателей, не являющихся постоянными участниками. Эти лекции с 1910 по 1914 гг., о которых сохранились достоверные записи, находятся в трёх следующих томах: «Wahrheiten und Irrtümer der Geistesforschung» (ПСС 69a), «Erkenntnis und Unsterblichkeit» (ПСС 69b) и «Новое переживание Христа» (ПСС 69c), далее последуют тома «Tod und Unsterblichkeit im Lichte der Geisteswissenschaft» (ПСС 69d) и «Geisteswissenschaft und die geistigen Ziele unserer Zeit» (ПСС 69e). Структура отдельных томов не всегда строго хронологическая; различные лекции на одну и ту же или похожую тематику размещены рядом.

Открытые лекции за пределами Берлина, как правило, организовывали и проводили местные группы, ложи или ветви Теософского или Антропософского общества. Темы лекций либо предлагал сам Рудольф Штайнер либо

Информация к тексту

их запрашивали руководители ветвей. При этом следует обратить внимание, что не все слушатели были одинаково хорошо знакомы с духовно-научными представлениями, и поэтому Рудольф Штайнер подходил к теме по-разному – с учётом присутствующих слушателей. Выражаясь словами Вальтера Абендрота, речь идёт о «попытке общения с духом времени, с современным миром, большей частью являющимся явно другим миром, которому нужно сделать доступной Антропософию». (См.: Walter Abendroth, «Wem und welchem Ziel galt Rudolf Steiners öffentliche Vortragsarbeit?», in: «Nachrichten der Rudolf Steiner-Nachlassverwaltung», Nr. 21, Ostern, 1968).

Даже если эти лекции в основном представляют собой так называемые параллельные лекции, – то есть лекции на одну и ту же тему, но прочитанные в разных местах –, их содержание отнюдь не идентично. Рудольф Штайнер всегда говорил в произвольной форме и никогда не использовал заготовленный текст.

В открытых лекциях, прочитанных с 1910 по 1913 гг., ощущается временная взаимосвязь с отделением от «Теософского общества» и основанием «Антропософского общества» в 1912/1913 гг. Снова и снова Рудольф Штайнер пытался пробудить понимание того, что *его* исследование духовного – в отличие от теософии своего времени – должно стать расширением естественно-научного исследования и его методов и находится в полном созвучии с естествознанием. Для него речь шла о том, чтобы, с одной стороны, расширить горизонт понимания своих слушателей далеко в духовное благодаря представлению духовно-научных познаний, а, с другой стороны, позволить этому образу мыслей стать плодотворным также и на практике.

Основа текста: во время читаемых в Берлине лекций официальные записи велись опытными стенографистами Францем Зайлером и Вальтером Вегеланом, почти все конспекты или записи лекций в других местах происходили более или менее случайным образом и во многом благодаря личной инициативе отдельных участников. Нам известно не обо всех людях, записывавших лекции, входящие в этот том. В большинстве случаев имеются лишь машинописные тексты. Они называются «текстами расшифровки» стенограмм и обычно наряду с ними используется обозначение «записи», однако «записи» – строго говоря – также являются записями стенограмм или обычными заметками. Более подробную информацию о формировании текста можно найти в разделе примечаний к каждой лекции.

Название: заглавия отдельных лекций принадлежат Рудольфу Штайнеру и, насколько известно, дословно соответствуют официальным анонсам. Название тома было выбрано редакцией.

Исправления текста, варианты текста: эти «частные» записи нельзя рассматривать тем же самым образом как выполненные по заказу Рудольфа Штайнера непрерывные дословные «официальные» стенограммы, и они также не всегда являются полными. Поэтому их необходимо перед печатью тщательным образом проверять, и они часто требуют значительной редакторской обработки. В данном томе это особенно относится к лекции, прочитанной 22 февраля 1919 г., для составления текста которой были использованы две записи, носящие характер заметок, одни – более детальные,

Примечания к тексту

Примечания к первой лекции от 13 июня 1910 г.

а другие – более краткие. Также для лекций, прочитанных 15 ноября 1913 г. и 11 марта 1913 г., в некоторых местах были необходимы многократные редакционные вмешательства. Однако, несмотря на некоторое отсутствие деталей, содержание лекций обычно сохраняется на удивление верным, что также проявляется в том, что по существу оно согласуется с соответствующими изложениями, данными Рудольфом Штайнером в других местах. Лекции, собранные в данном томе, являются хорошим примером вышесказанного. Напротив только одну страницу из обширных заметок к лекции, прочитанной 8 марта 1914 г., не смогли поместить в книгу, потому что она очень обрывочна, и не понятно изложено ли в ней содержание лекции или иногда только мысли записывающего. Поэтому из этой лекции печатаются только наиболее хорошо переданные ответы на вопросы. – В представленных здесь лекциях Рудольф Штайнер относительно редко использовал слово «теософия». Чаще всего он говорил о «духовной науке» или о «духовном исследовании». Соответствующие места воспроизводятся так, как они были запечатлены в расшифровках стенограмм.

Вставки немецкого редактора, выходящие за рамки чисто грамматического или стилистического редактирования текста, находятся в квадратных скобках; речь идёт, прежде всего, о контекстных, смысловых дополнениях редактора. Если были предприняты дальнейшие изменения в дословном тексте, как например, улучшение подозреваемых ошибок слуха или опечаток, или соответствующая реконструкция неясных текстовых отрывков, тогда оригинальная формулировка текста воспроизводится в примечаниях.

Основа текста: о лекции, прочитанной в Кристиании (Осло) 13 июня 1910 г. существуют стенографические записи Франца Зайлера, приехавшего в Кристианию в качестве официального стенографиста цикла лекций «Миссия душ различных народов» (с 7 по 17 июня 1910 г., ПСС 121); однако Зайлер позднее не расшифровал стенограмму открытой лекции. Расшифровка и передача записей была осуществлена только в 1990 г. благодаря сотруднику архива Рудольфа Штайнера Михаэлю Швайцеру. Дословный текст был слегка обработан стилистически.

¹ *Кристиания (Осло), 13 июня 1910 г.:* в январе 1910 г. в Стокгольме Рудольф Штайнер в лекции для членов Теософского общества впервые говорил о будущей развивающейся способности людей переживать образ Христа в эфирном мире. В следующие месяцы он снова и снова указывал на это ожидаемое событие в многочисленных лекциях для членов общества в разных местах (ПСС 118). Однако 25 января 1910 г. в Карлсруэ он сказал: «Пройдёт ещё много времени пока станет возможным раскрыть современному человечеству в открытых лекциях более сокровенные стороны духовной жизни» (ПСС 118, 1984 г., стр. 11 на нем. языке). Тем не менее, уже несколько месяцев спустя, 13 июня 1910 г., снова в скандинавской стране, он открыто говорил о вопросе будущего переживания Христа. Это произошло в то время, когда Рудольф Штайнер читал большой цикл лекций

о «Миссии душ различных народов в связи с северо-германской мифологией» (ПСС 121).

² *С тех пор как я здесь в прошлом году смог говорить на подобную тему:* в мае 1909 г. в Кристиании (Осло) Рудольф Штайнер наряду с циклом лекций «Theosophie an der Hand der Apokalypse» (ПСС 104а) также прочёл лекцию под названием: «Der Eintritt des Christus in die westliche Welt» («Вступление Христа в западный мир»). Об этой лекции, состоявшейся 12 мая 1909 г., не осталось записей.

³ *«Существовал ли Иисус?»:* в январе 1910 года Немецкая монистическая лига организовала в Берлине так называемое Берлинское обсуждение религии, в ходе которого протестантские теологи обсуждали с Артуром Древесом (1865-1935, профессором философии) его книгу «Миф о Христе» (Йена, 1909 г.). Древес пытался доказать, что исторического Иисуса Христа никогда не существовало. Согласно Древесу, Евангелия являются не историческими источниками, а сочинениями церковной направленности, облачившими древнюю идею о язычески-мифическом Богочеловеке в видимую историческую форму. Поэтому всё христианство основано не на доказуемом событии, а только на мифических идеях. Заявления, произнесённые на этой встрече, в частности лекция Древса «Является ли Иисус исторической личностью?» вскоре были изданы под названием «Существовал ли Иисус?». На Берлинском обсуждении религии Немецкой монистической лиги 31 января и 1 февраля 1910 г. в Зоологическом саду выступали профессор доктор Артур Древес на тему «Миф о Христе», профессор и пастор фон Зоден, пастор Фридрих Штойдель, пастор

доктор г. Холльман, пастор Макс Фишер, доктор Фридрих Липсус, пастор Х. Франке, доцент Теод. Капштейн и доктор Макс Маренбрехер. Опубликовано Немецкой монистической лигой (Берлин, 1910 г.).

Критические исследования документов, подтверждающих историческое существование Иисуса, были начаты ещё в XVIII веке Германом Самуэлем Реймарусом (1694-1768) и были продолжены в XIX веке такими известными теологами как, например, Давид Фридрих Штраус (1808-1874), Эрнест Ренан (1823-1892) и многими другими. См. также книгу Альберта Швейцера «Von Reimarus zu Wrede. Eine Geschichte der Leben-Jesu-Forschung» («От Реймаруса до Вреде. История исследования жизни Иисуса»), Тюбинген, 1906 г. О животрепещущих вопросах того времени смотри очерк Давида Хофмана «Hat Jesus gelebt? – Notizen zur Leben-Jesu-Forschung» («Существовал ли Иисус? – Заметки к исследованиям жизни Иисуса»), а также указатель I: литература по теме «Жизнь Иисуса» и «Современная критика Евангелий» в разделе «Теология» в библиотеке Рудольфа Штайнера и указатель II: упоминания об «исследовании жизни Иисуса», современной критики Евангелий и соответствующих авторов в трудах Рудольфа Штайнера, в «Приложениях к полному собранию сочинений Рудольфа Штайнера», № 102 (Дорнах, 1989 г.).

⁴ *в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?»:* первоначально была опубликована серия статей с июня 1904 г. по сентябрь 1905 г. в журнале «Lucifer-Gnosis», в 1909 г. – напечатана в виде книги (ПСС 10). Перевод статей на норвежский язык был опубликован в форме книги уже в 1908 г. (В нем. издании текста название этой книги стоит то с вопросительным знаком, то без него. – прим. пер.)

⁵ *Измените склад ваших душ*: см. Евангелие от Матфея 3,2.

⁶ *Заратустра говорил об Откровении Христа*: см. лекцию Рудольфа Штайнера в Берлине, прочитанную 19 января 1911 г. в ПСС 60. Также он говорил о Заратустре в Мюнхене 11 декабря 1910 г. (ПСС 69b).

⁷ *«Я желаю говорить»...*: произвольное воспроизведение Рудольфом Штайнером отрывка из Гат (песнопений) Авесты, Ясна (текст наставлений) 45. Приведенная часть (цитируемая из «Гат Авесты. Тексты наставлений Заратустры», в переводе Христиана Бартоломе, Страсбург 1905 г., стр. 69 и далее) дословно звучит так: «1. Я желаю говорить, теперь внимайте, теперь слушайте, те, что пришли из близких и далёких мест, желающие узнать грядущие вести. Запечатлите их в своей памяти, ибо они (теперь) открыты. Дабы лжеучитель не погубил второе бытие выбором злым, обольстив языком в недобрую веру. 2. Я хочу говорить о двух духах начала бытия, святой так говорил злomu: ни помыслы наши, ни учения, ни убеждения, ни слова, ни индивидуальности, ни души – не совпадают. 3. Я буду говорить о том, что всеведущий Мазда Ахура в начале этого бытия возгласил мне. Те же из вас, кто не признает то, что я мыслю и говорю, те в конце бытия окажутся в беде».

⁸ *великий механик Архимед*: Архимед (около 287-212 гг. до н. э.) был выдающимся греческим математиком, физиком, инженером. Когда он открыл (принципы) рычага, он сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир».

⁹ *гипомохлионом*: точка опоры для рычага.

¹⁰ *великий естествоиспытатель Франческо Реди*: итальянский врач и естествоиспытатель из Тосканы Франческо Реди (1626-1697) опроверг ранее господствующую теорию «абиогенеза» или «самозарождения» («generatio spontanea»), которая гласила, что жизнь может возникнуть спонтанно из неживого, когда показал, что черви или личинки не рождаются в разлагающейся жидкости, если суметь воспрепятствовать мухам откладывать в ней яйца. Позже из этого сформировали основное правило: «Omne vivum ex vivo» («Всё живое происходит из живого»), как преобразование слов «Omne vivum ex ovo» («Всё живое происходит из яйца»), принадлежащих английскому врачу и первооткрывателю кровообращения Уильяму Гарвею (1578-1658) (согласно: «Meiers Großes Konversationslexikon», 19 том, Лейпциг и Вена, 1909 г., ключевое слово «самозарождение»).

¹¹ *в книге седьмого столетия нашей эры*: здесь, возможно, ошибка слуха. Вероятно, было сказано: «семнадцатого века нашей эры». Ещё около 1700 года из под пера автора книг для ведения домашнего хозяйства Иоганна Кристофа Тиме (даты жизни неизвестны) вышел труд «Haus-, Feld-, Artzney-, Koch-, Kunst- und Wunder-Buch. Das ist: Ausführliche Beschreib- und Vorstellung wie ein kluger Haus-Vater und sorgfältige Haus-Mutter, [...] ihr Haus-Wesen führen möge [...]» (Нюрнберг, 1700 г., прежде всего 10 часть, 1 глава), в которой автор высказывает такую точку зрения. См. также открытую лекцию в Дюссельдорфе, прочитанную 19 февраля 1910 г. (ПСС 69b, стр. 25 на нем. языке).

¹² *с трудом избежал судьбы Джордано Бруно*: Джордано Бруно (1548-1600) был одним из первых мыслителей нового времени. Подвергался преследованиям со стороны церкви из-за своих взглядов и в 1600 году был сожжён инквизицией как еретик в Риме. Рудольф Штайнер даёт характеристику мировоззрения Джордано Бруно в отдельной главе книги «Мистика на заре современной духовной жизни и её отношение к современному мировоззрению» (ПСС 7), в книге «Загадки философии» (ПСС 18) в начале главы «Мировоззрения ранней эпохи развития мысли», а также в Берлине в открытой лекции, прочитанной 26 января 1911 г. «Галилей, Джордано Бруно и Гёте» (ПСС 60). Первое издание своей «Теософии» (1904 г.) Рудольф Штайнер посвятил «духу Джордано Бруно».

¹³ *Сегодня утверждают*: примером такой точки зрения являются труды доктора медицины и философии Роберта Зоммера о Гёте. Роберт Зоммер (1864-1937) был профессором в университете Гиссена. В его работе «Goethe im Lichte der Vererbungslehre» («Гёте в свете учения о наследовании») (Лейпциг, 1908 г., стр. 14 и далее) он пишет: «Речь идёт [...] о том, чтобы исследовать общие задатки гениальных личностей и понять их организацию с точки зрения истории развития. С этой целью требуется тщательное изучение их происхождения на основе старательного исследования семьи, помимо психологического анализа их характеристик». И в конце книги он следующим образом подводит итог своих исследований в отношении Гёте (там же, стр. 123): «Природа Гёте проявляется [...] выраженным образом как синтетическое творение, в котором определённые художественные

основные способности, полученные из открытого источника, соединились с более рациональным и систематическим умом семьи Гёте и семьи Тексторов. Именно унаследование этого синтеза двух совершенно разных основ, по всей вероятности, получило огромное значение для духовных достижений Гёте».

¹⁴ *Буддой*: Гаутама Сиддхарта Будда жил на 5/6 столетий раньше Христа. См. также указание, данное Рудольфом Штайнером в лекции, прочитанной в Мюнхене 12 марта 1913 г., в которой он называет 13 октября 483 г. до н. э. – датой смерти 80-летнего Будды. Такое же утверждение можно найти в частично законспектированной открытой лекции, прочитанной 24 февраля 1913 г. в Мангейме (неопубликована). 483 год в качестве года смерти также был рассчитан по так называемой «длительной исправленной хронологии», которая сегодня больше не является общепризнанной.

¹⁵ *к трудам Эвклида*: Эвклид – греческий математик; жил в Александрии примерно в 300 г. до н. э. Его 13-томный труд «Элементы» был особенно полезен для занятий математикой и геометрией вплоть до XX века.

¹⁶ *его так называемые «четыре благородные истины»*: четыре благородные истины, впервые провозглашённые Буддой в Бенаресской проповеди (переданной в палийском каноне, Самьютта Никая 56, 11), у Рихарда Пишеля («Жизнь и учение Будды», III глава «Жизнь Будды», Лейпциг, 1906 г., стр. 28 и далее на нем. языке) говорится: «Это, монахи, благородная истина о страдании: рождение есть страдание, старость есть страдание, болезнь есть

страдание, смерть есть страдание, соединение с нелюбимым есть страдание, разлука с любимым есть страдание, неполучение желаемого есть страдание, вкратце, пять элементов, вызывающих привязанность к существованию, есть страдание. Это, монахи, благородная истина о возникновении страдания: это – та жажда, порождающая перерождение, сопровождаемая радостью и потребностью, находящая радость здесь и там, как жажда похоти, жажда (вечной) жизни, жажда (вечной) смерти. Это, монахи, благородная истина об уничтожении страдания: это полное освобождение от этой жажды, её уничтожение, отвержение, оставление, изгнание. Это, монахи, благородная истина о пути, ведущему к прекращению страдания: это является благородным восьмичленным путём: правильное суждение, правильные намерения, правильное слово, правильное действие, правильная жизнь, правильные усилия, правильная память, правильное сосредоточение».

¹⁷ *Не я*: в переводе Лютера (Берлин, 1905 г.), это место звучит так (К Галатам 2,20): «Но уже теперь не я живу, а Христос живёт во мне».

¹⁸ *что мы называем событием на пути в Дамаск*: См. Деяния 9, 3-9; 22,6-11; 26,12-18.

¹⁹ *Существо тянется к существу...*: это изречение также упоминалось 15 мая 1910 г. в лекции, прочитанной на Троицу, для членов общества в Гамбурге (ПСС 118, текст идентичен) и в другом варианте 24 мая 1910 г. в открытой лекции (ПСС 69b):

Существо тянется к существу в далях пространства,
Существо следует за существом в ходе времени.
Если ты желаешь проникнуть из царства бренности
В область Вечного,
То заключи союз с познанием,
Ибо только так найдешь ты Вечное
В тебе, Вечное вне тебя -
По ту сторону далее пространства,
По ту сторону хода времени.

Примечания ко второй лекции от 22 февраля 1912 г.

Основа текста: машинописную расшифровку текста, записанного фрагментарно, пришлось сильно редактировать (дополнения находятся в квадратных скобках); местами текст был дополнен краткими заметками от руки, принадлежащими неизвестному.

¹ «*Существовал ли Иисус?*»: см. примечание № 3 к первой лекции.

² [*Но то, что должна сказать эта духовная наука...*]: реконструкция. Дословный текст: «Но духовная наука должна сказать то, что она посвятила себя обоснованной надежде снова вернуть Христа, которого внешним образом безвозвратно отняли».

³ *к чему [некогда] пришла наука гностиков*: см. рекомендованный Рудольфом Штайнером в книге «Христианство как мистический факт» (ПСС 8) труд теософа Джорджа

Р. С. Мида «Fragmente eines verschollenen Glaubens. Kurz gefasste Skizzen über die Gnostiker, besonders während der zwei ersten Jahrhunderte. Ein Beitrag zum Studium der Anfänge des Christentums» («Фрагменты утраченной веры. Краткие очерки о гностиках, особенно в I-II веках. Материалы для изучения истоков христианства» (издано на англ. языке в Лондоне, 1900 г., перевод на немецкий А. фон Ульрих, Берлин, 1902 г.). А также в его библиотеке можно найти следующую книгу: Евгений Генрих Шмидт «Die Gnosis. Grundlagen der Weltanschauung einer edleren Kultur» («Гнозис. Основы мировоззрения благородной культуры»), 1 том «Die Gnosis des Alterthums» («Древний гнозис»). Лейпциг, 1903 г.; «Koptisch-Gnostische Schriften» («Коптские гностические писания») том 1 («Die Pistis Sophia», «Die beiden Bücher Jesu», «Unbekanntes altgnostisches Werk») изданные К. Шмидтом в Лейпциге, 1905 г., Вольфганг Шульц «Dokumente der Gnosis» Йена, 1910 г. Сравните с написанным о гностиках: Рудольф Штайнер «Загадки философии» (ПСС 18) глава «Мыслительная жизнь от начала христианского летоисчисления до Иоанна Скотта или Эригены», Рудольф Штайнер «Христианство как мистический факт» (ПСС 8) глава «О сущности христианства».

⁴ [Гностики предполагают подобное преобразование]: воспроизведение согласно смыслу. Дословно: «Гностики предполагают, что это является тем, что произошло с Иисусом в возрасте тридцати лет».

⁵ *Аристотель сказал*: сравните с этим и со следующими книгами Франца Brentano «Die Psychologie des Aristoteles» («Психология Аристотеля»), Майнц,

1867 г., раздел 32, стр. 195 и далее, и «Aristoteles und seine Weltanschauung» («Аристотель и его мировоззрение»), Лейпциг, 1911 г., особенно в главе «Das Diesseits als Vorbereitung auf ein allbeseligendes und jedem gerecht vergeltendes Jenseits» («Земная жизнь как подготовка к блаженной и справедливо заслуженной каждым загробной жизни») также книгу Винсента Кнауэра «Die Hauptprobleme der Philosophie» («Главная проблема философии») Вена и Лейпциг, 1892 г., часть 1, 29 лекция, стр. 201 и далее. Высказывания Аристотеля о бессмертии души, и соответственно духа, можно найти в различных трудах. Упомянутый отрывок из «De generatione animalia», книги о зарождении животных и человека, гласит (B736b, р. 34-36): «Но остаётся (неизменным), что сам дух приходит извне [дословно: через дверь] и он один является божественным». Сравните также с описанными Рудольфом Штайнером постэкзистенциальными представлениями Аристотеля его книгу «Eudemos», 3 (в «Hauptwerke Ausgewählt und eingeleitet von Wilhelm Nestle», Лейпциг, [1934 г.], стр. 4): «Когда душа приходит оттуда, она забывает всё, что там видела; но когда она покидает этот мир, она помнит то, что пережила здесь.»; см. также «Метафизику» Аристотеля: «Но если существует нечто, что само неподвижно движет другими [как это делает душа], нечто, что в чистом виде является действенным, то не существует возможности это изменить». – «Вопрос только в том, сохранится ли эта форма впоследствии. Существуют предметы, где ничто не мешает такому предположению, как, например, если речь идёт о душе; конечно, это – не вся душа, а мыслящий дух, рассматривающийся в данном случае. Так как то, что душа должна сохраняться целиком и полностью, пожалуй, совершенно немислимо», а также

Аристотель «Die Anima», (I, 3): «Но мыслящая душа представляется как определённая субстанция, входящая в тело и являющаяся нерушимой».

⁶ *Франц Brentано [большой знаток Аристотеля...]*: Франц Brentано и его работы вкратце приведены в другом примечании, поэтому текст добавлен исходя из смысла. Франц Brentано (1838-1917) вначале был католическим теологом; в качестве философа и психолога преподавал в Вюрцбурге и Вене. Сравните также: Рудольф Штайнер «О загадках души» (1917 г.); а также: «Франц Brentано. О будущем философии», в «Методических основах антропософии 1884 -1901 гг.», ПСС 30, 1961 г. стр. 526 и далее на нем. языке, а также лекция, прочитанная 4 ноября 1910 г. в: «Антропософия, психософия, пневматософия» ПСС 115, стр. 211 и далее на нем. языке, и статья «Учение Иисуса согласно Францу Brentано» и «Понимание человека (Brentано и Ницше)», в «Идея Гётеанума на фоне культурного кризиса современности. Собрание статей из журнала «Гётеанум» 1921-1924 гг.», ПСС 36, 2014 г., стр. 153 и стр. 158 и далее на нем. языке. Труды Brentано об Аристотеле: см. примечание № 5.

⁷ *что человек [также интеллектуальным образом] совершил грехопадение*: добавлено редактором исходя из смысла. Рудольф Штайнер подробно говорит об этом в лекции, прочитанной 21 января 1923 г.: «Эта мудрость схоластиков Средневековья говорила себе: если интеллект развивают таким остроумным образом, как это делает человек, то благодаря ему можно познать только внешнюю природу. Благодаря голому интеллекту самое большее можно доказать, что существуют божественно-духовные силы; но

не возможно ничего познать об этих божественно-духовных силах, можно только верить в божественно-духовные силы. ...То есть человек, в прежние времена чувствовавший себя грешным относительно своей моральности – но грешным означает: отделённым от божественно-духовных сил —, этот человек, чувствовавший себя в то время грешным морально, в определённой степени в схоластической мудрости чувствовал себя грешным интеллектуально». (ПСС 220, 9-я лекция о грехопадении и осознании греха).

⁸ *таким образом Иисус стал «простым человеком из Назарета*»: Рудольф Штайнер часто приводил это высказывание. Оно восходит к евангелическому пастору и писателю романов Густаву Френссену (1863-1945) (Dorfpredigten, 1 том, Гёттинген, 1900 г.) и протестантскому теологу Генриху Вейнелю (1874-1936). В его книге «Jesus im neunzehnten Jahrhundert» («Иисус в девятнадцатом столетии») (Тюбинген, 1903 г., стр. 6 на нем. языке) говорится: «Однако тот, к кому люди нашего времени приходят за ответами на вопросы об их заботах, это – не Христос прошлого, являющийся Богочеловеком из древних догм, а Иисус из Назарета. Очень, очень долго этот простой и мужественный человек скрывался в сияющей славе Царя Небесного». См. также: «Die Gleichnisse Jesu», Лейпциг, 1905 г., введение.

⁹ *И потому [затем возникает] вопрос: «Существовал ли Иисус?»*: см. примечание № 3 к первой лекции.

¹⁰ *[Профессор] Древис со своими единомышленниками*: Артур Древис относился к представителям не принадлежавшего ни к одной официальной религии монистического

движения, отвергавшего всяческую веру в загробный мир. В своих работах, некоторые из которых можно найти в библиотеке Рудольфа Штайнера, среди прочего «Миф о Христе» (2 тома, 1909-1911 гг.), он оспаривает историческое существование Иисуса и Петра. Рудольф Штайнер говорил о Древе и исторических исследованиях жизни Иисуса также в открытой лекции в Карлсруэ «От Иисуса ко Христу», прочитанной 4 октября 1911 г. (в ПСС 131). См. также примечание № 3 к первой лекции.

¹¹ [Так как он...]: добавлено исходя из смысла, после замечания в скобках в записи стоит: «так как исходя из этой мысли».

¹² [благодаря определённым методам она приходит...]: дополнено и исправлено исходя из смысла, дословно: «она приходит к этому благодаря определённым методам, связанным с духовным течением в развитии человечества [...]»

¹³ в книге «Христианство как мистический факт»: книга «Христианство как мистический факт» была опубликована в 1902 году. Рудольф Штайнер написал в предисловии ко второму изданию в 1910 г.: «Это название должно указывать на особый характер книги. В ней я попытался не просто представить мистическое содержание христианства историческим образом, а хотел описать возникновение христианства исходя из мистического воззрения». Начиная со второго издания книга носила название «Христианство как мистический факт и мистерии древности» (сегодня ПСС 8).

¹⁴ *Духовная наука снова связана*: этот отрывок во второй записи звучит так: «Это приближает нас к гнозису. Однако мы стоим на собственных началах».

¹⁵ *была другой. [...] Ранее сновидческое ясновидение*: здесь было убрано следующее неясное предложение из записей: «Сначала сила разума была привязана к внешним чувствам, на сегодняшней точке зрения она исходит из другого».

¹⁶ [Но это ясновидение...]: дословно: «Но это – начало развития человечества, полного развития «Я» человека, на котором построено само бытие человека». Дословный текст отредактирован и дополнен согласно второй записи: «Через утрату продвигаемся к развитию «Я» в физ. мире».

¹⁷ [Хотя] Дойссен [утверждает обратное, следует сказать]: вставка добавлена согласно второй записи. Пауль Дойссен (1845-1919), философ и востоковед, автор многотомной истории философии, в которой он перенёс начало философии в мифическую индийскую ведическую эпоху.

¹⁸ [философией]: возможно, ошибка слуха; в записях вместо этого стоит «теософией».

¹⁹ [с сегодняшней точки зрения ... достичь посвящения]: отредактировано, переставлено и дополнено по смыслу; дословно отрывок звучит так: «Между высшим учебным заведением и храмом существовало промежуточное обучение [...]». Такие достижения были посвящениями».

²⁰ *Существовали различные условия посвящения*: вероятно, имеется в виду то, что Рудольф Штайнер пишет в книге «Христианство как мистический факт», глава «Евангелия» (ПСС 8), а именно, что четыре Евангелия созданы из четырёх различных мистериальных традиций, откуда берут своё начало различия между четырьмя Евангелиями. Они записывали не личную биографию Христа Иисуса, а описывали те духовные переживания исходя из знаний различных ступеней и наставлений посвящения, которые должен был пройти посвящаемый. См. также лекции для членов общества, прочитанные 6 декабря в Берлине (ПСС 124, стр. 70 и далее на нем. языке) и 25 ноября 1907 г. в Базеле (ПСС 100, стр. 280 на нем. языке).

²¹ *В природном развитии мы везде имеем дело со скачками*: см. также отрывок из открытой лекции, прочитанной 8 ноября 1904 г. (ПСС 51): «Широко распространено предубеждение о словах: человеческое развитие идёт вперёд размеренно и последовательно, в развитии исторических событий никогда не происходит скачков. Развитие продвигается плавно и последовательно. Это связано с другим предрассудком: ведь о природе тоже говорят, что она не делает скачков. Об этом говорится постоянно, но это неправильно как в отношении природы, так и в отношении истории». В Штутгарте 19 июня 1919 г. Рудольф Штайнер объясняет это на примере растения (ПСС 330): «Природа повсюду совершает скачки. Когда она переходит от зелёного листа к цветному лепестку цветка, она делает скачок, и когда она переходит от цветного лепестка к пестику, она делает скачок. Природа постоянно совершает скачки. То же самое происходит в жизни человека, если только достаточно

глубоко заглянуть в эту человеческую жизнь». Английский естествоиспытатель Чарльз Дарвин (1809-1882) тем не менее, пишет в своей книге «Происхождение видов» (глава 6, Штутгарт, 1867 г., стр. 240): «Конечно, верно, что новые органы весьма редко или никогда внезапно не появляются у класса, как будто они создаются для какой-то особой цели; – как это уже признано древним, хотя и несколько преувеличенным естественно-научным правилом «*Natura non facit saltum*». [...] Почему бы природе не сделать скачок от одной организации к другой? Согласно теории естественного отбора мы можем увидеть, почему она этого не сделала; потому что естественный отбор действует только благодаря тому, что она использует маленькие постепенные изменения; она никогда не сможет сделать большой и внезапный прыжок, а должна продвигаться короткими и уверенными, но медленными шагами».

Выражение «природа не делает скачков» на самом деле восходит к греческой философии, сравните с мыслью Аристотеля о непрерывности в природе (например «*Метафизика*», VII, 16, 1040 b15). Латинская формулировка «*Natura non facit saltus*» исходит от Карла Линнея, см. его «*Философию ботаники*» (Стокгольм, 1751 г., № 77), но её можно обнаружить в подобной форме уже в 1613 г. в трактате Жака Тиссо: «*Discours véritable de la vie, mort et des os du géant Theutobocus*»..., переиздано в: Эдуард Фурнье «*Variétés historiques et littéraires*» («Исторические и литературные вариации») том IX (Париж, 1859 г.), на стр. 248: «[...] *natura enim in suis operationibus non facit saltum*», Лейбниц (1646-1716) также поддерживал её, см. его «*Новые опыты*» («*Nouveaux essais sur l'entendement humain*») 1756 г., предисловие и глава IV, 16.

²² [*человек мог обращать или нет на это внимание*]: отредактировано и дополнено по смыслу. Дословно: «это было достойно внимания».

²³ *в греческий [период]*: дословно стояло: греческом «мире».

²⁴ [*Это переживание не тождественно...*]: реконструкция. Дословный текст: «Это невозможно идентифицировать с чем-то, что уже было там, а не только с внутренним мистическим Христом».

²⁵ *этим является исторический Христос*: согласно второй записи (соответственно), дословно: «Сперва исторический Христос создал орган, способный (воспринимать) Христа в сердцах людей».

Примечания к третьей лекции от 6 мая 1912 г.

Основа текста: в основу текста положена машинописная расшифровка стенограммы, автор стенограммы не известен. Сама стенограмма отсутствует. Текст был отредактирован.

¹ [*представляемые тем или иным способом*]: добавлено согласно рукописного дополнения к тексту.

² *Эта точка зрения, исходящая из мнения определённого научного направления, гласит*: см. примечание № 3 к первой лекции и следующие объяснения.

³ [*мнение*]: дословно: «вера»; изменение выполнено согласно рукописной корректировке в тексте.

⁴ [*стремящиеся к истине*]: скорректировано исходя из смысла, дословно «истинные».

⁵ *американец Фергюсон*: Чарльз Фергюсон (род. 1863), американский учёный-писатель. В «Diesseits-Religion. Eine Denkschrift über die Prinzipien der Moderne». Перевод с английского языка Сесилии Метеньюс (Лейпциг, 1903 г. стр. 29-30). Дословный текст: «Он [Христос] является пионером нового мира и человеком судьбы. Он понимает Европу, Америку и будущее. Он знает, что демократия находится в самом внутреннем, [...] потому что он – Дух современности».

⁶ *Джон Фиске, сказал*: Джон Фиске (1824-1901) – настоящее имя Эдмунд Фиске Грин, был американским историком, философом и естествоиспытателем. В своей книге «Excursions of an evolutionist» он пишет (XI глава «Evolution and Religion», Лондон, 1883 г., стр. 297 и далее): «All religions agree in the two following assertions, one of which is of speculative and one of which is of ethical import. One of them serves to sustain and harmonize our thoughts about the world we live in and our place in that world; the other serves to uphold us in our efforts to do each what we can to make human life more sweet, more full of goodness and beauty, than we find it. The first of these assertions is the proposition that the things and events of the world do not exist or occur blindly or irrelevantly, but that all, from the farthest sweep of illimitable space, are connected together as them orderly manifestations of a divine Power, and that this

divine Power is something outside of ourselves, and upon it our own existence from moment to moment depends. The second of these assertions is the proposition that men ought to do certain things, and ought to refrain from doing certain other things; and the reason why some things are wrong to do and other things are right to do is in some mysterions but very real way connected with the existence and nature of this divine Power, which reveals itself in every great and every tiny thing, without which not a star courses in its mighty orbit, and not a sparrow falls to the ground. [...] This twofold assertion that there is an eternal Power that is not ourselves, and that this Power makes fort righteousness is to be found, either in a rudimentary or in a highly developed state, in all known religions».

⁷ [*задатков своего рождения*]: дословно: «рождения». Изменено в соответствии с текстом в следующем предложении.

⁸ [*Когда я просматриваю свою жизнь...*]: изменение выполнено немецким редактором исходя из смысла. Дословный текст: «Я отсчитываю мою жизнь от рождения до определённого момента. Тогда наступает [...]».

⁹ *Но сегодня существует другая идея*: сравните с открытыми лекциями, прочитанными 12 октября 1905 г. (ПСС 54) и 4 января 1912 г. (ПСС 61), в которых Рудольф Штайнер описывает идеи таких исследователей. Непосредственное происхождение человека от животного ставилось под сомнение, например, Германом Клаатшем, Карлом Шнеллем и Германом Фридманом. Последний написал книгу «Die Konvergenz der

Organismen. Eine empirisch begründete Theorie als Ersatz für die Abstammungslehre» (Берлин, 1904 г.), в частности см. главу 10 «Über die Urgeschichte der Säugetiere, insbesondere des Menschen». Философ Вильгельм Пройс пишет в своей книге «Geist und Stoff. Erläuterungen des Verhältnisses zwischen Welt und Mensch nach dem Zeugniß der Organismen» (2-е издание, Ольденбург, 1899 г., стр. 20 и далее): «Это не случайность, а неизбежность, что человеческая природа возникла из развития всего земного. Человек является целью всех теллурических (земных) процессов и любая другая возникающая наряду с ним форма заимствовала у него свои черты. Человек является перворожденным существом всего Космоса [...] Когда были созданы его зачатки, сохранившийся органический остаток более не имел необходимой силы, чтобы сотворить дальнейшие человеческие зачатки. То, что возникло дополнительно стало животным или растением [...]». См. также «Загадки философии»: главу «Современный человек и его мировоззрение» (ПСС 18, 1958 г., стр. 565 и далее на нем. языке). «Взаимопомощь в развитии» вместо борьбы за существование по Дарвину – этот взгляд представил русский князь Пётр Алексеевич Кропоткин в своей книге «Взаимопомощь как фактор эволюции» (опубликована на нем. языке в Лейпциге, 1904 г.).

¹⁰ [*её можно пережить только с помощью чувств*]: дополнено и отредактировано соответственно смыслу, дословно: «пережить это только испытав [...]».

¹¹ *Гностики применили знания праотцов о явлении Христа*: более подробно Рудольф Штайнер говорил об этом в параллельной лекции «Христос и двадцатое столетие»

в Берлине, 25 января 1912 г. (в ПСС 61). См. также примечание № 3 ко второй лекции.

¹² *учение древнего философа Аристотеля*: см. вторую лекцию в этом томе и примечание № 5 к ней.

¹³ *Скорее он приходит к идее*: сравни с происхождением души по Аристотелю, «Die Generatione Animalia» II, 3. р. 736, b, 27 (согласно книги Франца Brentano «Die Psychologie des Aristoteles» Майнц, 1867 г., раздел 32, стр. 198-199). О постэкзистенциализме Аристотеля смотрите у Франца Brentano в книге «Aristoteles», Лейпциг, 1911 г., глава «Das Diesseits als Vorbereitung für ein allbeseligendes und jedem gerecht vergeltenden Jenseits», в частности, стр. 145 и далее и «Метафизику» Аристотеля р. 1072 b8. См. также примечание № 5 ко второй лекции.

¹⁴ *«предтечей Бога в отношении познания природы»*: схоластики называли Аристотеля «praecursor Christi in naturalibus» (см.: Рудольф Эйслер «Philosophen-Lexicon», Берлин, 1912 г., стр. 31, ключевое слово «аристотелики»).

¹⁵ *«простого человека из Назарета»*: см. примечание № 8 ко второй лекции.

¹⁶ *с именем Дрекса*: см. примечание № 3 к первой лекции и примечание № 10 ко второй лекции.

¹⁷ *Гёте сказал: «Глаза были сформированы с помощью света для света». ... Если бы глаз не был солнцеподобным: Гёте «Zahme Xenien» («Кроткие ксении»), III.*

Гёте цитирует это высказывание немного в другом варианте в познавательном-теоретическом контексте в «Учении о цвете», дидактической части, вступлении, в «Naturwissenschaftliche Schriften» под редакцией и с комментариями Рудольфа Штайнера у Кюршнера в «Deutsche National-Literatur» 5 томов (1884-1897), переиздание Дорнах, 1975 г., 3 том, ПСС 1с, стр. 88 на нем. языке.

Примечания к четвёртой лекции от 16 ноября 1912 г.

Основа текста: Машинописная расшифровка стенографических записей, выполненных неизвестным; возможно, они принадлежат Францу Зайлеру. Стенограмма отсутствует.

¹ *Более подробное описание можно найти в моей книге «Как достигнуть познания высших миров»*: см. примечание № 4 к первой лекции.

² *в [лабораториях] и обсерваториях [явления...]*: откорректировано и дополнено по смыслу. Расшифровка гласит: «...также те, кто в обсерваториях проводят эксперименты и наблюдают с помощью аппаратов, и затем является здравый человеческий рассудок современников и проверяет эти вещи [...]».

³ *очень либеральный исследователь*: Вильям Бенджамин Смит (1850 – 1934) был первоначально профессором математики. Опубликовал ряд книг: «Esse Deus: The Pre-Christian Jesus» (1894 г.); на немецком языке изданы

под названиями: «Der vorchristliche Jesus. Vorstudien zur Entstehungsgeschichte des Urchristentums», Йена 1911 г.; «Ecce Deus. Die urchristliche Lehre des reingöttlichen Jesus», Йена 1911 г. Смотри также: «Ist der vorchristliche Jesus widerlegt? Eine Auseinandersetzung mit Weinel». У Артура Дрекса в книге «Die Christus-Mythe», часть 2, Йена 1911 г., стр. 427-449.

⁴ *Смит, в частности, указывает на следующий факт.*: см.: Уильям Бенджамин Смит, «Ecce Deus. Die urchristliche Lehre des reingöttlichen Jesus», Йена 1911 г., глава «Das uralte Missverständnis», стр. 13 и далее.

⁵ *Основными представителями этого главного развития мыслей гнозиса были прежде всего Василид, Маркион и Валентин*: Василид (около 130/140 г. в Александрии), Маркион (из Синопа на Чёрном море, умер около 170 г.), Валентин (2 век в Риме). В записи ошибочно написано вместо Valentinus «Valentinian».

⁶ *когда Земля в Солнечной системе была частью мировой туманности*: эта теория была разработана немецким философом Эммануилом Кантом (1724 – 1804) и французским математиком и астрономом Пьером Симоном Лапласом (1749 – 1827). См. Кант «Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels oder Versuch von der Verfassung und dem menschlichen Ursprunge des ganzen Weltgebäudes nach Newtonschen Grundsätzen abgehandelt, nebst zwei Supplementen» (Лейпциг, [1755 г.]) и сочинения Лапласа «Exposition du système du monde» (1796 г.) и «Traité de Mécanique céleste», 5 томов (Париж 1799-1825 гг.).

⁷ *Наглядным образом это показывают*: это так называемая попытка Плато, названная по имени бельгийского физика Жозефа Антуана Фердинанда Плато (1801-1883), описывается Винченцем Кнауэром, которого Рудольф Штайнер очень уважал, в его лекциях о «Die Hauptprobleme der Philosophie» (часть II, девятая лекция, Вена и Лейпциг, 1892 г., стр. 281) следующим образом: «Готовится смесь воды и спирта, которая имеет удельный вес чистого оливкового масла, а затем в эту смесь выливается довольно большая капля масла. Она не плавает на поверхности жидкости, а опускается до её середины, причём в виде шара. Теперь, чтобы привести её в движение, диск из картонной бумаги в центре протыкается длинной иглой и осторожно опускается в центр масляного шара так, что внешний край диска образует экватор шара. Этот диск теперь вращается, сначала медленно, затем всё быстрее и быстрее. Конечно, движение разделяет масляный шар, и в результате центробежной силы от него отделяются части, которые после их выделения ещё некоторое время присоединяются к вращению, сначала в виде кругов, затем шариков. Таким образом, часто возникает удивительно похожее на нашу планетную систему образование: то есть в центре самый большой шар, представляющий наше Солнце, а вокруг него движутся более мелкие шары и круги, которые можно воспринимать как планеты вместе с их лунами».

⁸ *Кто желает признавать лишь материю*: высказывание не может быть доказано в таком виде. См., например, формулировку Гёте в «Entwurf einer Einleitung in die vergleichende Anatomie», раздел Б: «Мы учимся

видеть глазами духа, без которых, как и везде, а особенно в естествознании, мы движемся наощупь». («Goethes Naturwissenschaftliche Schriften», 5 томов изданных Рудольфом Штайнером с комментариями в Национальной литературе Кюршнера, (1883/97 г.), переизданы в ПСС 1а, стр. 262.)

⁹ *в развитии Гёте*: в 1786 году Гёте отправился в Италию. Это путешествие по Италии было определяющим для его дальнейшей биографии, для его взглядов на мир и жизнь; см. также лекцию Рудольфа Штайнера для членов общества, прочитанную в Гамбурге 30 июня 1918 г., ПСС 182 (2002 г.), стр. 115 на нем. языке.

¹⁰ *в моей книге «Христианство как мистический факт»*: см. примечание № 13 ко второй лекции.

¹¹ *что теологи, например, Гарнак в своей «Истории догм»*: Адольф фон Гарнак (1851-1930), немецкий теолог и церковный историк. См. сочинение в трёх томах «Lehrbuch der Dogmengeschichte» (первый том, часть первая, книга первая, глава четвёртая, 2. «Vom Wesen des Gnosticismus», 1886 г. Фрайбург-в-Брайсгау, 1886-1890 гг., 2. изд. 1888 г., стр. 191): «Благодаря этому рассмотрению следует предоставить гностикам их место в истории догм, которое до сих пор не признают. Они без лишних слов были богословами первого века; они изначально превратили христианство в систему учений (догм); в самом начале они систематически разрабатывали традиции; они пытались представить христианство как абсолютную религию и, следовательно, решительно противопоставить другим религиям, в том числе иудаизму; но, с точки зрения

содержания, абсолютная религия была для них, идентична выводам философии религии, для которой следует пытаться найти основу откровения [...]».

¹² *Смит полагал*: см. примечание № 4 к четвёртой лекции.

¹³ *как так называемое «понимание Иисуса»*: см. примечания №№ 3 к первой лекции и 10 ко второй лекции.

¹⁴ *Нюрнбергского теолога Риттельмейера*: протестантский пастор Фридрих Риттельмейер (1872-1938) впервые встретился с Рудольфом Штайнером около 1910 года. Упомянутая книга вышла в 1912 году и выдержала несколько переизданий («Jesus. Ein Bild in vier Vorträgen», Ульм, 1912 г.). См. также: Фридрих Риттельмейер, «Моя жизненная встреча с Рудольфом Штайнером», Штутгарт, 1928 г., стр. 24 на нем. языке.

¹⁵ *О Ранке, великом историографе, рассказывают*: Леопольд фон Ранке (1795-1886), историк, основоположник современного направления исторической науки, которая базируется на доказательствах на основе критического подхода к первоисточникам. Сравните: Герман Гримм, «Фрагменты, вторая и последняя части», Берлин, 1902 г., стр. 174 и далее на немецком языке. Там история рассказывается несколько иначе. Утверждение Ранке о том, что появление Христа, в качестве религиозного таинства, не может рассматриваться историографией, встречается у Леопольда фон Ранке в книге «Weltgeschichte», третья часть: «Das altrömische Kaisertum», первый раздел, Лейпциг 1883 г., стр. 161.

¹⁶ *Исходя из сверхчувственного ему была явлена*: см. Деяния Апостолов 9, 3-19.

¹⁷ *Гарнак говорил*: «*Все исторические записи*: в его лекции о «Das Wesen des Christentums» (Лейпциг 1901г., с. 13) встречается такое утверждение, которое буквально говорит: «Нашими источниками о существовании Иисуса – за исключением некоторых важных сообщений апостола Павла – являются три первых Евангелия. Всё остальное, что мы знаем об истории и проповедях Иисуса, независимо от этих Евангелий, можно с удобством уместить на одной четверти страницы, настолько оно невелико по размеру».

¹⁸ *что Дреус глубокомысленным образом показал*: см., например, Артур Дреус, «Ist Jesus eine historische Persönlichkeit?» («Является ли Иисус исторической личностью?») в: «Hat Jesus gelebt?» («Существовал ли Иисус?»), речах, произнесенных во время Берлинского обсуждения религии Немецкой монистической лигой 31 января и 1 февраля 1910 года в Зоологическом саду о «Мифе о Христе» профессором, д-ром Артуром Дреусом, профессором, пастором фон Зоденом, пастором Фридрихом Штойделем, пастором, д-ром г. Хольманом, пастором, д-ром Максом Фишером, д-ром Фридрихом Липсиусом, пастором Х. Франке, доцентом Теодором Капштайном и д-ром Макс. Мауренбрехером. Издано Немецкой монистической лигой, Берлин, 1910 г., стр. 13-31. См. также примечание № 3 к первой лекции и №10 ко второй лекции.

¹⁹ *Вы можете найти у Дреуса или у Смита в книге «Esse Deus»*: см. заключительное слово Дреуса в «Hat Jesus

gelebt?», стр. 93-95, и Уильям Бенджамин Смит, «Esse deus. Die urchristliche Lehre des reingöttlichen Jesu», Йена 1911 г., глава «Das uralte Missverständnis», стр. 5.

²⁰ *Дреус не является материалистом... он полагает*: см. также «Hat Jesus gelebt?», лекцию Дреуса, его тезисы и отрывок из его речи в заключительном слове (стр. 25, 34 и 94): «Кем ещё может быть для нас Христос сегодня? Дамы и господа! Я лично от своего имени отвечаю на это: как чисто историческая личность никем. Как идея, как идея Богочеловечества, напротив всем, а именно причиной новой религии, новой веры, новой поддержкой для нашей жизни, которая много раз теряла её и борется за то, чтобы вернуть таковую».

²¹ *Вначале мы находим это у Лессинга*: Готхольд Эфраим Лессинг (1729-1781), писатель и философ, однажды сформулировал мысль о перевоплощении в своей книге «Воспитание человеческого рода» (1780 г.) таким образом (в: «Werke», т. IV, §98): «Почему бы мне не возвращаться так часто, как меня присылают, чтобы обрести новые знания, новые навыки? Неужели я так много уношу за один раз, что не стоит усилий вернуться?»

²² «*Если двое или трое собрались во имя Моё*»: см. Ев. от Матвея 18, 20.

²³ *реальным Вторым пришествием Христа*: сравните высказывание в лекции, прочитанной в Палермо для членов общества 18 апреля 1910 г. (ПСС 118), где Рудольф Штайнер ясно высказал то, на что здесь только намекнул, а именно, что не будет телесного пришествия Христа.

Примечания к пятой лекции от 10 января 1914 г.

Это было одним из разногласий с руководством Теософского общества (Адьяр), которое провозгласило возрождение Христа в конкретной личности мальчика Джидду Кришнамурти (1895-1986). Разногласия по поводу понимания Христа привели к отделению немецкой теософской секции от Теософского общества и созданию Антропософского общества.

²⁴ *Если двое или трое соберутся во имя Моё:* см. Евангелие от Матвея 18, 20.

²⁵ *Кто не оставит отца и мать ради Меня:* см. Евангелие от Матвея 10, 37, Евангелие от Марка 10,29, Евангелие от Луки 17, 26.

²⁶ *в настоящее время существуют глубокомыслящие исследователи:* см. примечания №№ 19 и 20 к этой лекции.

²⁷ *«Если бы глаз не был солнцеподобным»:* см. примечание № 17 к третьей лекции.

²⁸ *«Если бы мир не был одарён Солнцем»:* Текст почти такой же, как в Берлинской лекции, прочитанной 21 ноября 1912 г. (ПСС 62) и лекции, прочитанной 25 ноября 1912 г. в Мюнхене (ПСС 69а). Один вариант находится в тетради № 3340.

Если бы существование не было наполнено солнцем
Как могли бы глаза существ раскрыться
Если бы в мироздании не было заложено
Сокрытым духовное Существо
Что даровало бы людям духовную жизнь.

Основа текста: лекция, предположительно, была записана в соавторстве с Кате Вахгаузен и впервые расшифрована для этого тома из её старых рукописных записей. Стенограмма отсутствует. В конце запись в некоторых местах неполная. Реконструкции редакторов обозначены квадратными скобками и отмечены в примечаниях. Стилистически текст был слегка отредактирован.

¹ *самые авторитетные, самые выдающиеся учёные современности:* см. примечания №№ 4 и 12 к четвёртой лекции.

² *Гностик, напротив, говорил:* см. примечание № 3 ко второй лекции.

³ *Тогда говорили:* ... для достижения высшей: сравните также изложение Рудольфа Штайнера в «Загадках философии» (ПСС 18), в главе «Мировоззрения в средние века».

⁴ *три личности, родившиеся в один год немногим более ста лет назад:* поэт Отто Людвиг родился 12 февраля 1813 г. (†25 февраля 1865 г.), его соратник Фридрих Геббель – 18 марта 1813 г. (†13 декабря 1863 г.), и, наконец, музыкант Рихард Вагнер – 22 мая 1813 г. (†13 февраля 1883 г.).

⁵ *небольшую книгу Риттельмейера «Jesus»:* см. примечание №13 к четвёртой лекции.

⁶ *Один по праву популярный писатель*: Петер Розеггер (1843 – 1918) был австрийским писателем, который, исходя из простых крестьянских отношений, благодаря своим романам, рассказам и повествованиям сыскал себе славу национального поэта.

⁷ *Затем Бенджамин Смит утверждает*: см. примечание № 3 к четвёртой лекции.

⁸ *[подобно тому, как это некогда случилось]*: изменение согласно смыслу со стороны издателей. Дословно: «Как сейчас мировоззрение Коперника [...]».

⁹ *[освобождающиеся посредством этого]*: значимое дополнение, выполненное издателями.

¹⁰ *«Я пребуду с вами до конца земных дней»*: Последние слова Евангелия от Матфея (Ев. от Матфея 28,20).

¹¹ *идея Христа [в то время]*: Реконструкция; здесь, вероятно, ошибка слуха. В отрывке говорится: «идея Христа, которая показывает нам, как [...]».

¹² *исключительный мыслитель настоящего времени по имени Элиот*: Чарльз Уильям Элиот (1834-1926) сначала изучал математику и химию, затем был профессором химии в Массачусетсе, благодаря своим взглядам на реформу образования был призван в Гарвардский университет, который он возглавлял в течение 40 лет. В 1909 году, во время празднования окончания летнего курса теологии, он выступил с речью к студентам, которая вышла в Нью-Йорке в 1910 году под названием

«The Religion of the Future» в рамках сборника «The Durable Satisfaction of Life» и была опубликована в том же году на немецком языке: «Религия будущего» (Гиссен 1910 г.).

¹³ *будут называть [глупым]*: реконструкция. В тексте написано «дурацкий», слово, которое обычно не встречается у Рудольфа Штайнера. Возможно, ему понадобилось австрийское «damisch», которое может означать «глупый», «растерянный» или даже «очень», «чудовищный».

¹⁴ *кто находит в духе [единое начало (Монон)]*: Монон, от греческого «моно» – «единственный», «единый». Здесь, возможно, присутствует ошибка записи. Немецкий натуралист Эрнст Геккель (1834-1919) говорит о монерах, безъядерных образованиях, как о происхождении жизни, возникшей из пра-атмосферы. См. Эрнст Геккель, «Natürliche Schöpfungsgeschichte», Берлин 1868 г., первая часть, «Allgemeine Entwicklungslehre». Пятнадцатая лекция «Entwicklung des Weltalls und der Erde. Urzeugung. Kohlenstoff-Theorie. Plastiden-Theorie», стр. 364 и далее, и вторая часть «Allgemeine Stammesgeschichte. Vorfahrenreihe des Menschen», семнадцатая лекция. «Phylogenetisches System der Organismen. Protisten und Histonen», стр. 406 и далее. Рудольф Штайнер упоминает об этих монерах и в сочинении «Reinkarnation und Karma, vom Standpunkte der modernen Naturwissenschaft notwendige Vorstellungen» (ПСС 34, стр. 83); а также в Базельской лекции для членов общества, прочитанной 22 ноября 1907 года (ПСС 100, стр. 262). Сравните также с примечанием к Франческо Реди и к самозарождению (см. примечание №10 к первой главе).

¹⁵ *Если даже тысячу раз Христос:* из «Cherubinischen Wandersmann», первая книга, № 61.

¹⁶ «Если бы глаз не был ...: см. примечание №17 к третьей лекции.

¹⁷ *Я считаю:* Чарльз Дарвин в своей основной работе «Über die Entstehung der Arten im Tier- und Pflanzenreich durch natürliche Züchtung oder Erhaltung der vervollkommenen Rassen im Kampfe ums Dasein», Штутгарт 1860 г. (на английском языке: «On the Origin of Species», London 1859 г.), заключение, глава 15, последнее предложение.

¹⁸ «Вы будете как боги»: Первая книга Моисея 3,5.

¹⁹ *Но отцу [не нужно обязательно] иметь сына:* в этом месте в записи есть большие пробелы. Формулировки в квадратных скобках – попытки реконструкции.

²⁰ *Теперь онъ свергъ съ себя ярмо животной злости:* Фридрих Шиллер, «Художники», 12-я строфа.

Примечания к шестой лекции (ответы на вопросы) от 8 марта 1914 г.

Основа текста: ответы на вопросы имеются в наличии только в машинописной форме в виде заметок о лекции; заметки лекции из-за низкого качества не смогли быть использованы. Человек, выполнивший записи, неиз-

вестен. Примечания носят афористический характер и поэтому были сильно отредактированы (дополнения редактора стоят в квадратных скобках). В начале лекции Рудольф Штайнер в общем говорил о сущности духовной науки и предпосылках для духовного исследования, потом о развитии человека и человечества, идущему по восходящей линии вплоть до тридцати, тридцати пяти лет, а после этого возраста, идущему по нисходящей, как в лекции в Страсбурге от 18 февраля 1911 г., а затем, вероятно, как в предыдущих лекциях о Крещении Иоанном, как например, в лекции в Гамбурге, прочитанной 16 ноября 1911 г. (стр. 85 и далее на нем. языке).

¹ *Вознесении:* см. Деяния апостолов 1,9-10.

² *Сошествии Христа в ад:* в старой дословной формулировке католического вероучения («апостольский символ христианской веры») назначение звучало «descendit ad inferos», на немецком: «niedergefahren zur Hölle» («сошествие в ад») (сегодня «hinabgestiegen in das Reich des Todes» («нисхождение в царство смерти»)). См. замечания к этому в берлинских лекциях Рудольфа Штайнера, прочитанных для членов общества 23 октября 1908 г. (ПСС 107) и 1 января 1909 г. (ПСС 107).

³ *произошло землетрясение:* это является, возможно, единственным открытым заявлением Рудольфа Штайнера на вопрос о том, что случилось с телом Христа после положения во гроб. В лекции для членов общества в Мюнхене, прочитанной 9 января 1912 г. (ПСС 130) он продолжил: «Но то, что было положено во гроб, рассыпалось в прах. [...] Земля разверзлась,

и прах мёртвого тела упал внутрь и соединился со всей субстанцией Земли». См. также изложенное Рудольфом Штайнером в лекциях для членов общества, прочитанных в Осло 2 октября 1913 г., в Мюнхене 19 декабря 1913 г., в Кёльне 18 декабря 1913 г., и в Берлине 10 февраля 1914 г., (все лекции в ПСС 148), а также в лекции для строителей здания Гётеанума, прочитанной 9 мая 1923 г. (ПСС 349).

⁴ *«Да будет воля Твоя, а не моя»*: молитва Иисуса Христа в Гефсимании. См. Евангелие от Луки 22,42. См. также открытую лекцию в Берлине, прочитанную 17 февраля 1910 г. о сущности молитвы (ПСС 58), а также ответы на вопросы в лекции, прочитанной 11 марта 1913 г. в этом томе.

⁵ *Речи Будды больше обращались к сердцу*: сравните подробное описание в лекции, прочитанной в Страсбурге от 18 февраля 1911 г., согласно которой здесь продолжают пропущенные записи о притче, и лекцию в Дрездене, прочитанную 18 ноября 1910 г. (обе лекции в этом томе). К буддийской притче смотрите «Milindapanha», записанную на языке пали беседу между Менандросом (Милиндой, царём индо-греческого царства около 110 г. до н. э.) и буддийским святым Нагасеной. На немецком языке смотрите книгу Отто Шрадера «Die Fragen des Königs Menandros», Берлин 1905 г..

⁶ *Живой предмет желая изучить...*: Гёте, «Фауст», первая часть трагедии, сцена с учеником, кабинет, строфы 1936-1941.

⁷ *за шестьсот лет до Рождества Христова Будда сказал*: см. примечание № 16 к первой лекции.

⁸ *Прав ли Древис, когда описывает греческий логос как «непонятный»*: реконструкция вопроса исходя из ответа Рудольфа Штайнера. См., например, Артур Древис «Миф о Христе» глава «Гностицизм и Иисус апостола Иоанна» (Йена, 1910 г., стр. 222 и далее на нем. языке): «Действительное слияние мифологической личности гностического «сына божия», которые ещё в образе Филонова «логоса» колеблется между безличным духовным существом и аллегорической личностью, с образом «человека» Иисуса – так и не было достигнуто автором четвёртого евангелия. Все усилия предполагаемого Иоанна изобразить слиянность божеского и человеческого в едином образе личного, по существу своему божественного, но по проявлениям своим земного Иисуса в какой-нибудь постижимой форме неизбежно разрушаются тем, что никак нельзя себе представить персонифицированный «логос» человеком, а человека, по существу своему божественного, божеством. Поэтому-то и Христос Иоанна всё время колеблется, как говорит Пфлейдерер, «между возвышенной истиной и призрачной небылицей: он истинен, поскольку в качестве «сына божьего», идеала человеческой религии, совершенно свободен от всяких рамок личности, национальности, места и времени; он призрачен, поскольку представляет собой странствующего по земле под мифической человеческой оболочкой бога». (Возникновение Христа 239) (переводчик с немецкого – Румянцев Н. В.)

⁹ *низойти из духовных миров*: в лекции Рудольф Штайнер открыто говорил, что перевод Карла Вайцекера:

«Это есть мой любимый Сын, сегодня я породил его», который был рассказан некоторыми свидетелями текста, является правильным. См. Евангелие от Луки 3,22 в «Новом Завете». Перевод Карла Вайцекера. Согласно оригинального издания девятого тиража. Тюбинген 1904 г.; сравните также с изданием критики текста Нового Завета Эберхарда Нестле от 1898 г. и высказываниями Рудольфа Штайнера в лекции для членов общества, прочитанной 21 сентября 1909 г. в Базеле (ПСС 114).

¹⁰ *Сегодня [часто] думают, что Христос и Адонис – одно и то же:* дополнение редактора к ответу исходя из смысла согласно других лекций. – См., например, «Миф о Христе» Артура Дрекса, Йена, 1910 г., глава «Возражения против отрицания историчности синоптического Иисуса», стр. 186 и далее на нем. языке. Рудольф Штайнер говорил о культуре Адониса относительно Христа в различных лекциях, в частности прочитанной 8 мая 1910 г. в Берлине (ПСС 116, 2006 г., стр. 159 и далее на нем. языке), в которой он также приводит пример с одеянием и указывает на то, что нельзя из внешней схожести событий делать вывод об идентичности двух личностей, и в лекции, прочитанной 31 декабря 1913 г. в Лейпциге (ПСС 149, стр. 73 на нем. языке), в которой он говорил, что в смерти и воскрешении бога Адониса речь шла об образе; он не мыслился воплощённым во плоти. Всемирно-историческая карма создала место для культа Адониса именно в Вифлееме, месте рождения Иисуса согласно Евангелию от Луки.

¹¹ *Один известный теолог в Берлине:* вероятно, имеется в виду Адольф фон Гарнак (см. примечание № 11 к четвёртой лекции).

¹² *Робертсон Смит полагает:* возможно, речь идёт не о шотландском теологе Вильяме Робертсоне Смите (1846-1894), а о Джоне Робертсоне (1856-1933), авторе книги «Die Evangelienmythen» («Мифы Евангелий») (Йена, 1910 г.), одна глава в которой посвящена доказательству дохристианского происхождения молитвы «Отче наш» (стр. 191 и далее на нем. языке).

Примечания к седьмой лекции от 18 ноября 1910 г.

Основа текста: в качестве основы текста использована машинописная расшифровка, выполненная неизвестным. Стенограмма отсутствует. Записи имеют характер заметок; начало и конец отсутствуют. Текст был обработан стилистически.

¹ *от Будды ко Христу:* по теме «Будда и Христос» также смотрите следующую лекцию, прочитанную в Страсбурге 18 февраля 1911 г. Уже в 1901/1902 гг. в Берлине Рудольф Штайнер в кругу «Грядущих» читал лекции под названием «От Будды ко Христу». Записей этих лекций не сохранилось. Следующие открытые лекции о Будде или на тему «Будда и Христос» Рудольф Штайнер читал в Берлине 2 декабря 1909 г. под названием «Будда и Христос» (ПСС 58), и 2 марта 1911 г. под названием «Будда» (ПСС 60). Об открытых лекциях в Штутгарте 2 января 1911 г., и в Лунде (Швеция) 17 января 1910 г. под названием «Будда и Христос», в Карлсруэ 26 января 1910 г., в Веймаре 12 февраля 1910 г. и в Бонне 21 февраля 1911 г. не сохранилось никаких записей, о лекции в Мангейме

о «Теософии в отношении к буддизму и христианству», прочитанной 24 февраля 1913 г. имеется лишь небольшое количество заметок. Сравните также лекцию «От Будды ко Христу», прочитанную на Международном конгрессе Федерации европейских отделений Теософского общества 31 мая 1909 г. в Будапеште (ПСС 109).

² [*проникает в развитие*]: изменение исходя из смысла; дословно: «вначале вникает».

³ *высказывание Франческо Реди*: см. примечание № 10 к первой лекции.

⁴ [*независимого положения по отношению к «Я»*]: реконструкция; дословно это место в расшифровке звучит так: «положение над «Я»».

⁵ *Тогда для начала приведём рассказ буддиста*: см. примечание № 5 к шестой лекции.

⁶ *Бенаресской проповеди*: см. примечание № 16 к первой лекции.

⁷ *Христос на кресте*: здесь запись обрывается. Заключительные слова лекции не сохранились.

Примечания к восьмой лекции от 18 февраля 1911 г.

Основа текста: лекция, прочитанная 18 февраля, стенографирована и расшифрована Альфредом Рибштейном,

который в то время был руководителем ветвей в Карлсруэ и Пфорцхайме. Существует также дословная немного отличающаяся машинописная запись (которая согласно примечанию на расшифровке стенограммы может принадлежать даже Рудольфу Хану), сама стенограмма отсутствует. Для составления текста были использованы обе расшифровки; они являются достоверными. Дословный текст слегка обработан стилистически.

¹ *Иначе не было бы необходимости указывать*: см. примечание № 11 к первой лекции.

² *Франческо Реди*: см. примечание № 10 к первой лекции.

³ *Джордано Бруно*: см. примечание № 12 к первой лекции.

⁴ *Но в то время фраза «живое может произойти только от живого» была*: см. примечание № 10 к первой лекции.

⁵ *в буддистской литературе*: см. примечание № 5 к шестой лекции.

⁶ *Затем предмет на части расчленяет*: см. примечание № 6 к шестой лекции.

⁷ [*ещё более ясным образом*]: дополнено редактором соответственно смыслу.

⁸ *то легенда облачается в следующие слова*: см., например, Рихард Пишель, «Жизнь и учение Будды», Лейпциг, 1906 г., глава III, стр. 20 на нем. языке.

⁹ *Заратустру, Гермеса, Орфея и других следовало бы рассматривать как таких Бодхисаттв*: Рудольф Штайнер давал представление об этих учителях человечества в различных открытых лекциях: о Заратустре смотрите лекции в Берлине, прочитанные 19 января 1911 г. (ПСС 60) и Мюнхене 11 декабря 1910 г. (ПСС 69b); о Гермесе он читал лекцию двумя днями ранее в Берлине 16 февраля 1911 г.; об Орфее он говорил, например, в лекции для членов общества 25 октября 1909 г. также в Берлине (ПСС 116). Миф об Орфее рассказывает Овидий в своих «Метаморфозах» (книга X, глава 1); эту легенду также можно найти у Вергилия («Георгики», книга четвёртая).

¹⁰ *От уз, в которых целый мир страдает, свободен тот, кто волю обуздает*: из поэмы Гёте «Тайны» (1784-85).

¹¹ *что Кант называет «категорическим императивом»*: Иммануил Кант (1724-1804), см. «Критику практического разума», 1 часть, 1 книга, 1 основная часть, §7: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом».

¹² *«Не я, но Христос во мне»*: см. примечание № 17 к первой лекции.

¹³ *«Как достигнуть познания высших миров?»*: см. примечание № 4 к первой лекции.

¹⁴ *«Если бы глаз не был солнцеподобным ... Глаз создан при помощи света для света»*: см. примечание № 17 к третьей лекции. (Последнее предложение процитировано не совсем дословно).

¹⁵ *Истина Шопенгауэра*: Артур Шопенгауэр (1788-1860), немецкий философ. «Мир есть моё представление» – это первое предложение в его главном труде «Мир как воля и представление» (1819).

¹⁶ *«если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша»*: 1 Коринфянам 15,14.

¹⁷ *[как от отца к сыну передаётся одна и та же кровь в последовательности поколений]*: реконструкция, потому что здесь вероятно произошла ошибка слуха или оговорка. В расшифровке стенограммы это место звучит так: «как в следующей инкарнации в отношении крови та же самая кровь передаётся от отца к сыну [...]».

¹⁸ *«Христианство как мистический факт»*: см. примечание № 13 к второй лекции.

¹⁹ *«Я с вами во все дни»...*: Евангелие от Матфея 28,20.

²⁰ *Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его»*: Евангелие от Иоанна 2,21.

²¹ *Устремляется к чувству человека*: это изречение Рудольф Штайнер часто подобным образом высказывал в конце открытых лекций, например, в Берлине 20 октября 1910 г. и 16 марта 1911 г. (обе лекции в ПСС 60), в Нюрнберге 14 ноября 1910 г. и в Базеле 23 февраля 1911 г. (обе лекции в ПСС 69b). Изложения, данные Морицем Циттером и Линой Шлипак-Утнер, напечатаны в ПСС 40 (Циттер) и в ПСС 40а, и ПСС 268 (Шлипак).

Примечания к девятой лекции от 1 декабря 1911 г.

Основа текста: машинописная расшифровка стенографических записей выполнена неизвестным. В некоторых местах присутствуют неясности. Текст записей был стилистически обработан, некоторые места реконструированы, взяты в квадратные скобки, см. Примечания.

¹ *Нюрнберг, 1 декабря 1911 г.:* в изданных Матильдой Шолль «Сообщениях членам немецкого отделения теософского общества» № XII (Кёльн, ноябрь 1911 г.) была ошибочно указана дата 2 декабря 1911 г. Лекция была впервые опубликована в «Приложениях к полному собранию сочинений трудов Рудольфа Штайнера», тетрадь 110 (Пасха 1993 г.).

Михаэль Бауэр, глава нюрнбергской ветви, написал Рудольфу Штайнеру 4 октября 1911 года: «Что касается открытых лекций, – я надеюсь, по крайней мере, на две, – которые вы прочитаете в Нюрнберге этой зимой, я прошу тему «От Иисуса ко Христу» или нечто подобное». – В то время Бауэр работал над серией очерков «О восприятии Христа в теософии» для журнала «Христианство и современность», которые были опубликованы Фридрихом Риттельмейером и Кристианом Гейером.

² *В одном журнале, опубликованном в Швейцарии в 1861 году:* соответствующее утверждение также можно найти в лекции, прочитанной для членов общества в Карлсруэ 10 октября 1911 года (ПСС 131, с.138 на нем. языке); журнал, автор и цитата до сих пор не обнаружены. В ПСС 131 цитата воспроизведена следующим образом: «Как только

я смогу убедить себя в реальности Воскресения Христа, этого абсолютного чуда, я разрушу современное мировоззрение. Как мне кажется, эта трещина в нерушимом природном порядке была бы неисправимой трещиной в моей системе, во всём мире моего мышления».

³ *«Если Христос не воскрес»:* 1.Коринфянам 15, 14.

⁴ *просветителю Реймарусу:* теолог и философ, а также профессор восточных языков считается первым, кто попытался исторически постичь жизнь Иисуса. Он представлял «религию разума» в противоположность догматической церковной вере. Его главный труд «Apologie oder Schutzschrift für die vernünftigen Verehrer Gottes» распространялся при его жизни в качестве рукописи среди его друзей. Только после его смерти Готхольд Эфраим Лессинг опубликовал часть этих произведений, не называя автора, под заглавием «Фрагменты неизвестного» (1774-1778). Тем самым он вызвал широкомасштабную дискуссию.

⁵ *[Лессинг, напротив, нёс в себе субстанциально иной духовный образ]:* реконструкция. Дословно: «Лессинг, однако, был из другой духовной субстанциальной формации». О нём пишет Альберт Швейцер в своей книге «Von Reimarus bis Wrede. Eine Geschichte der Leben-Jesu-Forschung» («От Реймаруса до Вреде. История исследования жизни Иисуса» Тюбинген, 1906 г., с. 15 и далее): «Лессинг не мог согласиться с этим [со взглядами Реймаруса]. Его представление об откровении и его представление о личности Иисуса были гораздо глубже, чем во «Фрагментах ...». Он был мыслителем, а Реймарус – просто историком. ... Глядя в будущее как пророк, Лессинг однажды

сказал: «Из внутренней истины следует объяснить христианские предания, и все письменные предания не могут дать ей внутренней истины, если она её не имеет».

⁶ *Однажды он сказал:* не может быть доказано в этой форме. Сравните утверждение Лессинга в «Религии Христа» (1780): «§1 Был ли Христос больше, чем человек, это является вопросом. Что он был реальным человеком, если он вообще существовал; что он никогда не переставал быть человеком: это дело решённое. §2 Следовательно, религия Христа и христианская религия – это две совершенно разные вещи. §5 Как обе эти религии, как религия Христа, так и христианская, могут существовать во Христе как в одной и той же личности, является непостижимым. §6 Учения и принципы обеих едва ли можно найти в одной и той же книге. По крайней мере, очевидно, что та, а именно религия Христа, содержится у евангелистов совсем иной, чем христианская. §7 Религия Христа содержится там в самых ясных и понятных словах. §8 Напротив, христианское настолько неопределённо и неоднозначно, что трудно найти одно место, с которым два человека, с тех пор, пока стоит мир, связали тождественную мысль». В: Готхольд Эфраим Лессинг: «Сочинения», том 7, Мюнхен 1970 г., с. 711-712 на нем. языке. Первая публикация в: «G.E. Lessings theologischer Nachlass», изд. Карлом Лессингом, Берлин (Voss) 1784 г.

⁷ *Но были и другие исследователи:* например, Христиан Карл Иосиа Бунзен (1791 – 1861), прусский дипломат и теолог. В своей книге «Geschichte der Bücher und Herstellung der urkundlichen Bibeltexte» (Лейпциг, 1866 г., с. 77) он пишет: «Если Евангелие от Иоанна есть не что

иное, как поэтическое описание отдельного человека, то вместе с этим рухнет и всё христианство». Ср. также лекции Рудольфа Штайнера, прочитанные 13 февраля 1906 г. (ПСС 97) и 27 октября 1906 г. (ПСС 94).

⁸ *теолог XIX века:* Франц Овербек (1837 – 1905), протестантский теолог, профессор в Базеле, друг Ницше. Его книга «Über die Christlichkeit unserer heutigen Theologie» издана в 1873 году.

⁹ *что жизнь Ницше завершилась умопомешательством:* Фридрих Ницше (1844 – 1900), немецкий философ, изначально классический филолог. Рудольф Штайнер в 1895/96 годах некоторое время работал внештатным сотрудником в архиве Ницше. О его разногласиях с Ницше свидетельствует вышедшая в 1895 году книга «Фридрих Ницше – борец против своего времени» (ПСС 5). См. Также: Рудольф Штайнер «Мой жизненный путь», 18 глава (ПСС 28) и документацию «Рудольф Штайнер и архив Ницше», опубликованную Дэвидом Марком Хоффманом в: «Rudolf Steiner Studien», том VI, Дорнах 1993 г..

¹⁰ *исходя из внутренней необходимости:* см. примечание №21 к четвёртой лекции. [чтобы затем снова вернуться на Землю]: реконструкция по смыслу; дословно: «Потом снова живёт и так далее. Таким образом был создан единый организм. Душа не умирает в развитии [...]».

¹¹ *премия за лучшую литературную работу:* Максимилиан Дросбах (1810 – 1884), инженер и руководитель прядильного предприятия, интересовался философией и опубликовал несколько книг. Его особенно интересовал

вопрос бессмертия, о котором он опубликовал сочинение «Wiedergeburt, oder die Lösung der Unsterblichkeitsfrage auf empirischem Wege nach den bekannten Naturgesetzen». Как человек жизненной практики, он сделал свою особую область интересов предметом конкурса и установил цену в 40 золотых дукатов для наилучшего воплощения идеи бессмертия. Награду получил врач и философ Густав Виденманн (1812-1876) за работу «Gedanken über die Unsterblichkeit als Wiederholung des Erdenlebens» («Мысли о бессмертии как повторение земной жизни», Вена, 1851 г., новое издание осуществлено в 1961 году).

См. эссе С.С. Пихт «Das Auftauchen der Reinkarnationsidee bei dem Arzt und Philosophen G. Widenmann um 1850» в журнале «Антропософия», выпуск 7-8 (1932 г.), перепечатано в серии «Denken – Schauen – Sinnen», № 20 (1961 г.).

¹² *что Христос умер за человечество*: 1 Коринфянам 15: 4-8.

¹³ *это завело бы слишком далеко*: см. ответы на вопросы к лекции, прочитанной 8 марта 1914 г. в этом томе, а также №3 к указанной лекции.

Примечания к десятой лекции от 15 ноября 1913 г.

Основа текста: лекция, прочитанная в Гамбурге 15 ноября 1913 г. Стенографическая запись была выполнена и расшифрована Фрицем Лангнером, который признался в письме Рудольфу Штайнеру, что в содержании текста

могут быть некоторые неясности. Поэтому местами было необходимо значительное вмешательство в текст.

¹ *также здесь в этом городе*: например, открытые лекции, прочитанные Рудольфом Штайнером в Гамбурге 16 ноября 1912 г. (в настоящем томе), 11 ноября 1911 г., записи которой не сохранились, и 24 мая 1910 г. (ПСС 69b).

² *и в моей книге «Как достигнуть познания высших миров»*: смотрите примечание №4 к первой лекции.

³ *моя книга «Христианство как мистический факт»*: смотрите примечание №13 ко второй лекции.

⁴ *основной биогенетический закон*: в своём труде «Anthropogenie» (Лейпциг 1891г., т. I, с. 64) Эрнст Геккель пишет: «Краткий онтогенез или развитие индивидуума – это быстрое и сокращённое повторение, сжатая рекапитуляция длительного филогенеза или развития вида (разновидности)». См. также: тоже самое: «Natürliche Schöpfungsgeschichte», 1 часть. «Allgemeine Entwicklungslehre», тринадцатая лекция «Keimes-Geschichte und Stammes-Geschichte», Берлин, 1898 г., стр. 308 и далее. В записи неверно указан «диогеометрический (diogemetrische) основной закон».

⁵ *[относительно] скоро снова стать новым земным человеком*: дополнено редактором по смыслу; по словам Рудольфа Штайнера, обычно между смертью и новым воплощением проходят 1100-1200 лет; см., например, лекцию для членов общества, прочитанную в Касселе 23 июня 1907 г. (ПСС 100, 2006 г., стр.109 и далее на нем. языке).

⁶ *Однако мне пришлось бы прочитать много лекций:* смотрите другие изложения в этом томе. Объединение двух мистериальных потоков благодаря Иисусу Христу Рудольф Штайнер представил с точки зрения Евангелия от Марка также в лекции для членов общества в Берлине 19 декабря 1910 г. (ПСС 124).

⁷ *крещение Иоанном в Иордане:* Евангелие от Матфея 3, 13-17, Евангелие от Марка 19-10, Евангелие от Луки 3, 21-22, Евангелие от Иоанна 1: 29-34.

⁸ *В событии, о котором мы сейчас говорим, – в наиболее [плодотворный] момент для развития человечества:* в записи стоит «furchtbarsten» (самый страшный); дальнейшие редакционные изменения внесены в соответствии со смыслом во всё предложение. – Предложение в записи гласит: «В том событии, о котором мы сейчас говорим, в самом страшном пункте развития человечества произошло соприкосновение духовного, пронизывающего Космос, с человеком таким образом, что события от смерти вплоть до того, что мы называем Воскресением, и то, что Христос претерпел в течение трёх лет своего служения, тогда подготовили то, что эта сила затем исходит из Мистерии Голгофы, истекает, в то время, как раньше она была, так сказать, во внеземном Космосе, с тех пор она пребывает в земной части Космоса».

⁹ *[человек больше не мог ...]:* реконструкция: в записи предложение гласит: «[...] что человек, который больше не мог, потому что он больше не обладал в себе силами молодости, выйти из себя указанным способом,

который словно больше не мог выйти в другом возрасте жизни – он достиг этого уже в юности – что этот человек теперь более не нуждался в том, чтобы выходить в ту или иную сторону, но что благодаря Мистерии Голгофы произошло нечто, в результате чего человек, хотя и выходил за пределы обычной человечности, но оставался человеком».

¹⁰ *[в котором он сам приводит свою человечность ...]:* попытка реконструкции по смыслу; в записи это место гласит: «[...] Только для самого человечества переходит к высшему «Я», к более интенсивной внутренней жизни и при этом также внешней жизни».

¹¹ *когда я в пребываю в Боге во Вселенной:* реконструкция; в записи это место гласит: «[...] из Вселенной в Бога из глубин собственной души наружу [...]».

¹² *«Не я, но Христос во мне!»:* смотрите примечание № 17 к первой лекции.

¹³ *«Если бы глаз не был солнцеподобным»:* смотрите примечание № 17 к третьей лекции.

¹⁴ *«Если бы не было света»:* смотрите примечание № 17 к третьей лекции; не дословная цитата.

¹⁵ *[Если Христос...]:* реконструкция; дословно: «Когда Христос становится человеком, духовная наука может помочь понять Христа, научить переживанию Христа, чтобы при этом через Христа она нашла Иисуса».

Примечания к одиннадцатой лекции от 11 марта 1913 г.

Основа текста: стенографическая запись лекции была выполнена и расшифрована Георгом Кленком. Кто записал и расшифровал ответы на вопросы неизвестно. Текст записи был стилистически переработан; в некоторых неясных местах пришлось внести дополнения в текст, а также в ответы на вопросы, которые местами кратко – афористически отмечены (квадратными скобками в тексте; см. также примечания).

¹ *Рафаэля:* на самом деле Рафаэлло Санти (1483-1519). О Рафаэле, см. также две лекции для членов общества, прочитанные в Дорнахе 17 января и 5 октября 1917 года в «Истории искусства как отображении внутренних духовных импульсов» (ПСС 292), а также в «Beiträge zur Rudolf Steiner Gesamtausgabe», тетрадь № 82, Рождество 1983 года, с хронологическим обзором лекций Рудольфа Штайнера о Рафаэле. В этой тетради впервые были изданы как данная, так и следующая лекции о Рафаэле. Ещё одну открытую лекцию о Рафаэле Рудольф Штайнер прочитал 30 января 1913 года в Берлине (ПСС 62).

² *Герман Гримм:* (1828 – 1921), искусствовед и историк, профессор истории искусств в Берлине. Он написал, в частности, «Жизнь Микеланджело» (2 тома, с 1860 по 1863 г.), «Das Leben Raphaels» («Жизнь Рафаэля») (1872 г., для последующих изданий 1886г. и 1896г. – полностью переработанные, цитируется по 3 изданию, Берлин, 1896 г.), «Goethe. Vorlesungen» 2 тома, 1876/77), «Непреодолимые силы» (роман, 1867 г.), а также многочисленные очерки.

Сочинения Рудольфа Штайнера о Германе Гримме находятся в ПСС 30 (к 70-летию со дня рождения, стр. 365 и далее и по случаю его смерти стр. 469 и далее на нем языке) и ПСС 36 (стр. 169 и далее на нем. языке). О Германе Гримме как предвестнике духовной науки, он подробно рассказал в открытой лекции, прочитанной 16 января 1913 года в Берлине (ПСС 62).

³ «*Рафаэль – гражданин мировой истории*»: из книги «Рафаэль как мировая сила», в: Герман Гримм, «Фрагмент II», Берлин и Штутгарт, 1902 г., стр. 153 на нем. языке.

⁴ [*Скорее, речь должна идти о том...*]: попытка реконструкции. В записи говорится: «Речь должна идти о том благе, что из таких предпосылок, как они были даны выше, вытекающих из нашей нынешней духовной жизни, совершенно естественным образом можно направить рассмотрение Рафаэля к точке зрения духовной науки».

⁵ *историка того времени:* Франческо Матараццо (1443-1518), написал «Chronik von Perugia 1492 -1503», в которой он изображает кровопролитные битвы различных правящих семей, которые были вовлечены в постоянные споры о наследстве (Франческо Матараццо, «Chroniche della citta di Perugia», edite da Ariodante Fabrerri, 2 тома, Турин 1888 г.).

⁶ *Асторре Бальони [...] картине Рафаэля, «Святой Георгий»:* швейцарский ученый-искусствовед и писатель Якоб Буркхардт писал об этом: «Тогда на площади восемнадцатилетний Симонетто Бальони с несколькими

сторонниками оборонялся от нескольких сотен человек и пал под натиском врагов с более чем двадцатью ранами, но, когда ему на помощь пришёл Асторре Бальони, снова вскочил на коня в позолоченных железных доспехах с ястребом на шлеме: «Подобный Марсу по виду и по деяниям он ворвался в толпу». В то время Рафаэль, будучи двенадцатилетним мальчиком, был учеником у Пьетро Перуджино. Возможно, впечатления этих дней увековечены в ранних небольших изображениях Святого Георгия и Святого Михаэля; возможно, нечто из этого ещё живёт нетленным дальше в большой картине Святого Михаэля; и если где-то Асторре Бальони нашёл свое преобразование, то произошло это в облике небесного всадника в Элиодоре (картина Рафаэля – «Изгнание Элиодора» – прим. пер.). См. Якоб Буркхард, «Die Cultur der Renaissance in Italien. Ein Versuch», четвертое издание под ред. Людвиг Гейгера, 2 тома, Лейпциг, 1885 год, том I, 1-й раздел, 4-я глава, «Die kleine Tyrannien», стр.30.

⁷ *учителя Рафаэля в Перудже, Перуджино*: на самом деле Пьетро Вануччи (1443-1523), самый выдающийся художник Умбрии до Рафаэля.

⁸ *с именем Савонаролы*: Джироламо Савонарола (1452-1498), монах-доминиканец и реформатор ордена во Флоренции. Он проповедовал против безнравственности своего времени, особенно у духовенства. По инициативе папы Александра VI он был отлучён от церкви, арестован, подвергнут пыткам и казнён как еретик. Рудольф Штайнер рассказывал членам общества о миссии Савонаролы 27 октября 1908 года в Берлине (ПСС 108).

⁹ *как я объяснял позавчера*: 9 марта 1913 года в лекции «Как можно узнать нечто о сверхчувственных мирах?» (планируется для ПСС 69d).

¹⁰ *Макиавелли ... говорил*: Никколо Макиавелли (1469-1527) был государственным деятелем, историком и поэтом. Возможно, Рудольф Штайнер ссылается здесь на отрывок из 25-й главы «Buches vom Fürsten», где Макиавелли говорит о «безудержном» характере папы Юлия. Аналогичное утверждение также можно найти в книге 3 «Discorsi», глава 8.

¹¹ *[восходящего христианства по отношению к древнегреческой культуре]*: попытка реконструкции по другим высказываниям Рудольфа Штайнера. В записи это место гласит: «что составляет сущность восходящей греческой культуры». Сравни высказывание Рудольфа Штайнера, например, в лекции для членов общества, прочитанной в Берлине 2 мая 1912 года (ПСС 133, 1989 г., стр. 89): «Мы чувствуем, что Рафаэль на самом деле хотел представить тот момент, когда Павел выступил среди греков».

¹² *находящиеся позади [чувственных] миров*: попытка реконструкции; в записи написано «душевных миров».

¹³ *на почве серьёзного, всеобъемлющего учения о развитии*: сравните всеобъемлющее изложение Рудольфа Штайнера в его «Очерке тайноведения» (ПСС 13).

¹⁴ *самое существенное*: выражение, в основном используемое в Нижней Австрии, в отличие от обычного для

немецкого пространства оборота «das A und O». Таким образом, оно должно обозначать «целое», «существенное».

¹⁵ *с помощью методов, описанных позавчера*: см. примечание №9 к одиннадцатой лекции.

¹⁶ *[Они оказываются своего рода нисходящими боковыми течениями]*: реконструкция; в записи это место гласит: «Тогда они оказываются словно отпавшими, истекшими от великой линии развития, человек является изначально, но как духовное существо, и в процессе развития он как бы отталкивает от своего нисходящего потока другие царства природы».

¹⁷ *образ Изиды с Гором*: Изида была египетской богиней, которая посредством излучения Осириса, своего супруга и брата, будучи девственницей, стала матерью Гора. См. также изложение Рудольфа Штайнера в книге «Христианство как мистический факт», глава «Мистериальная мудрость и миф» (ПСС 8).

¹⁸ *[когда он видит приближающуюся из эфирных сфер ...]*: реконструкция; в записи говорится: «Когда он видит воспаряющую из нижних сфер Сикстинскую Мадонну вместе с возвышенным человечеством, с младенцем Иисусом, то он может смотреть на облака, как на основу, эфирную основу [...]».

¹⁹ *такой личностью ... Августин*: Аврелий Августин (353-430), известнейший западноевропейский теолог. Сравните к цитируемому отрывку «Retractationes», L.I, Cpt. XIII, 3.

²⁰ *материалистически-историческом*: в записи присутствует ошибка «истерическом».

²¹ *поднималась наружу из недр Земли*: при жизни Рафаэля раскопки в Риме и его окрестностях привели к обнаружению шедевров греческой скульптуры. Около 1503 года была найдена скульптура, называемая Аполлон Бельведерский, в 1506 году была обнаружена группа Лаокоона, упомянутая Плинием, римская копия шедевра скульпторов Агесандра, Полидора и Афанадора с Родоса. Тогда это было сенсационным событием.

²² *Франческо Реди*: см. примечание №10 к первой лекции. Реконструкция редактора в соответствии со смыслом; это место в записи гласит: «[...] но я часто использовал сравнение, которое уже сделал Франческо Реди, что это неправильно, если вы хотите увидеть возникновение животных в речном иле. Не хотят идти к сути того, что ведёт к более ранней подобной жизни, это то, к чему привыкли».

²³ *[сегодня обвиняют в ереси иным образом...]*: попытка реконструкции. В записи это место гласит: «Сегодня клеветают по-другому, когда делают попытку также конкретно указать на земную жизнь, которую невозможно объяснить из её окружения, что везде, если человек может вникнуть более тщательно, обнаруживается обособленность, но вспыхивает, если предположить, что обособленное ведёт к более раннему существованию на Земле, и становится ясно, что то, что было усвоено душой в предыдущем существовании на Земле, когда он прошёл через жизнь между смертью и рождением, принимает форму самоочевидного, связанного с мудростью,

в качестве принадлежащего мудрости. С Рафаэлем связаны христианские импульсы, чья сущность такова, что она не может быть мыслима без Рафаэля».

²⁴ [*Если принять знание духовной науки ...*]: попытка реконструкции; дословный текст записи: «Но из духовно-научных предположений, что человек проходит через повторяющиеся жизни на Земле, и, что усвоенное раньше, позднее становится силой, переживает, наблюдает, как оно вступает в душу, а затем оно проходит через те стадии, которые человечество проходит между смертью и новым рождением. Там он становится единым с душой, и когда человек затем вступает в новую жизнь на Земле, он работает с этими силами над всей своей внутренней формой тела и делает своё тело таким, чтобы то, что он создаёт, исходило естественным образом из его существа».

²⁵ *Перед моими глазами предстаёт эволюция человечества*: Герман Гримм в «Das Leben Raphaels», Берлин, 1896, стр. 1 (см. примечание №2 к лекции одиннадцатой).

Примечания к ответам на вопросы в одиннадцатой лекции

¹ «*Как достигнуть познания высших миров*»: см. примечание № 4 к первой лекции.

² *при чтении книг Льва Толстого*: Лев Толстой (Лев Николаевич Толстой, 1828-1910), русский писатель; здесь подразумеваются его религиозные труды. О Толстом см. также статью Рудольфа Штайнера «Геккель,

Толстой и Ницше» (1901 г., ПСС 31) и открытые лекции, прочитанные в Берлине 3 ноября 1904 года (ПСС 53) и 28 января 1909 года (ПСС 57).

³ *Могут ли быть исполнены желания человека посредством благоговейной молитвы?*: Этот ответ на вопрос о молитве был впервые опубликован в тетради 110 «Beiträge zur Rudolf Steiner Gesamtausgabe» (Пасха 1993 г.). Смотрите также примечание № 4 к шестой лекции (ответы на вопросы).

Примечания к двенадцатой лекции от 19 мая 1913 г.

Основа текста: эта лекция была записана и, вероятно, также расшифрована профессиональным стенографистом Элен Финк, которая в 1915 году официально получила задание записать лекции Рудольфа Штайнера, но машинописная запись не содержит полного текста стенограммы. Поэтому основой текста послужила имеющаяся машинописная расшифровка дополненная и откорректированная вручную в соответствии со стенограммой. Стенограмма представлена в двух вариантах: непосредственной записи лекции, а также набело переписанной стенографической записи. Расшифровку в определённых местах пришлось сильно отредактировать (реконструкции: предложения в квадратных скобках в тексте, отмеченные в примечаниях).

¹ *Работу Германа Гримма о Микеланджело*: смотри примечание №2 к одиннадцатой лекции.

² *значительное произведение о Гёте... «Жизнь Рафаэля»:* см. примечание №3 к одиннадцатой лекции.

³ *чудесное эссе:* «Рафаэль, как мировая сила», в: Герман Гримм, «Фрагменты II», Берлин и Штутгарт, 1902 г., стр. 151-184 на нем. языке.

⁴ *в своей важной книге:* «Непреодолимые силы», роман (1867 г.).

⁵ *Рафаэль – гражданин мировой истории:* эта и следующая цитата «Если бы Микеланджело»... взяты из книги «Рафаэль как мировая сила», в: Герман Гримм, «Фрагменты II», Берлин и Штутгарт, 1902 г., стр. 153 и 171 на нем. языке.

⁶ *[когда он смотрит на такого человека...]:* редакция в соответствии со смыслом. Дословно место в расшифровке, исправленное согласно стенограмме, выглядит так: «у человека, который всю свою жизнь углублялся в тему, в его чувстве есть что-то, о чём он должен так говорить по отношению к этой своей теме. Герман Гримм при этом возводит Рафаэля в гражданина мировой истории, в существо, выделяющееся из всего развития человечества».

⁷ *развитие никогда не делает скачков:* см. примечание №21 ко второй лекции.

⁸ *Лессингом:* см. примечание №21 к четвёртой лекции.

⁹ *они более подробно рассматриваются в других лекциях:* например, в открытых Берлинских лекциях, прочитанных 19 января 1911 г. и 2 марта 1912 г. (ПСС 60).

¹⁰ *[Но это верно и правильно...]:* реконструкция. Это предложение первоначально выглядит в расшифровке: «И это верно для этого времени. Это – созерцание; это верно, когда воображение создаёт образы, то перед душой художника встаёт то, что он находит как сознающий себя человек». В расшифровку от руки были внесены исправления после сравнения со стенограммой, после этого фраза гласила: «И это справедливо и верно только для нашего времени, ибо так желает рассудочное рассмотрение мира, чтобы в созерцании человек получал истинный или ложный образ, и чтобы в воображении он создавал образы того, чему он противопоставляет себя, как самосознающий человек».

¹¹ *[Тогда душа... создала]:* реконструкция, в записи говорится: «Тогда душа создавала из самых внутренних законов мира те формы, которые не видят подобно внешним, но которые в большей степени соответствуют законам внешнего».

¹² *[это то время, когда создавали свои творения такие великие художники, как Леонардо, Микеланджело...]:* дословно в стенограмме: «Нет другого времени, чем то, в которое творили великие люди Леонардо, Микеланджело и Рафаэль».

¹³ *«Исповеди» Августина:* Аврелий Августин (353-430), известнейший западноевропейский теолог. Сравните к цитируемому отрывку «Retractationes», L.I, Cpt. XIII, 3.

¹⁴ *[Это развитие особенно в ту эпоху...]:* это место в записи дословно звучит так: «Это развитие привело к тому,

что искусство временами принимало застывшие формы, а его облики носили жёсткий характер». С помощью рукописных вставок оно было исправлено в соответствии со стенограммой следующим образом: «Это углубление привело, прежде всего, к тому, что когда в то время духовного развития человека расцвела так называемая культура Ренессанса пришли к тому, что выступило определённое нехудожественное рассмотрение».

¹⁵ *Пьетро Перуджино в Перуджи*: см. примечание № 7 к одиннадцатой лекции.

¹⁶ *повествование одного летописца*: см. примечание № 6 к одиннадцатой лекции.

¹⁷ *заметно влияние Савонаролы*: см. примечание № 8 к одиннадцатой лекции.

¹⁸ *Юлием II*: см. примечание № 10 к одиннадцатой лекции.

¹⁹ «*В двадцать один год он написал*»...: см. «Рафаэль как мировая сила», заключение 1 главы в: Герман Гримм, «Фрагменты», II, Берлин и Штутгарт, 1902 г., стр. 182 на нем. языке.

²⁰ *плохо отреставрированные, плохо сохранившиеся фрески*: фрески в настоящее время отреставрированы.

²¹ [*Куда пришло человечество...*]: попытка реконструкции. Это место, вероятно, искажено в расшифровке; оно гласит там: «куда пришло человечество со всей эпохой, прошедшей до греческой культуры».

²² *с «путеводителем Бедекера» в руках*: означает то же, что «Путеводитель» – по имени изобретателя современного справочного издания», продавца книг Карла Бедекера (1801-1859).

²³ *как я сказал позавчера*: 17 мая 1913 года Рудольф Штайнер читал открытую лекцию в Штутгарте на тему «Ergebnisse der Geistesforschung für Lebensfragen und das Todesrätsel» (ПСС 69а).

²⁴ *Перед моими глазами предстаёт эволюция*: цитата взята из книги Германа Гримма «Жизнь Рафаэля», Берлин 1896 г., стр. 4 на нем. языке.

²⁵ *О труде всей жизни... О Рафаэле всегда захотят узнать*: цитата взята из «Жизни Рафаэля», там же, 1896 г., стр. 293 и 1 на нем. языке.

Рудольф Штайнер

Новое переживание Христа

Двенадцать открытых лекций с ответами на вопросы
GA 69с

Переводчик

Гуменник Светлана Андреевна

Редактор

Гуменник Надежда Вадимовна

Корректор

Гуменник Надежда Вадимовна

Вёрстка и оформление

Саянов Михаил